

TEMPUS
ET
MEMORIA

TEMPUS ET MEMORIA

Журнал основан в 2006 г.
Выходит 2 раза в год

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Издатель: Издательство Уральского университета, 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-79281 от 02 октября 2020 г.

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Мы представляем единственный в России журнал, который специализируется на проблемах изучения социальной, исторической, культурной памяти и социальной темпоральности. В журнале печатаются статьи по философии, политологии и истории. Материалы представлены в рубриках по проблемам, разработка которых требует совместных усилий философов, историков и политологов. Редакционная политика «Tempus et Memoria» строится на принципах научного плюрализма: позиция авторов журнала не обязательно отражает точку зрения редколлегии. Редакция журнала стремится соответствовать строгим критериям научности, все материалы проходят двойное слепое рецензирование. К рецензированию и печати принимаются материалы на русском и английском языках. Особое внимание уделяется участию молодых перспективных исследователей — аспирантов или соискателей. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Е-mail: tempusetmemoria@urfu.ru

Сайт: tempusetmemoria.ru

Адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319, «Tempus et Memoria»

© Уральский федеральный университет, 2024

TEMPUS ET MEMORIA

The Journal was founded in 2006
Published two times per year

Founded by Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira Str., 620002 Yekaterinburg, Russia

Publisher: Ural University Press
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media. Mass media registration certificate EL FS77-79281
as of October 02, 2020

The Journal is included in the State Commission for Academic Degrees and Titles (VAK) list
of leading peer-reviewed academic journals prescribed for the publication of research results
for scholars seeking advanced academic degrees.

The Journal is indexed in: Science Index (eLibrary)

The journal publishes articles on philosophy, history and political science. The materials are presented under the headings on problems, the development of which requires the joint efforts of philosophers, historical and political scientists. The editorial policy of “Tempus et Memoria” is based on the principles of scientific pluralism: the position of the authors of the journal does not necessarily reflect the point of view of the editorial board. The editors of the journal strive to meet strict criteria for scientificity, all materials undergo double-blind peer review. Materials in Russian and English are accepted for review and printing. Particular attention is paid to the participation of young promising researchers — graduate students or applicants. Publications in the journal are carried out on a non-commercial basis.

Email: tempusetmemoria@urfu.ru
tempusetmemoria.ru

Editorial Office Address: 51, room 319, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Tempus et Memoria

Главный редактор

О. В. Головашина, д. ф. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ответственный секретарь

Е. С. Лебедь (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Редакторы разделов

А. А. Линченко, к. ф. н. (Россия, Липецк, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ) — редактор раздела по философии

А. И. Миллер, д. и. н. (Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге) — редактор раздела по политологии

К. Д. Бугров, д. и. н. (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук) — редактор раздела по истории

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М. Г. Агапов, д. и. н. (Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет)

Д. А. Аникин, к. ф. н. (Россия, Москва, Московский государственный университет)

Е. В. Беляева, к. ф. н. (Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет)

А. Г. Васильев, к. и. н. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

И. О. Дементьев, к. и. н. (Россия, Калининград, Балтийский федеральный университет)

Д. В. Ефременко, д. п. н. (Россия, Москва, Институт научной информации по общественным наукам РАН)

Е. Махотина, PhD (Германия, Бонн, Рейнский университет Фридриха Вильгельма в Бонне)

А. С. Меньшиков, к. ф. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. В. Михалев, д. п. н. (Россия, Улан-Удэ, Бурятский государственный университет)

М. М. Мчедлова, д. п. н. (Россия, Москва, Российский университет дружбы народов)

Ф. В. Николаи, д. ф. н. (Россия, Нижний Новгород, Мининский университет)

И. О. Пешков, PhD (Польша, Познань, Университет им. Адама Мицкевича)

О. С. Поршнева, д. и. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

М. Е. Соболева, д. ф. н. (Австрия, Клагенфурт, Альпийско-Адриатический университет Клагенфурта)

Е. О. Труфанова, д. ф. н. (Россия, Москва, Институт философии Российской академии наук)

Е. С. Черепанова, д. ф. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Миллер, д. и. н. (Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге) (**председатель**)

Ш. Бергер, PhD (Германия, Бохум, Рурский университет в Бохуме)

В. А. Кокшаров, к. и. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

М. Ларюэль, PhD (США, Вашингтон, Университет Джорджа Вашингтона)

Н. А. Ломагин, д. и. н. (Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге)

О. Ю. Малинова, д. ф. н. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

Т. Л. Никодемо, PhD (Бразилия, Сан-Паулу, Университет Кампинас)

Л. Ноймайер, PhD (Франция, Париж, Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна)

Л. П. Репина, д. и. н. (Россия, Москва, Институт всеобщей истории Российской академии наук)

Р. Саква, PhD (Великобритания, Кентербери, Кентский университет)

В. Н. Сыров, д. ф. н. (Россия, Томск, Томский государственный университет)

Б. Тренченьи, PhD (Венгрия, Будапешт, Центральный Европейский университет)

М. Б. Хомяков, д. ф. н. (Кыргызстан, Бишкек, Университет Центральной Азии)

Дизайн обложки — Ольга Язовская

Editor-in-Chief

O. Golovashina, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

Managing Editor

E. Lebed (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

Partition editor

A. Linchenko, PhD (Russia, Lipetsk, Financial University under the Government of the Russian Federation), Philosophy Section Editor

A. Miller, PhD (Russia, St. Petersburg, European University at St. Petersburg), Political Science Section Editor

K. Bugrov, PhD (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences), History Section Editor

EDITORIAL BOARD

M. Agapov, PhD (Russia, Tumen, University of Tyumen)

D. Anikin, PhD (Russia, Moscow, Moscow State University)

E. Belyaeva, PhD (Belarus, Minsk, Belarusian State University)

E. Cherepanova, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

I. Dementev, PhD (Russia, Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University)

D. Efremenko, PhD (Russia, Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences)

E. Makhotina, PhD (Germany, Bonn, University of Bonn)

M. Mchedlova, PhD (Russia, Moscow, RUDN University)

A. Menshikov, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

A. Mikhalev, PhD (Russia, Ulan-Ude, Buryat State University)

F. Nikolai, PhD (Russia, Nizhny Novgorod, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University)

I. Peshkov, PhD (Poland, Poznan, Adam Mickiewicz University in Poznan)

O. Porshneva, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

M. Soboleva, PhD (Austria, Klagenfurt, University of Klagenfurt)

E. Trufanova, PhD (Russia, Moscow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

A. Vasilyev, PhD (Russia, Moscow, National Research University Higher School of Economics)

EDITORIAL COUNCIL

A. Miller, PhD (Russia, St. Petersburg, European University at St. Petersburg) (**Chairman**)

S. Berger, PhD (Germany, Bochum, Ruhr University Bochum)

M. Homiyakov, PhD (Kyrgyzstan, Naryn, University of Central Asia)

V. Koksharov, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

M. Laruelle, PhD (USA, Washington, George Washington University)

N. Lomagin, PhD (Russia, St. Petersburg, European University at St. Petersburg)

O. Malinova, PhD (Russia, Moscow, National Research University Higher School of Economics)

T. L. Nicodemo, PhD (Brazil, São Paulo, University of Campinas)

L. Neumayer, PhD (France, Paris, Université de Paris 1 Panthéon-Sorbonne)

L. Repina, PhD, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences)

R. Sakwa, PhD (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Canterbury, University of Kent at Canterbury)

V. Syrov, PhD (Russia, Tomsk, Tomsk State University)

B. Trencsényi, PhD (Hungary, Budapest, Central European University)

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ И СОЦИАЛЬНЫЙ ОСТРАКИЗМ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

- Гудилина Е. Н.**
К проблеме концептуализации остракизма как механизма сохранения традиции (кейсы Л. Н. Толстого и А. В. Кураева*)..... 6
- Фархитдинова О. М.**
Практики и технологии отмены в цифровом пространстве: символические коды интернет-мемов и хештегов о религии 17
- Фисюков В. А.**
«Карикатура 90-х» или притча о революции? Кинонарратив о Л. Д. Троцком в его байопике 1993 года: переход от репрессивного забвения к селективному 28

ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

- Линченко А. А.**
Память о перестройке в нарративах российских учебников истории 42
- Чернышев А. А.**
Энциклопедия перелома: Уральская советская энциклопедия как отражение эпохи краеведения в СССР..... 53
- Каменцев А. А.**
Концепт великодержавия на службе возрожденного казачества 60

CANCEL CULTURE AND SOCIAL OSTRACISM PAST AND PRESENT

- Gudilina E. N.**
On the Problem of Conceptualizing Ostracism as a Mechanism for Preserving Tradition (Cases of L. N. Tolstoy and A. V. Kuraev*)..... 6
- Farkhitdinova O. M.**
Cancellation Practices and Technologies in the Digital Space: Symbolic Codes of Internet Memes and Hashtags about Religion.....17
- Fisiukov V. A.**
“Caricature of the 90s” or Parable of Revolution? The Film Narrative about L. D. Trotsky in his 1993 Biopic: the Transition from Repressive Forgetting to Selective Forgetting 28

SOCIAL MEMORY PRACTICES

- Linchenko A. A.**
The Memory of Perestroika in the Narratives of Russian History Textbooks..... 42
- Chernyshev A. A.**
Encyclopedia of the Turning Point: The Ural Soviet Encyclopedia as a Reflection of the Era of Local Lore in the USSR 53
- Kamentsev A. A.**
The Concept of Great Power at the Service of the Revived Cossacks..... 60

*Кураев А. В. признан Министерством юстиции РФ иностранным агентом.

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ И СОЦИАЛЬНЫЙ ОСТРАКИЗМ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Научная статья

УДК 130.2 + 39:316.7 + 821.161.1-3 Толстой + 929 Кураев + 2-3

doi 10.15826/tetm.2024.2.065

К проблеме концептуализации остракизма как механизма сохранения традиции (кейсы Л. Н. Толстого и А. В. Кураева*)

Екатерина Николаевна Гудилина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ek.gudilina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0435-1671>

Аннотация. В статье выявляется связь между традицией и остракизмом как механизмом ее поддержания и сохранения. Достаточно стабильное идейно-смысловое, сакрализованное ядро традиции всегда несет в себе потенциальную возможность активизации остракизма как охранительной реакции социальной системы на критику традиции или на попытку ее изменения или ликвидации. На примере кейсов Л. Н. Толстого и А. В. Кураева* анализируются этапы зарождения и эскалации ценностного конфликта, связанного с противопоставлением между личностью и традицией в лице религии и государства. Отмечается ряд особенностей остракизма как социальной практики, что позволит не только сравнивать аналогичные кейсы, но и прогнозировать их возникновение и предлагать технологии управления ими.

Ключевые слова: традиция, идейно-смысловое ядро, остракизм, консервативный поворот, религия, церковь, Л. Н. Толстой, А. В. Кураев*

Для цитирования: Гудилина Е. Н. К проблеме концептуализации остракизма как механизма сохранения традиции (кейсы Л. Н. Толстого и А. В. Кураева*) // *Tempus et Memoria*. 2024. Т. 5, № 2. С. 6–16. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.2.065>

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 24-28-01309), <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>

*Кураев А. В. признан Министерством юстиции РФ иностранным агентом.

Original article

On the Problem of Conceptualizing Ostracism as a Mechanism for Preserving Tradition (Cases of L. N. Tolstoy and A. V. Kuraev*)

Ekaterina N. Gudilina

Sankt-Petersburg State University, Sankt-Petersburg, Russia
ek.gudilina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0435-1671>

Abstract. The article reveals the relationship between tradition and ostracism as a mechanism of its maintenance and preservation. A sufficiently stable ideological and semantic, sacralised core of tradition always carries a potential possibility of activation of ostracism as a protective reaction of the social system to criticism of tradition or an attempt to change or eliminate it. On the example of the cases of L. N. Tolstoy and A. V. Kuraev* the stages of the emergence and escalation of the conflict of values associated with the opposition between the individual and tradition in the person of religion and the state are analysed. A number of peculiarities of ostracism as a social practice are noted, which will allow not only to compare similar cases, but also to predict their emergence and propose technologies to manage them.

Key words: tradition, ideological and semantic core, ostracism, conservative turn, religion, church, L. N. Tolstoy, A. V. Kuraev*

For citation: Gudilina, E. N. (2024). К проблеме контseptуализации остракизма как механизма сохранения традиции (кейсы Л. Н. Толстого и А. В. Кураева*) [On the Problem of Conceptualizing Ostracism as a Mechanism for Preserving Tradition (Cases of L. N. Tolstoy and A. V. Kuraev*)]. *Tempus et Memoria*. 5, 2, 6–16. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.2.065>

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation (grant № 24-28-01309), <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>

Введение

Общество представляет собой сложную систему переплетения социальных полей, которые развиваются циклически: за периодами изменений и прогресса социальной реальности той или иной степени интенсивности следуют периоды отката или замедления развития [Пантин]. Несмотря на динамическую природу общества, требуется определенная стабильность, которую обеспечивает пространство традиции, представляющее собой «несколько измерений преемственности: во-первых, идей, ценностей и моделей мышления; во-вторых — моделей поведения и способов их отражения; в-третьих — институтов» [Семененко, 53].

Одним из механизмов защиты и сохранения традиции является остракизм, который запускается при попытках того или иного актора не только оспорить или разрушить традицию, но и даже ее критически обсудить в публичном пространстве. Рассмотрение

кейсов Л. Н. Толстого и А. В. Кураева* позволит обратиться к проблеме традиции и выявить причины, по которым традиция всегда содержит в себе потенциальную возможность остракизма. Анализ кейсов Л. Н. Толстого и А. В. Кураева* проведен в рамках интерпретативной парадигмы, видящей в культурных практиках сети значений и смыслов [Гирц, 11].

Проблемы понимания традиции. Связь традиции и остракизма

Рассмотрение остракизма как одного из механизмов поддержания традиции требует определенной ясности в вопросах понимания традиции как таковой. Для исследования традиции воспользуемся методологической схемой, которая была предложена Хайнцем Штрайбом для изучения религиозности в среде молодежи:

*Кураев А. В. признан Министерством юстиции РФ иностранным агентом.

пространство изучаемого феномена условно разделяется на субстанциональную, функциональную оси и ось дискурсивных и социальных практик [Streib, Gennerich, 13–17].

Субстанциональная ось представляет собой выявление атрибутивных характеристик традиции. Отметим, что уже существующий массив исследовательской литературы, связанный с концептуализацией традиции, отличается многообразием теоретико-методологических подходов, что зачастую осложняет понимание традиции в целом. Понимание традиции может основываться на ее социокультурной природе: с одной стороны, традиция определяется как «своего рода социокультурные гены, которые однозначно детерминируют характер определенного общества или группы» [Гофман, 17]. В этом случае традиция приобретает черты неизбежной, внечеловеческой силы, не оставляющей сознанию и воле человека пространства для проявления и реализации. Другой подход носит конструктивистский характер, основывающийся на целерациональной и ценностно-рациональной деятельности человека. В таком прочтении традиция становится открытым для изменения идейно-смысловым пространством, в рамках которого возможны, по сути, почти любые «изобретения традиции» [The invention].

Концептуализация традиции может основываться не только на прояснении ее социокультурной природы, но и на ее противопоставлении другим феноменам. Наиболее распространенные примеры таких дихотомий — это традиция и рациональность, традиция и современность, традиция и новация (инновация, перемены). Попытки нахождения дуальных оппозиций не всегда способны учесть социальную динамику в полной мере и лишь реифицируют понимание традиции [Семенов, 53]. Необходимо, чтобы в исследованиях традиции отражались ее достаточно устойчивое идейно-ценностное ядро, ее гетерогенность как «амальгама устойчивых элементов, приращений и инноваций» [Shils, 44–45] и ее динамический характер [Ibid., 213].

Множественность социальных практик, реализующихся в обществе, ставит вопрос о том, по каким причинам та или иная практика начинает маркироваться как традиция. Предположим, что традицией становятся те

социальные практики, которые не только удовлетворяют конкретные потребности человека и общества, но и способны обрастать дополнительными смыслами и целями, выходящими далеко за пределы своей первоначальной, основной функции. Например, для нашего анализа кейсов Толстого и Кураева* особое значение имеет религия: «Принятие Русью его [христианства] восточной ветви и распространение православного учения задавало обществу ту систему смыслов, которая оказала воздействие на все сферы его жизнедеятельности, не исключая и сферу политическую» [Щербинина, Аванесова, 293]. Можно проследить на обширном историческом материале, как религия не только стремилась помочь человеку ответить на важнейшие вопросы жизни и смерти, «преодолеть временность и случайность человеческого существования» [Ореханов, 87], но и постепенно приобретала все новые и новые смыслы. Религия становится социальной практикой, которая передает опыт и культуру от поколения к поколению, способствует социальной интеграции, выстраивает фундамент морали и т. д. Традиция преодолевает рамки исключительно «полезной деятельности», приобретая способность сакрализировать свое идейно-ценностное ядро и расширять свое влияние [Shils]. Традиция как бы создает «пространство притяжения», что позволяет появляться и проявляться дополнительному смыслу, усложнять социальную ткань путем встраивания традиции в сложную систему социальных практик, их взаимодействий и взаимовлияний.

Функциональная ось традиции сконцентрирована на основных направлениях бытийствования феномена и выявляет конкретные направления воздействия и влияния традиции на социальную действительность. Можно выделить следующие основные функции традиции: выстраивание морального фундамента действительности; влияние на уровень социальной интеграции; обеспечение эффективной социализации; формирование единого коммуникативного идейно-смыслового пространства. Особо отметим роль традиции в формировании идентичности человека, социальной группы,

*Кураев А. В. признан Министерством юстиции РФ иностранным агентом.

общества. Каждая социальная единица, стремясь к состоянию безопасности и к выживанию, вынуждена очерчивать свои нормативные границы, позволяющие ей не только проводить деление по принципам «свой–чужой», «друг–враг» [Шмитт], но и стабилизировать пространство «своих». Традиция, ограничивая бесконечное пространство возможных вариантов, тем самым фиксирует определенный порядок ценностей и социальных практик, который и является основой для самоидентификации и формирования идентичности: «В условиях усиливающейся нестабильности современного миропорядка острой становится потребность в механизмах обеспечения социальной и культурной безопасности за счет интеграции традиционных установок и инновационных практик на уровне ценностей и идентичностей» [Семененко, 59].

В то же время направленность традиции на сохранение определенного идейно-ценностного ядра и на его трансляцию внутри социальных групп и через поколения необходимо рассматривать как пространство возможного конфликта, эскалация которого способна приобретать формы социального отторжения различной степени интенсивности, в том числе и остракизма. Социальные размежевания, основанные на ценностном выборе и культурных предпочтениях, являются наиболее острыми как в социокультурном, так и в политическом плане [Семененко, Лапкин, Пантин, 57]. Анализ социальных размежеваний значительно осложняется гетерогенностью традиции как социального феномена. Традиция представляет собой динамичную совокупность зачастую разнородных по составу и происхождению элементов, что позволяет говорить не только о конфликтах между конкретными традициями (например, между религиозной и светской), но и внутри одной традиции (например, межконфессиональные конфликты в рамках религиозной традиции) [Узланер].

Наиболее отчетливо и выпукло традиция проявляется в религиозной сфере, в первую очередь за счет постоянных социальных и духовных потребностей человека и общества и высочайшего уровня институционализации религии как традиции в лице церкви. При этом разделение по линии религиозное — секулярное становится одним из основных расколов

современных национальных сообществ [Lipset, Rokkan]. Религия аккумулирует конфликтные факторы, способствуя, как потенциально, так и реально, расколу в обществе: «российское православие более не является фактором национального консенсуса. Оно становится фактором национального конфликта, еще одним расколом, разделяющим российскую нацию» [Ibid.].

Ось дискурсивных и социальных практик отражает особенности социальной динамики традиции. Данная ось иллюстрирует конкретные формы поддержания и сохранения традиции, которые можно разделить на позитивные, использующие убеждение и/или социальную инерцию, и на негативные, основанные на принуждении разной степени интенсивности. Остракизм и иные виды социального формального и неформального неодобрения относятся именно к негативным формам поддержания и сохранения традиции.

Предлагаемые далее кейсы Толстого и Кураева* позволят проанализировать связь между традицией и остракизмом. Эти кейсы, демонстрирующие процесс зарождения и разрастания ценностного конфликта между личностью и конкретными институтами общества (церковью, государством, институтом общественного мнения), проясняют функционирование остракизма как механизма защиты традиции. Критика Л. Н. Толстого и А. В. Кураева*, направленная первоначально на институт церкви, в ходе усиления конфликта охватывала все большее количество тем, связанных с устоями современного им общества, что и стало причиной попыток их исключения из социального взаимодействия.

Можно отметить определенное сходство временных периодов, в рамках которых произошли кейсы: контрреформы после Великих реформ и так называемый «консервативный поворот» в современной России отличаются охранительной реакцией на изменяющиеся общественные условия или даже на саму угрозу таких изменений [Robinson]. Например, одной из характеристик «консервативного поворота» называется политика Российского государства, в рамках которой «политические

*Кураев А. В. признан Министерством юстиции РФ иностранным агентом.

силы провозгласили религию и РПЦ в частности естественным агентом, ответственным за моральное состояние населения» [Stepanova, 98]. Различие между кейсами обусловлено статусом церкви в Российском государстве: кейс Толстого связан с периодом, когда церковь являлась государственным институтом, подчиненным Святейшему синоду; кейс же Кураева связан с современной Россией, когда церковь отделена от государства и является самостоятельным институтом.

Кейс Льва Николаевича Толстого: фактологическая сторона

Жизнь Л. Н. Толстого (1828–1910) была наполнена духовными исканиями, отразившимися не только в его художественной прозе, но и в философско-этических произведениях, а также в дневниковых записях и письмах. Переживая духовный кризис, Толстой пытался найти ответы на фундаментальные вопросы о смысле и причине человеческого существования, смерти, добра и зла [Ореханов, 91]. Но чем больше Толстой погружался в вопросы веры, в религиозную сферу, тем больше у него возникало сомнений и беспокойств: «Толстой хватается за церковь как за спасительную соломинку в море своих сомнений и разочарований» [Басинский, 200]. Толстой прошел сложный путь поиска опоры в православной церкви, строго соблюдая религиозные практики, но, ощущая только искусственность и фальшивость православных догматов и обрядов, около 1880 г. отказывается от их соблюдения и от участия в церковных таинствах [Там же, 198–208].

С этого времени Толстой старается сформулировать свое собственное видение христианства, выстраиваемое им на основе Нагорной проповеди как глубочайшей по смыслу заповеди любви. Критика Толстого была направлена не только на догматический аспект христианства (отвержение им Троицы, непогрешимого авторитета Вселенских соборов, поклонения святым, обещания адских мук), но и на его институционализацию в Российской империи. Институт церкви Толстой обвинял в том, что она поставила свои земные интересы выше изначальных христианских идеалов, поддерживая смертную казнь, завоевательные войны, угнетение простого народа. В романе

«Воскресение» (1889–1899) критика института церкви достигает предела, усиливаясь мастерством Толстого как писателя, создающего яркие и запоминающиеся образы: духовенство исполняет обряды поверхностно, не вдумываясь ни в смысл произносимых слов, ни в символическую составляющую церковных обрядов.

Складывающееся этическое учение Толстого (толстовство) приобретало все большее количество последователей. Несмотря на противодействие цензуры, толстовство распространялось и становилось широко известным («Чем люди живы» (1881); «В чем моя вера?» (1884); «Так что же нам делать?» (1886); «Царство Божие внутри вас» (1890–1893)). Толстовство, еще до Определения Святейшего синода об отпадении Толстого от православия, критиковалось православными мыслителями и церковной властью [По поводу...]. Басинский указывает, что количество статей и книг, направленных на опровержение Толстого и его позиции, составляло около двухсот наименований [Басинский, 310].

Святейший синод встал перед сложным выбором о целесообразности официальной оценки деятельности Толстого. Еще Александр III, который с конца 1880-х гг. получал обращения от церковных иерархов осудить антирелигиозную позицию Толстого, отмечал, что будет верен своему обещанию «не прибавлять к славе Толстого мученического венца» [Петров, 23]. Аналогичные обращения получал и преемник Александра III — Николай II. Исследователи отмечают, что обер-прокурор Святейшего синода Победоносцев, считающий отлучение необходимой мерой в оценке Толстого, изменил мнение, предполагая, что такой шаг будет воспринят обществом скорее как демонстрация государством своей принудительной силы, как политический акт, а не как мера церковного воздействия, направленная на призывы к Толстому о возвращении в лоно церкви [Басинский, 309–321; Петров 20–28].

Итогом этой политической борьбы, требующей принять конкретное решение в отношении Толстого, стало Определение и послание Святейшего синода о графе Льве Толстом от 20–22 февраля 1901 г. Победоносцев написал первоначальный текст, в который члены Синода внесли изменение: вместо слова «отлучение» было использовано слово «отпадение»

[Басинский, 318; Петров], что придало документу «совершенно иной эмоциональный характер» [Басинский, 319]. Определение Синода представляет собой не просто констатацию факта, что Толстой отпал от церкви, а скорбь церкви по этому поводу: «она [церковь] молилась за его душу в надежде на его раскаяние и возвращение» [Там же]. Настолько мягкая позиция церкви связана со сложной внутренней и внешней обстановкой в Российской империи, с масштабом личности самого Толстого и нежеланием превращать дело Толстого в политический акт, так как современное Толстому законодательство однозначно оценивало его публичные высказывания о церкви как государственное преступление.

В Определении Синода отмечается, что причиной отпадения Толстого от церкви является то, что Толстой «проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов православной церкви и самой сущности веры христианской: отвергает личного живого Бога... отрицает Господа Иисуса Христа... не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства церкви... и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из Таинств, святую Евхаристию» [Определение...]. Последующие события развивались динамично и представляли собой активный обмен письмами, в том числе публичными, как самого Толстого и членов его семьи, так и его сторонников и противников [По поводу...].

Кейс Андрея Вячеславовича Кураева*: фактологическая сторона

А. В. Кураев* (р. 1963) получил превосходное образование (МГУ им. М. В. Ломоносова, Московская духовная семинария, Московская духовная академия, Бухарестский университет); имеет обширнейший педагогический опыт; является кандидатом философских наук, кандидатом богословия; автором многочисленных научных и публицистических работ. В апреле 2009 г. был возведен Патриархом Кириллом в сан протодиакона.

*Кураев А. В. признан Министерством юстиции РФ иностранным агентом.

На протяжении всей жизни Кураев* активно занимается просветительской и религиозной деятельностью, оценивая миссионерство как «орудие в борьбе с угрозой вымирания русского народа». Еще до событий, связанных с самим кейсом об остракизме Кураева* (лишение сана и внесение Министерством юстиции РФ в реестр иноагентов в 2023 г.), Кураев* часто делал публичные заявления, которые вызывали резонанс и широко обсуждались на различных площадках, особенно в сети Интернет. Риторический стиль Кураева* всегда отличался меткими и острыми замечаниями. Темы, к которым обращается Кураев*, имеют дискуссионную природу и в его прочтении приобретают характер провокаций. Например, связывание ислама и терроризма, антисемитские взгляды, критика дарвинизма и современной культуры.

Обратимся непосредственно к хронологии событий, иллюстрирующей активизацию и функционирование механизма остракизма в отношении Кураева*.

2020, 29 апреля. Кураев* запрещен в служении указом Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Указ № У-02/49...]. Причиной стало высказывание Кураева* в его Живом журнале о личности покойного настоятеля Богоявленского кафедрального собора города Москвы протоиерея Александра Агейкина: «В моей памяти сей недопротопресвитер останется как тупой карьерист, сделавший карьеру в сфере VIP-сервиса. А ведь я обращал внимание семинаристов, что эпидемия освободит много мест» [Кураев]. В указе подчеркиваются морально-нравственные требования (чувство сострадания и христианского отношения к ближним), которым должен соответствовать каждый служитель церкви. Духовный упадок, приводящий к безнравственным высказываниям и действиям, несовместим со служением церкви и поэтому должен стать основанием как для запрещения в священнослужении, так и для рассмотрения такого случая епархиальным церковным судом [Указ № У-02/49...].

2020, 29 декабря. Решение Епархиального церковного суда г. Москвы об «извержении из священного сана» протодиакона Кураева* [Решение... № 50-54-2020...] принято Епархиальным судом во исполнение рассмотренного выше указа и представляет собой нравственно-правовое рассмотрение дела о церковных

правонарушениях Андрея Кураева* по существу. Отметим особенность принятого Решения Епархиального суда об извержении из сана: оно вступает в силу только «в случае утверждения его правящим архиереем г. Москвы — Патриархом Московским и всея Руси, а до этого в установленный срок может быть обжаловано».

В ходе рассмотрения дела были установлены многочисленные нарушения Кураева*, дополняющие его запись в Живом журнале об оценке личности и деятельности А. Агейкина:

- хула на церковь;
- обвинение Патриарха и Священного синода в расколе православной церкви;
- неоднократные утверждения, не подкрепленные неопровержимыми фактами, о принадлежности живых или почивших архиереев к числу мужеложников;
- употребление бранной лексики в адрес архиепископа Запорожского Луки [Решение... № 50-54-2020...].

Отдельно Епархиальный суд отмечает деятельность дисциплинарной комиссии от 16 ноября 2015 г., в рамках которой члены комиссии пытались обратить внимание Кураева* «на недопустимый характер его публикаций и призвали к исправлению» [Там же]. Суд приводит слова епархиального духовника города Москвы протоиерея Георгия Бреева, сказанные Кураеву*: «Тебе ведь, сколько дано, в 90-х годах мы смотрели на тебя как на эталон. Ты так образован и мудрое слово мог сказать в защиту веры, а сейчас твое поведение вызывает какое-то недоумение. Тебе надо отказаться от этой линии» [Там же]. Суд особо отмечает поведение Кураева* в ходе работы дисциплинарной комиссии, когда он «в ответ на обличения и указания на конкретные высказывания, носящие недопустимый характер... либо уходит от прямого ответа, либо вовсе не отвечает» [Там же]. Повестки на заседания Епархиального суда Кураев* отклонял, что приводило к постоянным переносам заседания и стало в итоге основанием для рассмотрения дела без его участия. Рассмотрение дела по существу, в ходе которого были установлены факты систематической и клеветнической деятельности

Кураева*, завершилось принятием решения об извержении из священного сана.

2021, 11 января. Кураев* направляет ходатайство патриарху Кириллу о пересмотре дела.

2021, 4 марта. Епархиальный суд г. Москвы отклоняет ходатайство о пересмотре дела, не найдя причин для такого пересмотра, и подтверждает ранее принятое решение об извержении из сана [Решение... № 53-57-2021...].

2021, 4 апреля. Резолюция патриарха Кирилла об утверждении решения Епархиального суда г. Москвы и о введении моратория до извержения из сана. Введение моратория было нацелено на предоставление Кураеву* времени «для переосмысления своей позиции и возвращения на путь церкви, который был избран им в свое время» [Уведомление...].

2023, 28 апреля. Указ патриарха Кирилла об извержении протоиерея Кураева* из сана, в котором отмечается, что наложение моратория не подействовало и «Вы не проявили ни на словах, ни в делах признаков покаяния, и, в том числе, не прекратили свою деструктивную деятельность» [Указ № У-02/69...].

Деятельность Кураева* получила оценку не только со стороны РПЦ. Его позиция и публичные высказывания относительно политико-правового статуса Крыма как нового субъекта РФ и против воссоединения Крыма с Россией, антивоенная позиция относительно СВО и критика патриарха Кирилла и политики РПЦ по вопросам, связанным с поддержкой СВО, привела к тому, что Кураев* в 2023 г. был внесен Министерством юстиции РФ в список иностранных агентов [Список...].

Своеобразие остракизма как социальной практики

Выявленная связь между традицией и остракизмом как одним из механизмов ее поддержания и сохранения, а также анализ кейсов Толстого и Кураева* позволяют выделить следующие особенности остракизма:

1. И остракизм, и традиция — социально обусловленные феномены. Это не только проявляется в их универсальности и укорененности в социальной действительности, но и предполагает вариативность как конкретных традиций, так и форм остракизма, что отражает

*Кураев А. В. признан Министерством юстиции РФ иностранным агентом.

своеобразии исторического контекста и расстановку сил между социальными группами и институтами.

2. Направленность остракизма на актора, который отличается определенными характеристиками. Здесь актер понимается как активное, деятельное начало, проявляющее себя в социальной реальности не только своими мыслями, но и материализованными вовне идеями и убеждениями. Остракизм может быть описан в терминах и логике концепции стимула-реакции, вызова-и-ответа: для запуска остракизма от актора требуется ярко выраженная вовне мыследеятельность, которая как бы взрывает социальный порядок. Можно выделить следующие личностные характеристики актора, способствующие активизации механизма остракизма:

— определенный психокогнитивный профиль актора, представляющий собой набор сознательных и бессознательных ценностных установок актора, посредством которого формируются основные жизненные и поведенческие стратегии и убеждения, с ними связанные. Особую роль в профиле играют повышенный уровень критического мышления и пониженный — конформности;

— публичная деятельность актора с ярко выраженной активной гражданской позицией, обладание символическим капиталом. Высочайший уровень влияния Толстого отмечали уже его современники: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой» [Суворин, 263]. Кураев* активно воздействует на публичное поле: это не только многочисленные публикации книг и статей, интервью печатным изданиям, но и деятельность в сети Интернет.

3. Своеобразие окружающей актора социальной обстановки. Сущностно остракизм представляет собой негативную обратную связь того или иного института и/или институтов на деятельность конкретного актора. Сам институт должен иметь относительно устойчивую позицию по вопросам, оспариваемым актором. Проявления остракизма считают «реакцией на неопределенность окружающей ситуации и способом ее преодоления, рассматривая особенности идентификационных искажений радикализирующихся индивидов» [Бойкина, Чиркина, 153]. Особенно ярко остракизм проявляется в обществе, ориентированном

на поддержание и сохранение традиции, так как традиция подразумевает незыблемость ряда конкретных социальных практик, которые актер и пытается критически осмыслить и/или призывает к полному отказу от них. Например, Толстой не видел ценности как таковой в таких институтах общества, как церковь, государство, собственность.

4. Остракизм — реакция со стороны конкретного института (на примере института общественного мнения, церкви, государства). Остракизм предполагает негативные санкции (формальные и/или неформальные) на деятельность актора, которые будут различаться в зависимости от института, использующего механизм остракизма.

По своей природе реакция института общественного мнения носит скорее диффузный, рассеянный характер, поскольку общественное мнение — это сегментированное образование, в рамках которого могут сосуществовать различные оценки происходящего. В обоих кейсах остракизм не был абсолютным: и Толстой, и Кураев* имели не только многочисленных противников, но и сторонников их деятельности.

Реакции же сильно иерархизированных институтов (церкви, государства), особенно в сравнении с институтом общественного мнения, менее противоречивы и представляют собой единообразное, взвешенное решение. При этом в кейсе Толстого мы наблюдали определенное расщепление государственной власти: Святейший правительствующий синод как высший орган церковно-государственного управления Русской церковью вынес Определение об отпадении Толстого от церкви; исполнительная же власть не инициировала уголовное преследование Толстого, хотя и имела для этого необходимые основания. Такое рассогласование практик остракизма может быть объяснено разделением функций ветвей власти, нежеланием исполнительной власти превращать вопрос духовного кризиса Толстого в политическую акцию, а также оценкой Определения Синода со стороны государства как достаточной меры в отношении Толстого. В кейсе же Кураева* и государственная власть

*Кураев А. В. признан Министерством юстиции РФ иностранным агентом.

признала его иностранным агентом, и церковь как независимый от государства институт приняла решение об отлучении Кураева* от сана. Оба кейса демонстрируют единообразное позиционирование иерархизированных институтов (вне зависимости от их соподчиненности или самостоятельности) в пространстве религиозного — секулярного и активизацию механизма остракизма с их стороны для защиты именно религии как традиции.

Заключение

Традиции глубоко укоренены в социальной действительности и оказывают на нее значительное влияние, так как они «существуют во всех социокультурных системах, образуя необходимый элемент их... развития, своеобразия и самотождественности» [Гофман, 18]. Рефлексивно-критическая позиция относительно традиции, основанная на ее анализе на уровнях субстанциональной и функциональной осей, а также оси дискурсивных и социальных практик позволяет говорить об устойчивом идейно-ценностном, сакрализованном ядре традиции, вокруг которого формируется относительно единообразное идейно-смысловое и коммуникативное пространство. Направленность традиции на сохранение и передачу такого ядра как внутри социальных групп и общества, так и через поколения не только стабилизирует социальную систему и формирует идентичность, но и, при стечении определенных обстоятельств, может приобретать

черты нетерпимого отношения к критике и к оспариванию устоявшихся дискурсивных и социальных практик традиции и запускать механизм остракизма. Многочисленные социальные размежевания становятся причиной возможных конфликтов не только между конкретными традициями (например, по линии религиозное — секулярное), но и внутри одной традиции (например, религиозной), что объясняется гетерогенной и динамической природой традиции в целом.

Кейсы Л. Н. Толстого и А. В. Кураева* позволили проследить процесс зарождения и эскалации ценностного конфликта между личностью и конкретными институтами общества (церковью, государством, институтом общественного мнения), а также выявить своеобразие остракизма как социальной практики, нацеленной на сохранение и защиту традиции. Кейсы продемонстрировали, что реакция института общественного мнения носит диффузный характер, в то время как решения иерархизированных институтов (государство, церковь) более последовательны и единообразны. Кроме того, несмотря на вариативность форм остракизма, связанную с историческим контекстом, конкретной социальной обстановкой и личностными характеристиками актора, подвергшегося остракизму, сам остракизм как механизм сохранения традиции имеет универсальный характер и является типичной реакцией общества и государства на попытки дестабилизации социального порядка.

Список источников

Басинский П. В. Лев Толстой — свободный человек. М. : Молодая гвардия, 2022.

Бойкина Е. Э., Чиркина Р. В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования // Психология и право. 2020. Т. 10, № 1. С. 152–170. DOI 10.17759/psylaw.2020100114.

Гириц К. Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004.

Гофман А. Б. От какого наследия мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А. Б. Гофмана. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2008. С. 9–62.

Кураев А. В. Запись в Живом журнале об А. Агейкине. URL: <https://diak-kuraev.livejournal.com/2865603.html> (дата обращения: 29.05.2024).

Определение Святейшего синода от 20–22 февраля 1901 года № 557, с посланием верным чадам Православной греко-российской церкви о графе Льве Толстом. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/po-povodu-otpadenija-ot-pravoslavnoj-tserkvi-grafa-lva-nikolaevicha-tolstogo/4> (дата обращения: 29.05.2024).

Проханов Г. (протоиерей). Лев Толстой. «Пророк без чести»: хроника катастрофы. М. : Эксмо, 2016.

*Кураев А. В. признан Министерством юстиции РФ иностранным агентом.

Пантин В. И. Циклы и волны истории: природа, человек, общество, культура. М. : Полит. энцикл. (РОССПЕН), 2023.

Петров Г. И. Отлучение Льва Толстого от церкви. М. : Знание, 1978.

По поводу отпадения от православной церкви графа Льва Николаевича Толстого : сб. ст. «Миссионерского обозрения». СПб. : Изд. В. М. Скворцова, 1904.

Решение Епархиального суда г. Москвы по делу № 50-54-2020 о признании протодиакона Андрея Кураева подлежащим извержению из священного сана. URL: <http://moseparh.ru/reshenie-eparxialnogo-suda-g-moskvy-po-delu-50-54-2020.html> (дата обращения: 29.05.2024).

Решение Епархиального суда г. Москвы по делу № 53-57-2021 заштатного клирика г. Москвы протодиакона Андрея Кураева. URL: <http://moseparh.ru/reshenie-eparxialnogo-suda-g-moskvy-po-delu-53-57-2021.html> (дата обращения: 29.05.2024).

Семенов И. С. Традиция и инновация как концепты политической науки и ориентиры политики развития: диалектика совместимости // Полис. Политические исследования. 2023. № 5. С. 45–65. DOI 10.17976/jpps/2023.05.04.

Семенов И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 54–76. DOI 10.17976/jpps/2021.05.05.

Список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/942/spisok-lic-vypolnyayushih-funkcii-inostrannogo-agenta/> (дата обращения 29.05.2024).

Суворин А. С. Дневник. М. ; Пг. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1923.

Уведомление Епархиального суда г. Москвы № 274 от 3 апреля 2021 года протодиакону Андрею Кураеву. URL: <http://moseparh.ru/uvedomlenie-eparxialnogo-suda-g-moskvy-274-ot-3-aprelya-2021.html> (дата обращения: 29.05.2024).

Узланер Д. Конец «проправославного консенсуса»: религия как новый раскол российского общества // Новое лит. обозрение. 2020. № 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/163_nlo_3_2020/article/22227/ (дата обращения 29.05.2024).

Указ № У-02/49 от 29 апреля 2020 года протодиакону Андрею Кураеву. URL: <http://moseparh.ru/ukaz-zashtatnomu-klikiriku-goroda-moskvy-protodiakonu-andreyu-kuraevu.html> (дата обращения: 29.05.2024).

Указ № У-02/69 от 28 апреля 2023 года протодиакону Андрею Кураеву. URL: <http://moseparh.ru/ukaz-u-0269-ot-28-aprelya-2023.html> (дата обращения: 29.05.2024).

Шмитт К. Понятие политического // Социология власти. 2011. № 8. С. 173–190.

Щербинина Н. Г., Аванесова Е. Г. Традиционный элемент политической культуры России: конституирование православных основ // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 289–299. DOI 10.17223/1998863X/75/24.

Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives / ed. by S. M. Lipset, S. Rokkan. N. Y. : Free Press, 1967. P. 1–64.

Robinson P. Russia's emergence as an international conservative power // Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18, № 1. P. 10–37. DOI 10.31278/1810-6374-2020-18-1-10-37.

Shils E. Tradition. Chicago : The University of Chicago Press, 1983.

Stepanova E. A. “Everything good against everything bad”: traditional values in the search for new Russian national idea // Zeitschrift für Religion, Gesellschaft und Politik. 2022. Vol. 7(1). P. 97–118. DOI 10.1007/s41682-022-00123-2.

Streib H., Gennerich C. Jugend und Religion. Bestandsaufnahmen, Analysen und Fallstudien zur Religiosität Jugendlicher. Jugendforschung. Weinheim : Juventa, 2011.

The invention of tradition / Eds. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge : Cambridge University Press, 1983.

References

Basinskii, P. V. (2022). *Lev Tolstoi — svobodnyi chelovek* [Lev Tolstoy — a Free Man]. Moskva: Molodaya gvardiya.

Boikina, E. E., Chirkina, R. V. (2020). Sotsial'nyi ostrakizm: sovremennoe sostoyanie problemy, metodologiya i metody issledovaniya [Social Ostracism: Current State of the Problem, Methodology and Research Methods]. *Psikhologiya i pravo*, 10(1), 152–170. DOI 10.17759/psylaw.2020100114.

Geertz, C. (2004). *Interpretatsiia kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. M.: ROSSPEN.

Gofman, A. B. (2008). Ot kakogo nasledstva my ne otkazyvaemysya? Sotsiokul'turnye traditsii i innovatsii v Rossii na rubezhe XX–XXI vekov [What Inheritance Are We not Giving up? Sociocultural Traditions and Innovations in Russia at the Turn of the 20th–21st Centuries]. In Gofman, A. B. (Ed.). *Traditsii i innovatsii v sovremennoi Rossii. Sotsiologicheskii analiz vzaimodeistviya i dinamiki* [Traditions and Innovations in Modern Russia. Sociological Analysis of Interaction and Dynamics]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). P. 9–62.

Hobsbawm, E., Ranger, T. (Eds.) (1983). *The invention of tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kuraev, A. V. *Zapis' v Zhivom Zhurnale ob A. Ageikine* [Entry in Live Journal about A. Ageikin.]. URL: <https://diak-kuraev.livejournal.com/2865603.html> (accessed: 29.05.2024).

Lipset, S. M., Rokkan, S. (1967). Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction. In Lipset, S. M., Rokkan S. (Eds.). *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press. P. 1–64.

Opredelenie Svyateishogo Sinoda ot 20–22 Fevralya 1901 goda № 557, s poslaniem vernym chadam Pravoslavnoi Greko-rossiiskoi Tserkvi o grafe L've Tolstom [Resolution of the Holy Synod of February 20–22, 1901 No. 557, with a Message to the Faithful Children of the Greek-Russian Orthodox Church about Count Leo Tolstoy]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/po-povodu-otpadeniya-ot-pravoslavnoj-tserkvi-grafa-lva-nikolaevicha-tolstogo/4> (accessed: 29.05.2024).

Orekhanov, G. (protoierei) (2016). *Lev Tolstoi. "Prorok bez chesti": khronika katastrofy* [Lev Tolstoy. "A Prophet without Honor": a Chronicle of a Disaster]. Moskva: Eksmo.

Pantin, V. I. (2003). *Tsikly i volny istorii: priroda, chelovek, obshchestvo, kul'tura* [Cycles and Waves of History: Nature, Man, Society, Culture]. M.: Politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).

Petrov, G. I. (1978). *Otluchenie L'va Tolstogo ot tserkvi* [Excommunication of Leo Tolstoy from the Church]. M.: Znanie.

Po povodu otpadeniya ot pravoslavnoi tserkvi grafa L'va Nikolaevicha Tolstogo: Sbornik statei "Missionerskogo obozreniya" [Regarding the Fall from the Orthodox Church of Count Lev Nikolaevich Tolstoy: Collection of Articles from the Missionary Review] (1904). SPb.: Izd. V. M. Skvortsova.

Reshenie Eparkhial'nogo suda g. Moskvy po delu № 50-54-2020 o priznanii protodiakona Andrey Kuraeva podlezhashchim izverzheniyu iz svyashchennogo sana [Decision of the Diocesan Court of Moscow in Case № 50-54-2020 on Recognizing Protodeacon Andrei Kuraev as Subject to Removal from the Priesthood] (2020). URL: <http://moseparh.ru/reshenie-eparxialnogo-suda-g-moskvy-po-delu-50-54-2020.html> (accessed: 29.05.2024).

Reshenie Eparkhial'nogo suda g. Moskvy po delu № 53-57-2021 zashtatnogo klirika g. Moskvy protodiakona Andrey Kuraeva [Decision of the Diocesan Court of Moscow in Case No. 53-57-2021 of the Supernumerary Cleric of Moscow Protodeacon Andrey Kuraev] (2021). URL: <http://moseparh.ru/reshenie-eparxialnogo-suda-g-moskvy-po-delu-53-57-2021.html> (accessed: 29.05.2024).

Robinson, P. (2020). Russia's emergence as an international conservative power. *Russia in Global Affairs*, 18(1), 10–37. DOI 10.31278/1810-6374-2020-18-1-10-37.

Schmitt, C. (2011). Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. *Sotsiologiya vlasti*, 8, 173–190.

Semenenko, I. S. (2023). Traditsiya i innovatsiya kak kontsepty politicheskoi nauki i orientiry politiki razvitiya: dialektika sovmestimosti [Tradition and Innovation as Concepts of Political Science and Guidelines for Development Policy: Dialectics of Compatibility]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, 45–65. DOI 10.17976/jpps/2023.05.04.

Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2021). Sotsial'nye razmezhevaniya i politicheskie protivostoyaniya v nauchnom diskurse: kriterii otsenki i klassifikatsii [Social Divisions and Political Confrontations in Scientific Discourse: Criteria for Assessment and Classification]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, 54–76. DOI 10.17976/jpps/2021.05.05.

Shcherbinina, N. G., Avanesova, E. G. (2023). Traditsionnyi element politicheskoi kul'tury Rossii: konstituirovaniye pravoslavnykh osnov [Traditional Element of Russian Political Culture: the Constitution of Orthodox Foundations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 75, 289–299. DOI 10.17223/1998863Kh/75/24.

Shils, E. (1983). *Tradition*. Chicago: The University of Chicago Press.

Spisok fizicheskikh lits, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta [List of individuals performing the functions of a foreign agent]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/942/spisok-lic-vypolnyayushih-funkcii-inostrannogo-agenta/> (accessed: 29.05.2024).

Stepanova, E. A. (2022). "Everything good against everything bad": traditional values in the search for new Russian national idea. *Zeitschrift für Religion, Gesellschaft und Politik*, 7(1), 97–118. DOI 10.1007/s41682-022-00123-2.

Streib, H., Gennerich, C. (2011). *Jugend und Religion. Bestandsaufnahmen, Analysen und Fallstudien zur Religiosität Jugendlicher*. Weinheim: Juventa.

Suvorin, A. S. (1923). *Dnevnik* [The Diary]. Moskva-Petrograd: Izd-vo L. D. Frenkel'.

Ukaz № U-02/49 ot 29 aprelya 2020 goda protodiakonu Andreyu Kuraevu [Decree No. U-02/49 of April 29, 2020 to Protodeacon Andrey Kuraev] (2020). URL: <http://moseparh.ru/ukaz-zashtatnomu-kliriku-goroda-moskvy-protodiakonu-andreyu-kuraevu.html> (accessed: 29.05.2024).

Ukaz № U-02/69 ot 28 aprelya 2023 goda protodiakonu Andreyu Kuraevu [Decree No. U-02/69 of April 28, 2023 to Protodeacon Andrey Kuraev] (2023). URL: <http://moseparh.ru/ukaz-u-0269-ot-28-aprelya-2023.html> (accessed: 29.05.2024).

Uvedomlenie Eparkhial'nogo suda g. Moskvy № 274 ot 3 aprelya 2021 goda protodiakonu Andreyu Kuraevu [Notification of the Diocesan Court of Moscow No. 274 of April 3, 2021 to Protodeacon Andrey Kuraev] (2021). URL: <http://moseparh.ru/vedomlenie-eparxialnogo-suda-g-moskvy-274-ot-3-aprelya-2021.html> (accessed: 29.05.2024).

Uzlaner, D. (2020). Konets "propravoslavnogo konsensusa": religiya kak novyi raskol rossiiskogo obshchestva [The End of the "Pro-Orthodox Consensus": Religion as a New Split in Russian Society]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/163_nlo_3_2020/article/22227/ (accessed: 29.05.2024).

Сведения об авторе

Гудилина Екатерина Николаевна — научный сотрудник факультета политологии, соискатель ученой степени кандидата политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Information about the author

Ekaterina N. Gudilina — Researcher at the Faculty of Political Science, Applicant for a Degree Candidate of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Статья поступила в редакцию 06.06.2024;
одобрена после рецензирования 17.06.2024;
принята к публикации 01.09.2024

The article was submitted 06.06.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 01.09.2024

Научная статья

УДК 2-12 + 004.77:2-2 + 13:141.332

doi: 10.15826/tetm.2024.2.066

Практики и технологии отмены в цифровом пространстве: символические коды интернет-мемов и хештегов о религии

Ольга Михайловна Фархитдинова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
ofarhetdin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8459-0711>

Аннотация. Мемификация и хештегирование в их функциональном назначении рассматриваются как следствия распространения технологий визуализации коллективной памяти. Теоретические рамки статьи обусловлены научными подходами М. Хальбвакса, Дж. Олика, С. И. Каспэ. Предложен анализ практик отмены коллективной памяти в цифровом пространстве на примере разбора образно-смысловых (интернет-мемов о традиционных религиях) и лингвистически-смысловых компонентов (хештегов о религии) в цифровом пространстве. Сделаны выводы о том, что оцифровка традиционных символов приводит к формированию совокупности новых форм; гибридизация традиционных символов способствует формированию цифровых повествований и созданию «новой» онтологии религии; распространение цифровых интерпретаций связано с порождением дополнительных сред присутствия религиозного смысла, эвангеликализмом как социокультурным источником «культуры отмены».

Ключевые слова: хештеги и мемы о религии, гибридизация традиционных символов, цифровые повествования о религии, «новая» онтология религии

Для цитирования: Фархитдинова О. М. Практики и технологии отмены в цифровом пространстве: символические коды интернет-мемов и хештегов о религии // *Tempus et Memoria*. 2024. Т. 5, № 2. С. 17–27. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.2.066>

Original article

Cancellation Practices and Technologies in the Digital Space: Symbolic Codes of Internet Memes and Hashtags about Religion

Olga M. Farkhitdinova

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
ofarhetdin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8459-0711>

Abstract. Memification and hashtagging in their functional purpose are considered as consequences of the spread of technologies for visualizing collective memory. The theoretical framework of the article is

© Фархитдинова О. М., 2024

determined by the scientific approaches of M. Halbwaks, J. Olik, S. I. Kaspé. The analysis of the practices of the abolition of collective memory in the digital space is proposed by the example of the analysis of figurative-semantic (Internet memes about traditional religions) and linguistic-semantic components (hashtags about religion) in the digital space. It is concluded that the digitization of traditional symbols leads to the formation of a set of new forms; The hybridization of traditional symbols contributes to the formation of digital narratives and the creation of a “new” ontology of religion; the spread of digital interpretations is associated with the creation of additional environments for the presence of religious meaning, evangelicalism as a socio-cultural source of the “culture of cancellation”.

Key words: hashtags and memes about religion, hybridization of traditional symbols, digital narratives about religion, a “new” ontology of religion

For citation: Farkhitdinova, O. M. (2024). Praktiki i tehnologii otmeny v tsifrovom prostranstve: simbolicheskie kody internet-memov i kheshtegov o religii [Cancellation Practices and Technologies in the Digital Space: Symbolic Codes of Internet Memes and Hashtags about Religion]. *Tempus et Memoria*. 5, 2, 17–27. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.2.066>

В первой четверти XXI в. основательно заняли свои позиции новые формы организации системно обусловленного знания в цифровой среде, такие как мем и хештег. Рассматриваемые в статье мемификация и хештегирование в таком их значении, как развивающиеся формы организации информации, представляют интерес, так как в них помимо процессов освоения цифрового пространства своеобразно нашла воплощение идея о результативности применения маркетинговых инструментов в иных институциональных средах, а именно принципов организации представлений о религии в цифровой среде. Так, в отношении коллективной памяти различных религий «практики отмены», задействованные в цифровой среде, проявляются в наборе образно-смысловых сюжетов, функционирующих на уровне мемов различного происхождения и лингвистически-смысловых компонентов типа хештега. Следует пояснить, что хештег как продукт символической природы может рассматриваться в качестве наиболее успешной (для периода с 2020 по 2024 г.) формы организации больших объемов информации о прагматизации религии. В этой связи такая разновидность системного мира, как большие данные, отличительной чертой которых является подверженность постоянному увеличению, привлекает внимание современных исследователей гуманитарного профиля по двум причинам: 1) большие данные как явление сопряжены с пересмотром статуса и роли социальных процессов в обществе; 2) большие данные как концепция, с присущей ей функциональной обусловленностью

оказывают влияние на разнообразие новых исследовательских тем.

Рассмотрим каждую из названных форм организации в ее специальном значении, важном для понимания процессов, связанных с практиками и технологиями отмены в цифровой среде относительно содержательного наполнения такого фундаментального феномена современности, как религия.

Хештегирование помимо мобилизационного потенциала, в значении, примененном Т. А. ван Дейком, который функционально воспроизводится в этом процессе в цифровом пространстве, направлено на реализацию функции структурирования информационного потока, а хештеги могут функционировать как инструменты фрейминга (сборки) и рефрейминга (разборки) (М. В. Ларионова, А. В. Демкина) микроидеологий (С. Н. Федорченко). В этом смысле хештег целесообразно рассматривать как пример применения технологии для наполнения новыми лингвистически-смысловыми компонентами цифровой среды.

В исследовании этого вида организации информации целесообразно задействовать междисциплинарный подход, в нашем случае сравнительного религиоведения, в рамках которого есть возможность рассматривать хештег как источник для исследования изменений, связанных с восприятием религии. Типологизация хештегов в отношении религии еще находится в стадии становления и ждет своего исследователя, однако в рамках заявленной темы уже устойчиво оформились такие новые векторные темы, как #религия#искусственный интеллект; #религия#сетевые

технологии; #цифровая религия; #религия и цифра.

С момента появления дополнительного объема социальных значений религии в современном обществе второй обозначенный вид организации темы религии — мемы, которые могут быть рассмотрены как практики «культуры отмены». Помимо выявления структурной и содержательной частей в отношении мема в заявленном контексте следует указать на активизацию внимания к его (мема) инструментальной роли. Такой аспект интерпретации появился с момента понимания мема как явления культурной среды. Именно инструментализм как способ рассмотрения явлений и процессов современной действительности из феномена культуры позволил сформироваться явлению социальной практики человека, организующей его поведение в построенных средах.

В этой связи предлагается ввести разграничение: 1) мемы о религии, создание которых привело к появлению феномена определенной социальной практики человека; 2) мемы, которые рассматриваются как инструменты влияния и переосмысления вероучительного опыта прошлого; 3) мемы как нарратив, рамками которого создается «новая» онтология религии.

Начнем с того, что в конце XX в. мем как явление стал неотъемлемой частью современной интернет-коммуникации. Особенностью мем-коммуникации в интернет-среде стали выдвижение на первое место знака, чаще всего в виде символа, и его визуализация. Однако уже в XXI в. мемификацию стали рассматривать как одну из практик гибридизации традиционных символов, в этом смысле целесообразно поставить вопрос об исследовании особенностей этого процесса как проявляющейся технологии.

Итак, у мема как определенным образом структурированной информации есть типовая конструкция, что важно для его создателя (производителя), для пользователя же мем становится «интересен эффектом “калейдоскопа”, а именно сочетанием важного и бессмысленного, ироничного» [Федорченко, 270].

Рассмотрим существенный признак, который мем как явление проявил благодаря функционированию в цифровой среде, — интертекстуальность. Время возникновения мема как феномена и последующее формирование

в нем свойств, позволяющих его рассматривать как часть современной интернет-коммуникации, обращает внимание исследователей на ресурс его применения. Так, «смешение онлайн- и оффлайн-дискурса приводит к перемешиванию “своих” смыслов и “чужих”, активизируя проблему интертекстуальности мема, породившую специфическую мем-культуру» [Рябова, 126]. Данное изменение нашло воплощение в том, как определяется функциональная роль мема сегодня, а именно из единицы поликодовой информации мем трансформировался в структурированную определенным образом составляющую интернет-коммуникации, нацеленную на производство сообщения.

В этой связи необходимо рассмотреть причины, по которым мемы получили гораздо более широкое применение. Их функциональное назначение не ограничивается исключительно тем, что это способ распространения информации и влияния на сознание людей, то есть недостаточно сказать, что природа мема, например как инструмента пропаганды, в современном мире претерпела изменения. Рассматривая мем как практику публичного отзыва поддержки публичных фигур, форму публичного порицания, интерес представляет именно динамика изменения отношения от отзыва поддержки к порицанию, так как факт отзыва поддержки — это сформированная устойчивая форма состоявшегося сомнения в том, что ранее рассматривалось как установка на определенный формат поведения и действия. А вот наличие возможности для выражения публичного порицания предполагает уже созданную для этого среду, тогда как форма публичного порицания есть уже пересмотр вектора ценностного наполнения поведенческих моделей.

Предваряя обоснование полученных выводов, предлагаю ряд суждений о принципиальном значении символа и его визуализации в цифровой среде современной культуры и роли тех интерпретаций, которые наиболее часто применяются, актуализируя рефлексивные стратегии массового сознания. Символический компонент играет существенную роль при формировании повестки дня любой природы — политической, экономической, религиозной. Для настоящего исследования важно обратить внимание на процесс цифровой

трансформации, который привел к гибридизации религиозных символов. Оцифровка традиционных символов и формирование новых как следствие приводит к созданию новых цифровых символических кодов. Наиболее ярко это проявляется в условиях разноуровневой легитимации политических режимов [Федорченко, 271], однако в условиях рассмотрения религии как фактора, оказывающего влияние на процессы в построенных средах (интернет-среде), цифровые символические коды представляют интерес для анализа процессов переосмысления вероучительного опыта прошлого и создания «новой» онтологии религии.

Понимание современных религиозных процессов во многом определяется тем, как воспринимается и интерпретируется религия в современном обществе. Зададимся вопросом: в каких направлениях осуществляется мем-коммуникация о религии? В массовой культуре мем-коммуникация происходит в нескольких направлениях: 1) направлена на гибридизацию традиционных символов, связанных с религией в привычном смысле слова. Как следствие, мы получаем разнообразный по стилю и жанрам контент, в котором задействовано ограниченное количество религиозной символики: чаще всего крест, солярные символы (как вариант — языческая символика), символы природы и стихий, а также их гибридизация в изображении; 2) формирование цифровых повествований о событиях с религиозным содержанием (для христианских конфессий чаще всего это «событие Иисуса», заявленное как нарратив о конкретной этической норме, либо, в более широком значении, мировоззренческой максиме); 3) создание «новой» онтологии религии в цифровой среде.

Исходя из обозначенных направлений, возникает проблема постоянного изменения среды присутствия мема и хештега. Так, существующие на сегодняшний день критерии, заложенные в основу типологий интернет-мемов, не позволяют удовлетворительно ответить на вопрос о причинах появления таких интерпретаций религии в современном обществе, хотя это удобный способ десемантизации мемплексов.

В научных исследованиях обращает на себя внимание заявленная возможность типологизации интернет-мемов на основе выделения

трех базовых критериев: способ выражения, источник возникновения и структура мема [Щурина]. Автор исходит из утверждения о том, что способ выражения мема как его наиболее функциональное значение следует рассматривать в качестве основания предложенной типологии. В частности, выделяются текстовый мем, мем-изображение, медиамем, гиф и креолизованный мем [Там же]. Интерес представляет способ рассмотрения данной темы в статье Ф. Д. Редина, где предложен опыт сравнительного исследования религиозно-ориентированных интернет-мемов, ограниченных христианским контентом [Редин, 87].

В серии статей О. Михельсон представлен анализ динамики этих изменений на основе рассмотрения процессов, их сопровождающих. Так, интерес представляет возможное развитие идеи о мемификации событий в ходе определенного воспоминания о прошлом, в частности, в процессуальном подходе это привело к формированию своего рода новой онтологии религии в цифровой среде. В соответствии с данным подходом мем интересен тем, что он всегда характеризует какую-то конкретную версию воспоминания о событии, историю. Одно из объяснений этого процесса предвосхитил в одной из своих работ П. Нора («Проблематика мест памяти»), который высказал тезис о важном моменте в разграничении памяти и истории. История, по его мнению, лишает конкретность ее конкретности, а память — это конкретный образ, жест, случай [Нора].

Динамика изменений функционального значения мема такова, что при постановке исследовательских задач выраженные посредством мемификации процессы секуляризации/десекуляризации представляют научный интерес, поскольку могут быть маркерами происходящих изменений. Например, по динамике изменений внимания к событиям с религиозным содержанием возможно проанализировать суммарный эффект от социальных практик, который приводит к формированию религиозно-подобных (либо близких к таковым) явлений. В этом проявляется одно из базовых значений мема, а именно — быть транслятором общественно значимых идей.

Признаки и основные черты выражения коллективной памяти имеют свои устойчивые формы и заимствованные из культуры образы,

существующие и воспроизводимые в обществе в определенный исторический период. Публичная природа мема проявляется в том, что задействованные образы актуализируют его способность оказывать влияние на среду присутствия. Так, «на вопрос, что конкретно есть мем, никогда нельзя ответить “механически”, но только в нижеописанном виде — через референцию к некоторому наблюдателю, а также к тому социальному окружению, в котором мем применяется» [Патцельт, 189].

Сущностное свойство мема есть своего рода трансформационный потенциал, который в нем сохраняется как наследие от «прародителей». Таким образом, актуальность изучения мемов сегодня напрямую связана с тем, что мем можно рассматривать как цифрового преемника прежних символов [Федорченко, 253]. Именно так его функциональная принадлежность заявляет о себе на уровне перераспределения векторов отношений в цифровой среде.

Итак, религиозное учение, понимаемое как коллективная память церкви или в более широком значении конкретной религии, обнаруживается в референции к наблюдателю, у которого вполне определенное религиозное поведение и религиозные чувства, с этим поведением связанные. Референция же происходит посредством образов и сюжетов, знакомых и поддерживаемых историческим прошлым.

Особый интерес при изучении динамики восприятия религии заслуживают имиджборды — специальные форумы или сетевые сообщества, где значительное внимание уделяется постам с размещением графики. Именно там создаются мемплексы как агрегаторы по воспроизводству прошлого в цифровой среде. В серии статей Патцельта была предложена интересная интерпретация установления закономерностей в этих процессах. Так, по мнению исследователя, теоретические рамки предложенной им эпимеметической системы могут рассматриваться в качестве объяснительной модели для явлений и процессов такого порядка. С другой стороны, «коммуникационная заряженность» и «пластичность», по Гаспарову, определяют еще одно важное свойство мема — его трансформационный потенциал. Наличие такого потенциала создает возможности для генерации новых смыслов, адаптации к новым коммуникативным задачам

и функционирования в разнообразных типах текстов. По этой причине выявленная специфика мема как элемента современной массовой культуры позволяет рассматривать его генезис и трансформацию различной семиотической природы.

Обратимся к практикам отмены в цифровом пространстве, их особенностям и закономерностям. Как работает механизм отмены в цифровом пространстве? Теория эпимеметической системы, предложенная Патцельтом, в основе которой охраняемая семиотическая матрица, показывает «что социокультурные самоочевидности поддерживаются двояким способом: через управление мнениями и коммуникациями и через ограничение отклонений» [Патцельт, 201]. Язык описания, сформировавшийся на фоне оцифровки базовых идей эволюционного учения, по мнению исследователя, стал наиболее результативным средством анализа динамики изменений в цифровой среде, в нашем случае — отношения к религии. Однако сам факт формирования такого языка представляет собой следствие гибридизации офлайн- и онлайн-смыслов.

Благодаря этому языку полуискусственного происхождения в цифровой среде практики отмены быстро формируются и распространяются, получают свое уникальное направление. А свойство иметь определенное векторное значение стало отличительным признаком для построенных сред. Например, «создавая историю своих городов, народов, империй, историки Античности рассчитывали заниматься историей человечества. Христианские историки, историки Возрождения и Просвещения (хотя они и признавали разнообразие «нравов») полагали, что занимаются историей человека. Современные историки отмечают, что история есть наука об эволюции человеческих обществ. Эволюция наук привела к постановке вопроса о возможности создания истории, отличной от истории человека» [Ле Гофф, 18].

Наиболее яркое воплощение практики отмены получают при обращении к прошлому. Ретроспекции сценариев с религиозным содержанием целесообразно разделить на три группы: 1) сценарий конкретного исторического события; 2) сценарий последовательности событий, которые приобретают символическое значение; 3) сценарий практик рефлексии по отношению

к событию с религиозным содержанием. Так, о любой религии, говоря словами М. Хальбвакса, можно сказать, что она в символической форме воспроизводит прошлое, правда, это может быть история тех значимых событий, которые находятся у истоков практикующих ее обществ, а может быть, нечто иное [Хальбвакс, 222]. Традиционно в религии задействованы смыслы, амбивалентно влияющие на понимание религиозной жизни и религиозного чувства в сообществе той религии, о которой идет речь. Простая совокупность идей о религии в широком смысле слова, не обладающая идентичностью в отношении к определенной религии, в цифровом пространстве, как форме присутствия, приобретает направленность, вектор. Мемификация и хештегирование в этом смысле представляют собой те символические своды, на основе которых происходит формирование иерархии идей о религии, моделей религиозной жизни и религиозного чувства, например, в буддизме — базовая идея о спасении, в христианстве — живой Бог. В этих направлениях задаются ориентиры символических сводов и воплощаются сценарии онтологического статуса религии в цифровом пространстве. При этом онтологический статус могут приобрести как отдельные сюжеты, истории, нарративы, так и образы.

Зададимся вопросом: какие направления исследований, в которых объектами являются мем и хештег, возникли в первой четверти XXI столетия и как в них отражаются те изменения в восприятии религии, которые произошли в отношении коллективной памяти, а следовательно, как практики «культуры отмены» отражаются на мировоззренческой совокупности религиозных идей конкретной религии? Обращаю внимание на то, что такая постановка вопроса отсылает нас к повествовательной версии (истории) историй о религии. Так, в этом контексте вполне ожидаемо исследование, посвященное анализу использования интернет-мемов для распространения религиозных идей, либо использование интернет-мемов для выражения критики и поддержки различных религий. Хотя и в том и в другом случае речь идет об исследовании классических образцов мемов до обнаружения в них трансформационного потенциала.

Рассматривая религиозное учение в целом как коллективную память церкви/религии,

особое внимание необходимо обратить на феномен поликодовых текстов.

Поликодовые тексты — это «тексты, построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих — вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [Сонин, 117]. В российском научном сообществе получил признание термин «креолизованный текст», впервые он был введен в научный обиход психолингвистами Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым и активно используется в настоящее время многими исследователями. В научной литературе встречаются и другие номинации, обозначающие данный феномен: видеовербальные тексты (Пойманова), семиотически обогащенный текст (Чигаев), мультикоммуникативная форма (Костомаров) и др.

Сформулируем еще один исследовательский вопрос: свидетельствует ли мемификация об изменении отношения к традиции, ведь традицией становится та социальная практика, которая способна сакрализовать свое содержание и создать пространство притяжения? Религия как выразительная форма традиции и ее воспроизводство приобретает дополнительные смыслы и цели в каждый новый исторический период. В то же время в ней сохраняются некоторые охранительные реакции, то есть не только воспроизводство, но и отказ. Отказ от производства нового или заявление новых форм в опосредованных формах «отказа». Например, устойчивые духовные ценности, воспитанные в одно время, с трудом воспроизводятся в другое время. Обрядовая практика, обладая традиционным набором элементов, может быть десемантизирована в мемах. А дополнительное значение приобретает благодаря хештегу. Как отмечают исследователи, становясь «важнейшим связующим элементом креолизованного текста, хештег выполняет роль прецедентного образа» [Ворошилова, Тиллоева, 48].

Сформулируем один из завершающих вопросов: какие сценарии евангеликализации воспроизводятся? Ведь сочетание или конфликт, применяемый в структуре мема (как в его базовой характеристике), это сценарии, распознаваемые на уровне массового сознания. Сценарии мемов и хештегов о религии

различны. Именно конфликт, применяемый в меме как следствие символического кодирования определенного объема исторического прошлого, направлен на порождение новых моделей поведенческой реакции.

В сценарии хештега воспроизводится уже не конфликт, но формируется среда для гибридизации как повод к возникновению физического интереса к событию.

Динамика интереса, воспроизводимая в процессе мемификации от сакрализации практик относительно устойчивого внимания к событию «религии» до игнорирования среды ее исторического контекста, представляет исследовательский интерес и может быть рассмотрена как вновь обретаемая религией среда присутствия. Например, следует обратить внимание на то, что игнорируется. Игнорируется ли религия в целом или игнорируется символическое значение религиозных атрибутов: например, образ Иисуса, действия, отношения к человеку; Священное Писание и его именование? Игнорируются ли символы и какие? И еще один важный момент: как ни странно, но религия в значениях, которые связаны с вечностью уникальным образом, осовременивается. Институционализируется ли мем как феномен или как способ общения с религиозным сознанием? Есть ли конвергентность у мемов? Это совокупность дополнительных исследовательских вопросов, позволяющая получить интересный набор данных о том, как преобразуется мем-коммуникация в стратегиях человеческого поведения [Аутсорсинг...].

При постановке всех этих вопросов большое значение имеет потенциал категории «исследовательское поле». В истории классического периода развития гуманитарных наук было несколько значимых для раскрытия потенциала каждой из вошедших в эту сумму наук поворотных точек. В настоящее время digital memory studies как самостоятельное направление в гуманитарном знании относится к таковым значимым траекториям. Исследовательское поле, понимаемое как благоприятная среда для формирования новых областей интерпретации, объяснения, познания совокупности феноменов и явлений, связи между которыми как раз и могут быть выявлены благодаря этому специальному образованию (исследовательскому полю), становится предметом своего

специального анализа по причине обнаружения нового взгляда на, казалось бы, знакомые явления.

У исследовательского поля, с точки зрения Дж. Олика, имеется несколько признаков, по которым возможно определить его состоятельность. К таковым известный социолог причислял терминологический аппарат, метод (методологию), определенность предмета исследования (так называемый объект анализа), институциональную структуру, способную этот объект организовать, критерии оценки результатов исследования [Olick].

С имеющимися спорами вокруг терминологии в digital memory studies возможно было отказаться от дальнейших поисков определенности границ указанного исследовательского поля, если бы не одно «но». В условиях, когда смежные науки становятся не только популярными проектами (например, нейропсихология, социальная биология и др.), но и претендуют на актуальный статус научного знания, пограничные понятия, например, такие, как цифровая память, становятся свидетельством времени. Заимствование и привнесение терминологии из одной науки в другую рассматриваются как исследовательские приемы, обогащающие смежные науки способами познания и понимания интересующих явлений и процессов. Это наблюдается не только в гуманитарном знании, но и в естественно-научном. Однако наиболее размытые критерии свойственны как раз областям наук гуманитарного профиля, в силу очень тесной связи с опытом человеческого познания и характерными для этого процессами, с опытом его онтологии и экзистенции. Для современного исследователя важно понять и иметь возможность сопоставить два плана при изложении исследовательского опыта относительно какого-либо события: что происходило фактически и что происходит в представлениях у очевидцев относительно восприятия этого события. Широта взгляда на исследовательское поле в заявленном контексте в самом общем виде может быть представлена так: религиозное учение — это некая социокультурная конструкция; в качестве коллективной памяти церкви оно (религиозное учение) обладает функциональностью; создание коллективной памяти — это процесс, а не некий результат; изучение коллективной

памяти должно быть конкретизировано по причине того, что исследовательские методы требуют концептуального единства.

В то же время метафора архивирования воспоминаний в цифровой среде перестает работать как некий статичный конструкт. Коллективные воспоминания о том, что описывал П. Нора в работе «Проблематика мест памяти», а именно «память — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления», утрачивают связь с фактической реальностью и гибридизируются в цифровом пространстве [Нора].

Предваряя будущие исследования о построенных средах, Я. Ассман одним из первых в работе «Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» заявлял о взаимосвязи трех исследовательских тем: «“воспоминания” (иначе говоря, обращения к прошлому), “идентичности” (иначе говоря, политическому воображению) и “культурной преемственности” (иначе говоря, складыванию традиции). Каждая культура образует нечто, что можно назвать ее “коннективной структурой”» [Ассман, 15]. Указанный связующий признак культуры, касается не только двух измерений (социального и временного), но и священного, а точнее, того, что таковым становится благодаря политике памяти. В этой связи священные предметы и образы, гибридизация которых происходит в цифровой среде, могут рассматриваться как маркеры публичного порицания.

Обнаруживая будущие перспективы для развития исследовательского поля *memory studies*, как в имеющихся авторских подходах (к таковым, на мой взгляд, можно было бы отнести идеи М. Хальбвакса, а также его идейного противника Э. Ренана), так и в комплексных исследованиях современных университетов, уделяющих внимание коллективным ментальностям, особенностям их формирования на уровне индивидуального опыта и общности, хотелось бы заметить: метафорическое применение памяти как понятия уходит в прошлое,

но возникает цифровой аналог, как только появляются новые планы восприятий о прошлом, их объяснение и конкретное желание поколения сакрализовать значимые события прошлого [Ассман]. Коллективная память конкретной религии подвергается переосмыслению на фоне новых значимых событий с возрастающей скоростью, что служит отличительным признаком интернет-контента. Поэтому пограничность исследовательского поля *memory studies* в целом отвечает требованиям наук цифрового общества и таких сред присутствия, как цифровая. То, каким образом переживается событие, тесно связано с тем, как оно представлено. Поэтому важны средства и способы репрезентации, технологии, задействованные в репрезентации события и воспоминания о нем.

Поэтому в завершение несколько тезисов о возможностях применения концепции культурной травмы при осмыслении истории России и той роли, которая проявляется посредством обращения к ней при рассмотрении практик «культуры отмены». По утверждению Дж. Александера, культурная травма рассматривается в первую очередь как эмпирическое, научное понятие, которое предполагает наличие смысловых и причинных связей относительно ранее не связанных между собой событий, структур, представлений и действий. Предлагаю рассмотреть несколько важнейших репрезентаций при создании господствующего нарратива о религии в опыте истории России.

Начну с природы боли, которая символически может быть обозначена сложносоставной метафорой: пережившие 90-е и религиозное возрождение этого периода. В 90-е произошло несколько значимых событий, оказавших судьбоносное влияние на психологию и мировоззрение людей, их переживших, на их восприятие со стороны последующих поколений, на репрезентацию восприятия религии того периода. Среди оценок лидирует негативная. Речь идет о репрезентации опыта сознательного участия в общественной жизни людей 90-х, оценочной позиции, которая накладывает отпечаток на идентификацию тех, кто имел такой опыт. После периода стагнации и отсутствия видимых изменений в обществе стал возможен пересмотр множества параметров и активного участия. Появление

возможностей принять участие в изменениях общества породило как психологический протест, так и радикальные умонастроения. Природа интеллигенции была подвергнута пересмотру, а общественное устройство стало иным. Религиозное учение как коллективная память определенной религии стало рассматриваться как опыт, требующий осовременивания, и адаптация к реалиям сегодняшнего дня.

В 90-е были задействованы несколько социальных групп, однако наиболее уязвимыми оказались представители профессиональных сообществ: науки, сферы образования, медицины, промышленности. Жертвами оказались те, кто с точки зрения предыдущего идеала общественного развития обладал высокими стандартами. Система ценностей в один момент кардинально изменилась, создав разрыв между понятным и нравственно обусловленным поведением прошлого и требованиями прямо противоположного по ценностным установкам настоящего. Можно сказать, что все те, кто активно участвовал в строительстве устойчивых моделей общественного функционирования, вдруг одновременно оказались «за бортом» и были вынуждены искать новые пути социализации. Нарратив о религии в ее на тот момент современном контексте в большей степени отвечал этим поискам. В систему представлений этого периода стали активно вовлекаться опыт обмана надежд и соответственно эсхатологические представления. В частности, Дж. Александер замечает, что «каждому историческому периоду необходим нарратив, который определяет его прошлое в терминах настоящего и говорит о будущем, которое основополагающим образом отличается от современного времени и обычно обещает быть “даже лучше” него. Вот почему в теоретическом осмыслении социальных изменений всегда присутствует не просто эпистемология, но и эсхатология» [Александер, 515]. О возможности медиа конструировать образы катастрофического настоящего, вызывающего травматический эффект, писал более детально Э. Хоскинс. В конце 90-х именно мемификация событийного ряда позволила фиксировать истории о прошлом в виде последовательно воспроизводимых нарративов, заданных в современной для того периода терминологии (или обретающих таковую, если речь шла о смежных понятиях) [Дейк].

Как стала возможна связь жертвы травмы с более широкой аудиторией? Современное население России исторически уже дистанцировано от того, что происходило в 90-е. Символическую рефлексию с целью репрезентации опыта поколения людей, переживших изменения самосознания в 90-е, создают внешние по отношению к России акторы: зарубежные исследователи, представители зарубежных СМИ, религиозные движения, имеющие внешнее происхождение.

Полагаю, что, по сравнению с традиционными подходами, при изучении и осмыслении истории России есть необходимость принимать во внимание распределение смысловых полей относительно событий, представлений и действий. Их сопоставление и выработка некоторой методологической основы позволит создать новый вариант подхода при осмыслении опыта культурной травмы населения России.

Итак, подводя итог, следует сделать несколько выводов о том, что цифровая среда является построенной, сущностным свойством ее является динамизм с присущими ему множественностью и неопределенностью. Содержание, смыслы и форматы индивидуальных и коллективных реконструкций с момента проявления к ним внимания со стороны исследователей приобретают направленность. Медиа все активнее функционируют в качестве агентов памяти, заменяя метафору статичного «архива» конкурирующими между собой коммуникативными средами присутствия и порождения смыслов. Популярны истории создают образ популярного опыта, который ретранслируется в моделях сопереживания, соучастия, сочувствия. В итоге гибридизируется не только значение, но и способ коллективной и культурной коммеморации. Мемификация и хештегирование, являясь в этом смысле технологиями репрезентации события, могут изучаться как практики визуализации культуры отмены в системе цифровых повествований новой онтологии религии. В то же время символические своды, на основе которых происходит формирование иерархии идей о религии, моделей религиозной жизни и религиозного чувства, производные от процессов мемификации и хештегирования, способствуют новому содержательному наполнению религии как одного из значимых факторов, влияющих на понимание социальной реальности.

Список источников

- Александр Дж. Модерн, анти-, пост-, и нео-: как интеллектуалы объясняют «наше время» // Смыслы социальной жизни. Культурсоциология. М. : Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. С. 505–600.
- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.
- Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах / под. ред. Л. В. Сморгунова. М. : Полит. энцикл. (РОССПЭН), 2021. 310 с.
- Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
- Ворошилова М. Б., Тилоева С. М. Статус хештега в модели креолизованного текста // Полит. лингвистика. 2022. № 6(96). С. 46–52.
- Ле Гофф Ж. История и память / пер. с фр. К. З. Акопяна. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. 303 с.
- Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Патцельт В. Й. Гены, мемы и знаки // Метод. 2018. Вып. 8. С. 85–211.
- Редин Ф. Д. Опыт сравнительного исследования религиозно-ориентированных интернет-мемов (на материалах сообществ в социальной сети «ВКонтакте») // Вестн. Вят. гос. ун-та. 2022. № 4(146). С. 76–89.
- Рябова М. Э. Мем-культура и ее воздействие на развитие современного общества // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия : Философские науки. 2023. № 1. С. 126.
- Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М. : Ин-т языкознания РАН, 2005. 220 с.
- Федорченко С. Н. Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации : моногр. М. : Проспект, 2023. 480 с.
- Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномены интернет-коммуникации // Филология. 2012. Вып. 3. С. 160–172.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Новое изд-во, 2007. 348 с.
- Olick J. K. Between Chaos and Diversity: Is Social Memory Studies a Field? // International Journal of Politics Culture and Society. 2009. Vol. 22. P. 249–252. <https://doi.org/10.1007/s10767-009-9059-7>

References

- Alexander, J. (2013). Modern, anti-, post-, i neo-: kak intellektualy obyasnayut “nashe vremya” [Modern, anti-, post-, and neo-: how intellectuals explain “our time”]. *Smysly sotsialnoy zhizni: Kultursotsiologiya*. M.: Publishing house and consulting group “Praxis”. 505–600.
- Assman, A. (2014). *Dlinnaya ten proshlogo: Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial culture and historical politics]. M.: Novee literaturnoe obozrenie. 328 p.
- Assman, Ya. (2004). *Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. M.: Yazyki slavyanskoy kultury. 368 p.
- Autsorsing politicheskikh suzheniy: problemy kommunikatsii na tsifrovyykh platformakh / pod. red. L. V. Smorgunova* [Outsourcing of political judgments: problems of communication on digital platforms] (2021). M.: Politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 310 p.
- Dake, T. A. wang. (2013). *Diskurs i vlast: Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: The representation of dominance in language and communication / translated from English]. M.: Knizhnyy dom “LIBROKOM”. 344 p.
- Fedorchenko, S. N. (2023). *Vlast algoritma: tekhnologii legitimatsii politicheskikh rezhimov v usloviyakh tsifrovizatsii: monografiya* [The power of the algorithm: technologies of legitimization of political regimes in the context of digitalization: monograph]. M.: Prospekt. 480 p.
- Halbwaks, M. (2007). *Sotsialnye ramki pamyati / per. s fr. i vstup. statya S. N. Zenkina* [The social framework of memory]. M.: Novee izdatelstvo. 348 p.
- Le Goff, J. (2013). *Istoriya i pamyat* [History and memory] translated from French by K. Z. Hakobyan. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 303 p.
- Nora, P. (1999). *Problematika mest pamyati. Frantsiya-pamyat* [Problematics of places of memory. France-memory]. SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 17–50.
- Olick, J. K. (2009). Between Chaos and Diversity: Is Social Memory Studies a Field? *International Journal of Politics Culture and Society*, 22, 249–252. <https://doi.org/10.1007/s10767-009-9059-7>
- Patzelt, V. Y. (2018). Geny, memy i znaki [Genes, memes and signs]. *Method*, 8, 85–211.
- Redin, F. D. (2022). Opyt sravnitel'nogo issledovaniya religiozno-orientirovannykh internet-memov (na materialakh soobshchestv v sotsialnoy seti “VKontakte”) [The experience of comparative research of religiously oriented Internet memes (based on the materials of communities in the VKontakte social network)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4(146), 76–89.
- Ryabova, M. E. (2023). Mem-kultura i ee vozdeystvie na razvitie sovremennoogo obshchestva [Meme culture and its impact on the development of modern society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, 1, 126.

Shchurina, Yu. V. (2012). Internet-memy kak fenomeny internet-kommunikatsii [Internet memes as phenomena of Internet communication]. *Filologiya*, 3, 160–172.

Sonin, A. G. (2005). *Ponimanie polikodovykh tekstov: kognitivnyy aspekt* [Understanding polycode texts: a cognitive aspect]. М.: In-t yazykoznaniiya RAN. 220 p.

Voroshilova, M. B., Tilloeva, S. M. (2022). Status kheshtega v modeli kreolizovannogo teksta [The status of the hashtag in the creolized text model]. *Political Linguistics*, 6(96), 46–52.

Сведения об авторе

Фархитдинова Ольга Михайловна — кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания (секция религиоведения) Уральско-го федерального университета, г. Екатеринбург, Россия

Information about the author

Olga M. Farkhitdinova — Cand. Sci (Philosophy), Associate Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge (Section of Religious Studies) of the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

*Статья поступила в редакцию 29.07.2024;
одобрена после рецензирования 15.11.2024;
принята к публикации 28.11.2024*

*The article was submitted 29.07.2024;
approved after reviewing 15.11.2024;
accepted for publication 28.11.2024*

Научная статья

УДК 791.61 + 791.43 + 32.019.5 + 323.272 + 94(470)“1917” + 929 Троцкий + 316.7

doi 10.15826/tetm.2024.2.067

«Карикатура 90-х» или притча о революции? Кинонарратив о Л. Д. Троцком в его байопике 1993 года: переход от репрессивного забвения к селективному

Вячеслав Александрович Фисюков

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
v.fisyukov@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8505-5987>

Аннотация. В статье исследуются репрезентации поворотных моментов биографии Л. Д. Троцкого в его байопике 1993 года — первом в России игровом кино, посвященном судьбе некогда «врага № 1». С помощью методов киноанализа Г. Кортэ выделяются нарративные особенности и визуальные образы в фильме. Затем на материале рецензий обобщаются способы декодирования содержащихся в нем смыслов, а на основе интервью создателей фильма определяется их видение киноленты. Для анализа полученных результатов используется понятийный аппарат А. Ассман: формы репрессивного забвения, то есть уничтожения упоминаний о личности или событии, и селективного забвения, естественного для любого общества избирательного памятования о прошлом. Исторические неточности кинонарратива учитываются как производные техники «палимпсеста» — символического переписывания, порождаемого интерпретациями и реинтерпретациями событий прошлого. Темы, не представленные или слабо артикулированные в фильме, рассматриваются как проявления «скрытого молчания» (В. Виницки-Серуси и Ч. Тигер). В заключение отмечается, что выявленные в кинонарративе методы конструирования образов и клише в репрезентации Л. Д. Троцкого частично «нормализуют» его как историческую фигуру и позволяют назвать фильм элементом перехода к селективному забвению.

Ключевые слова: Л. Д. Троцкий, кинонарратив, декодирование, конструирование образов средствами киноязыка, селективное забвение, техника палимпсеста, скрытое молчание

Для цитирования: Фисюков В. А. «Карикатура 90-х» или притча о революции? Кинонарратив о Л. Д. Троцком в его байопике 1993 года: переход от репрессивного забвения к селективному // *Tempus et Memoria*. 2024. Т. 5, № 2. С. 28–41. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.2.067>

Благодарности: признателен Б. Колоницкому, А. Моисеенко, Р. Шумякову, П. Вицинской за советы, данные при обсуждении этого исследования.

Original article

“Caricature of the 90s” or Parable of Revolution? The Film Narrative about L. D. Trotsky in his 1993 Biopic: the Transition from Repressive Forgetting to Selective Forgetting

Vyacheslav A. Fisiukov

European University at Saint Petersburg, Saint-Petersburg, Russia
v.fisyukov@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8505-5987>

Abstract. The article explores the representation of the pivot points of L. D. Trotsky’s biography in his biopic of 1993 — the first Russian fiction film dedicated to the fate of the once “enemy № 1”. With the help of G. Korte’s film analysis methods, the author highlighted narrative features and visual images in the film. Then on the material of reviews the ways of decoding the meanings contained in it are summarized, and on the basis of interviews of the film’s creators their vision of the film is determined. A. Assman’s conceptual apparatus is used to analyze the obtained results: forms of repressive forgetting, i.e., destruction of references to a person or event, and selective forgetting, selective remembrance of the past, natural for any society. The historical inaccuracies of the film narrative are accounted for as derivatives of the technique of “palimpsest” — symbolic rewriting generated by interpretations and reinterpretations of past events. Themes not presented or weakly articulated in the film are seen as manifestations of “covert silence” (V. Vinitzky-Seroussi & C. Teeger). The author concludes that the methods of constructing images and clichés in the representation of L. D. Trotsky, highlighted in the film narrative, partially “normalize” him as a historical figure and allow us to call the film an element of the transition to selective forgetting.

Key words: L. D. Trotsky, film narrative, decoding, selective forgetting, palimpsest technique, construction of images through film language, palimpsest technique, covert silence

For citation: Fisiukov, V. A. (2024). “Karikatura 90-kh” ili pritcha o revolyutsii? Kinonarrativ o L. D. Trotskom v ego baiopike 1993 goda: perekhod ot repressivnogo zabveniya k selektivnomu [“Caricature of the 90s” or Parable of Revolution? The Film Narrative about L. D. Trotsky in his 1993 Biopic: the Transition from Repressive Forgetting to Selective Forgetting]. *Tempus et Memoria*, 5, 2, 28–41. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.2.067>

Acknowledgments: I thank to B. Kolonitskii, A. Moiseenko, R. Shumyakov, and P. Vitsinskaya for advice given when discussing this study.

В 1987 г. Ю. Н. Афанасьев, ректор Московского государственного историко-архивного института, заявил, что выступает за публикацию работ Л. Д. Троцкого. В ответ на его реплику один из слушателей выкрикнул: «Вы читали Троцкого и сидите здесь в комфорте. Знаете, сколько людей за это отправили в Сибирь?» [Return to the Road of Lenin..., 16]. Спустя год все тот же Ю. Н. Афанасьев заметил, что в процессе переосмысления советской истории Троцкий — «крупнейшее белое пятно» [Brotherstone, Duke]. Только на рубеже 1980–1990-х гг. его фигура, спустя десятилетия актуализации сугубо в негативном контексте, «возвращается» в социальные рамки памяти сначала советского, а потом и российского общества.

В 1989 г. появляются первые биографические очерки о Троцком, после перерыва в 62 года вновь публикуются его работы [Danilov, Porter, 137]. Только с 1989 по 1990 г. в СССР издали, как правило в форме отрывков, 26 сочинений Троцкого [Thatcher 1990, 127–129]. Подробные биографии выходят в свет лишь в 1992 г. Это двухтомник «Троцкий. Политический портрет» Д. А. Волкогонова и «Троцкий. Опыт политической биографии» Н. А. Васецкого. Причем оба автора критиковали его и как «личность», и как теоретика. Если Н. А. Васецкий еще по советскому сценарию противопоставлял «ленинизм» «троцкизму» и «сталинизму», то Д. А. Волкогонов видел в Троцком одного из большевистских лидеров, виновных в «трагедии», постигшей Россию в XX в. [Thatcher 1994, 1418–1420].

В целом, по сравнению с перестройкой, в первой половине 1990-х количество публикаций о Троцком сокращается, но в его оценках среди исследователей наблюдается большой плюрализм [Thatcher 1996, 486].

О «возвращении» Троцкого на рубеже 1980–1990-х говорят и соцопросы. Например, в 1990 г. Н. Е. Копосов и Д. Р. Хапаева задавали ленинградцам вопрос о «симпатичных им деятелях революции и Советского государства». В результате по частотности ответов Троцкий занял пятое место после Ленина, Кирова, Держинского и Бухарина [Копосов, 124]. Однако если Бухарина, чье имя в перестройку ассоциировалось с нэпом как утерянной возможностью развития страны [Атнашев, 213–215], реабилитировали в 1988 г., Троцкий, несмотря на обсуждения в советском обществе по этому поводу [Thatcher 1990, 106, 111–118], был частично реабилитирован в 1992 г. [Справка Прокуратуры РФ...], а полностью — только в 2001-м.

В 1993 г., после публикации многих трудов, в том числе в виде собрания переизданных сочинений, выхода в свет биографий и частичной реабилитации, этапом в общем процессе «возвращения» Л. Д. Троцкого становится его появление на больших экранах: 6 ноября состоялась премьера фильма «Троцкий», первого в России байопика, посвященного его жизни [Стольников]. Режиссером выступил Л. Г. Марягин, он же до этого снял фильм о другом «вернувшемся вожде» — киноленту «Враг народа — Бухарин». После байопика Троцкий будет фигурировать как второстепенный персонаж в отечественных фильмах и сериалах, ему будут посвящать документальные ленты. Однако следующим кинопродуктом, снятым именно о жизненном пути Троцкого, станет одноименный сериал в 2017 г.

На фоне столетнего юбилея революции 1917 г. появляются исследования, посвященные анализу фильмов и сериалов об одном из ее главных участников — Л. Д. Троцком. Так, В. О. Васильева анализирует образы революции в постсоветский период на примере телесериалов «Троцкий» и «Демон революции» и использует понятие «популярная культурная память» как способ «описания взаимодействия между коллективной памятью и популярной культурой». Такая память воспроизводится

благодаря повтору сюжетов, которые «нарративизируются при помощи популярных медиа» [Васильева, 180–181]. Автор отмечает, что создатели сериала извлекают Троцкого «из толщи социально организованного забвения, которое длилось с 1940-х гг. до 2017 года» [Там же, 189]. В. О. Васильева кратко упоминает байопик 1993 г. [Там же, 192], но, видимо, не считает, что его выход в полной мере прерывает забвение Троцкого. В сериале отражается «квинт-эссенция» присутствия Троцкого в массовой культуре: он показан одновременно и как «популярный в народе герой», и как «такого же масштаба враг, “демон”» [Там же, 193].

Другой автор, А. А. Пронин, сравнивал особенности построения биографического нарратива в российском и немецком документальных фильмах о Троцком и определял в них схожие и отличные черты. Главное различие: немецкие документалисты повествуют о нем в контексте борьбы за власть со Сталиным, а российские делают больший акцент на трагичности его жизни, строят нарратив через сопереживание В. Волкову, внуку Троцкого, который рассказывал о последних годах его жизни [Пронин, 298].

Таким образом, актуальность работы заключается в продолжении изучения кинопрезентаций Л. Д. Троцкого и, шире, первых руководителей СССР на материале пока не изученного кинопродукта о нем — фильма 1993 г. Нарратив ленты рассматривается как способ переосмысления роли Троцкого во время его «возвращения» в публичный дискурс после десятилетий негативных интерпретаций или умолчаний о нем. Анализ фильма позволит определить, какие образы Троцкого отпечатались в «популярной культурной памяти» российского общества начала 1990-х гг. Цель статьи — определить методы конструирования образов Л. Д. Троцкого средствами киноязыка.

Процесс «возвращения» Л. Д. Троцкого я рассматриваю в рамках понятий, предложенных А. Ассман, — как переход от репрессивного забвения его имени на протяжении большей части истории СССР к селективному забвению в позднесоветские и первые постсоветские годы. Под первым понимается символическое уничтожение памяти о личности или событии путем одностороннего толкования исторического процесса и применения гибких

интерпретаций и ограничение доступа к общественным и культурным ресурсам. В случае с Троцким формой такого «структурного насилия» [Ассман, 44–47] стали, во-первых, арест примерно 100 книг [Блум, 16], вышедших до его ссылки в 1928-м и содержащих упоминания бывшего наркомвоенмора, и, во-вторых, их перемещение на полки спецхранов.

А. Ассман отмечает внутреннюю амбивалентность репрессивного забвения: несмотря на вычеркивание из анналов истории и «символическую смерть», судьба публично запрещенной личности начинает вызывать все больший интерес. Такое семантическое уточнение отчасти справедливо и в отношении Л. Д. Троцкого: репрессивное забвение его имени не предполагало стирания вообще каких бы то ни было упоминаний. Напротив, его персоналия постоянно очернялась и редуцировалась, что и позволяло ему оставаться в пределах как партийного, так и внепартийного дискурса.

Под селективным забвением А. Ассман понимает естественный для любого общества «фильтр» памятования, отсеивающий одни воспоминания и сохраняющий другие. Оно является имманентной по своей сути частью памяти, ее извечной оборотной стороной [Ассман, 39]. Такое избирательное памятование становится возможным после плюрализации в оценках фигуры, до этого «демонизированной». Например, если авторы советских школьных учебников упоминали Троцкого эпизодически и резко негативно, то в учебниках начала 1990-х его историческую роль описывают намного полнее [Огоновская, 55–56]. С этого же времени проходят научные конференции [Идейное наследие Л. Д. Троцкого...], круглые столы [Сайт исторического факультета МГУ...], ему посвящаются выставки [Сайт ЦСПИ ГПИБ...; Трофименков].

Параллельно с этим в рамках селективного забвения сохраняется тренд скорее на «негативное забвение» Троцкого [Резник, 9–10]: среди 500 употреблений его имени в «Национальном корпусе русского языка» преобладают негативные коннотации [Кононова, 121], а в речах президента России В. В. Путина он неизменно ассоциируется с чем-то деструктивным и демоническим [Будрайтскис].

Одной из форм селекции событий прошлого в таком столкновении «позитивного»

и «негативного» памятования может стать техника палимпсеста, тоже выделяемая А. Ассман, — это символическое переписывание, порождаемое интерпретациями и реинтерпретациями фрагментов прошлого на самом разном материале [Ассман, 21–22]. То есть селективное забвение лучше всего иллюстрирует тезис «Каждое поколение задает свои вопросы прошлому», — в зависимости от политической конъюнктуры постоянно смещается акцент с одних ракурсов восприятия прошлого на другие. Например, на рубеже 1980–1990-х гг. некоторые авторы видели в борьбе Троцкого против бюрократии и, шире, советской системы предзнаменование будущей борьбы за перестройку [Сох, 96] или альтернативу сталинизму [Атнашев, 215], готовое идеологическое оружие его критики [Thatcher 1990, 113]. Такое избирательное памятование фигуры Троцкого для актуальных политических целей приводило к появлению новых репрезентаций, выходящих далеко за рамки господствовавших прежде сугубо негативных оценок его как личности и мыслителя.

Фильм вышел в прокат на фоне «дискредитации революции 1917 г. и ее деятелей, а также кампании по десталинизации» [Васильева, 192]. В дальнейшем анализе байопика я отмечу, как именно репрезентации Троцкого, Ленина и Сталина использовались для такой дискредитации. Однако для определения более общих особенностей кинонарратива я применю категорию «скрытого молчания» в форме «невыразительной коммеморации» («bland commemoration»), которую предложили В. Виницки-Серуси и Ч. Тигер. Всего они выделили четыре типа молчания: два служат целям забвения и два — памяти. Форма «невыразительной коммеморации» используется для памятования, но в расчете на широкую аудиторию. Для нее характерно стремление упростить события прошлого, часто за счет исключения отдельных «позорных и спорных» фрагментов, чтобы сделать их более доступными для памятования. Такое «неудобное» прошлое может присутствовать в имплицитном виде, в качестве намеков на проблемы, которые прямо не раскрываются [Vinitzky-Seroussi, Teeger, 1112–1114].

Эмпирическая основа исследования — нарратив байопика, который я рассматривал

с помощью приемов киноанализа, предложенных Г. Кортэ. Сначала по мере протоколирования эпизодов я выделял элементы сюжета. Полученные данные уточнял с помощью графика эпизодов, в нем указывал их конкретное время в общем нарративе фильма, приводил описание формы и содержания. На заключительном этапе анализа строилась временная ось киноленты с графическим отображением уже выделенных до этого структурно наиболее важных моментов повествования, мест действия и других возможных особенностей, намечались контекстуальные связи между ними [Кортэ, 89–111].

Анализ кинонарратива уточняется изучением комментариев создателей фильма после его премьеры, — определяется, какие идеи они собирались отразить в киноленте, как видели своих героев. На завершающем этапе обобщались способы декодирования содержащихся в фильме смыслов, сопоставлялись мнения рецензентов разных лет.

Над фильмом «Троцкий» начали работать еще в 1990 г. В книге воспоминаний Л. Г. Марягина, режиссера кинокартины, указывается, что съемки проходили совместно с США, Мексикой и Турцией [Марягин, 267]. В новостной заметке «Коммерсанта» этот ряд расширяется и среди стран, где проходили съемки, также называются Франция, Австрия, Турция и Украина. Там же фильм описывается как «один из самых дорогостоящих в российском кинематографе» на тот момент, его бюджет — 1,5 млн долларов [Стольников]. Над сценарием работали режиссер Л. Г. Марягин и Э. Я. Володарский, уже известный к этому времени как сценарист советских фильмов «Проверка на дорогах», «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Мой друг Иван Лапшин» и «Моонзунд». Главную роль исполнил В. Н. Сергачев, Сталина сыграл Е. И. Жариков, президент Гильдии актеров кино России, второстепенную роль матроса Каргина — В. В. Меньшов.

Несмотря на продолжительные съемки в нескольких странах, крупный бюджет и «звездный» актерский состав, фильм на сегодняшний день практически забыт. Отчасти это может быть связано с датой премьеры: буквально за месяц до нее расстрелом Белого дома закончился конституционный кризис 1992–1993 гг. Поэтому страницы популярных газет

и журналов в первую очередь занимали статьи с обсуждениями его последствий, а также размышления по поводу грядущих выборов депутатов первой Государственной думы и текста проекта Конституции [Проект. Конституция..., 4]. Хотя в выпуске «Известий» за 6 ноября все же разместили рецензию на конкурента «Троцкого» в борьбе за зрительское внимание — телефильм «Раскол» об истории РСДРП с 1897 по 1905 г. [Кисунько, 12]. В нем актеру, исполняющему роль Троцкого, отвели второстепенную роль. Его кинообраз представлен и в более ранней работе режиссера Л. Г. Марягина — упоминавшемся фильме «Враг народа Бухарин» (1990). Таким образом, на общественно-политический контекст выхода фильма повлияли три ключевых момента: публикация в предшествовавшие годы сочинений и биографий Троцкого, общественная рефлексия по поводу конституционного кризиса и тенденция переосмысления советской истории и, в частности, большевистских вождей в кинематографе.

На этапе протоколирования фильма я выделил основные мотивы повествования и обозначил элементы сюжета — определил в качестве отдельных эпизодов экспозицию, завязку, развитие, кульминацию, развязку и финал. После этого составил их график с указанием временной протяженности в общем нарративе фильма, особенностей содержания и формы. Внимание главным образом уделял чередованию разных планов, художественным деталям, которые раскрывают образы персонажей, и визуальным средствам связи между сценами внутри эпизодов. Сокращенный график эпизодов представлен в прил. 1.

Ключевые мотивы в кинонарративе: личное противостояние Сталина и Троцкого, трагедия семьи Льва Давидовича и жестокость большевиков в прошлом. Так, первый мотив встречается уже во втором эпизоде. Персонаж Сталина в 1940 г. вспоминает о встрече с Троцким в Вене в 1913 г., когда последний раскритиковал его статью, и замечает: «А все-таки в национальном вопросе вы не бум-бум». Эта сцена сменяется воспоминанием об их встрече уже в 1918 г. в Смольном дворце, когда Троцкий в окружении свиты из военных и матросов публично унижил Сталина, который тогда был наркомом по делам национальностей, и вновь повторил процитированную фразу. Таким

образом, за неполные 1,5 минуты хронометража из уст Троцкого она прозвучала трижды. Причем заканчивается эта череда сцен-воспоминаний кадром с Троцким уже в 1940-м, которого, как следует из видеоряда, посещают те же мысли о прошлом.

Воспоминание о встрече в Смольном содержит и другую деталь: тогда Троцкий одолжил наркомнацу 1500 рублей. Этот долг Сталин вернул в 1929 г., когда на пароходе «Ильич» Троцкий получил «вспомоществование» в размере 1500 долларов. Правда, эти деньги ему выдали в унижительной форме: посланник Сталина бросил их на пол вагона, и Троцкому пришлось на коленях подбирать ассигнации. Посланник же надменно смотрел на него, вскинув подбородок. Напряженное молчание большую часть сцены и композиция кадра с Троцким, который, нагнувшись, смотрит снизу вверх, делает ее одной из центральных в драматургии фильма.

Наконец, Сталин фигурирует и в воспоминании Троцкого об одном из эпизодов Гражданской войны. Тогда он под бурные овации шел сквозь строй красноармейцев, а Сталин показан следующим за ним. Во второй половине фильма образы Сталина начинают ему мерещиться в знакомом почтальоне. То есть перипетии внутрипартийной борьбы за власть в партии и государстве авторы фильма свели к противостоянию Троцкого и Сталина, причем с акцентом на их личных, а не политических столкновениях. Такое «скрытое молчание» о поворотных в биографии Троцкого событиях можно объяснить стремлением авторов сделать фильм более доступным для широкого зрителя, не погруженного в тонкости его идейных расхождений со Сталиным.

Другой мотив — «Революция пожирает собственных детей». Эта фраза звучит в монологе Зинаиды Волковой, дочери Л. Д. Троцкого, накануне сцены ее самоубийства. Показан также допрос перед смертью его младшего сына Сергея Седова, которого упорно называли «Троцким». Отдельная сцена посвящена тому, как Марк Зборовский, агент советских спецслужб, убил в больнице Льва Седова — старшего сына Троцкого. Как раз эту версию его до сих пор не проясненной смерти отразили в фильме. Передаваясь воспоминаниям, персонаж Троцкого замечает: «Дети, дети. Меня мучает вина перед ними». Однако затем

он продолжает свою мысль: «Я не воспитал из них бойцов». Таким образом, даже раскрывая личную драму Троцкого, авторы наделяют его не только «человеческими» чертами, но и сохраняют коннотации «вечного борца», требующего даже от самых близких людей такого же беззаветного служения идее.

При этом в фильме и сам Троцкий трижды фигурирует в образе ребенка, который видит приближающуюся змею, но от страха не может сдвинуться с места. Такой сценой во сне кинолента начинается, и она же пронесется в сознании уже умирающего Троцкого. Можно предположить, что ребенок в снах — художественный образ, символизирующий его незащитность. Ведь в первый раз Троцкому снится встреча со змеей за несколько секунд до покушения Д. Сикейроса, а в последний — после того, как его ударил альпенштоком Р. Меркадер.

Наконец, многие воспоминания персонажей и вплетенные в сюжет события прошлого связаны с Гражданской войной. В таких сценах часто применяются звукозрительные образы: в качестве символа Кронштадтского восстания следуют кадры с вереницей телег, нагруженных трупами. Дальний план повозок на линии горизонта сменяется крупным планом рук убитых матросов, свисающих с них. Сцена сопровождается пронзительным звуком, напоминающим скрип этих телег. Следующий пример. Л. Рейснер с надрывом несколько раз командует: «Огонь!», и красноармейцы под выкрики «Да здравствует мировая революция!» расстреливают пленных «врагов революции».

Один из самых запоминающихся моментов фильма — разговор Троцкого с Лениным в тельняшке, пока тот мерно покачивается в гамаке. Практически всю сцену продолжается монолог Троцкого о Сталине — «кошмаре» и «кровавом маньяке», который убивает, вооружившись именем Ленина. При этом сам Владимир Ильич молчит и никак не реагирует на речь, пока Троцкий не замечает ему: «Судьба была благосклонна, вы умерли вовремя». На этой фразе персонаж Ленина резко вскакивает, раскатисто смеется и кричит: «Я всегда буду живой!» По наблюдению кинокритика Л. Аннинского, «отборная публика Дома кино» как раз на этом моменте «...заржала и зааплодировала. Единственный раз за весь просмотр» [Аннинский, 8]. Однако такой «срыв в буффонаду» [Матизен, 144] ради

доступности для аудитории жертвует глубиной повествования [Vinitzky-Seroussi, Teeger, 1112]. В итоге внешний эффект от кричащего Ленина в тельняшке вытесняет в область «скрытого молчания» рассуждения персонажа Троцкого о «психологии коммунизма», которую, по словам сценариста Э. Я. Володарского, создатели фильма собирались показать [Кино-Театр.Ру].

Встречаются в кинонарративе и более своеобразные проявления «разоблачительного экстаза», характерного для картин о советском прошлом в первой половине 1990-х гг. [Власов, 110]. Кроме смеха Ленина многие зрители запомнили, как персонаж Н. И. Эйтингона угрожал сначала М. Зборовскому, а потом и Р. Меркадеру: «Яйца отгрызу. Это я тебе как коммунист коммунисту обещаю». Такое сочетание звучит в фильме трижды. Сознательный повтор этой мысли можно назвать последствием наступившей еще в 1980-х «эпохи страстной жажды избыточного во всех художественных решениях» [Сальникова, 113].

Лишь один персонаж в фильме прямо противопоставляется и Троцкому, и Сталину — священник, с которым наркомвоенмор беседует в финальной сцене фильма посреди руин церкви. Он же заканчивает разговор фразой «Проклянут вас потомки», после чего Троцкий приказывает расстрелять его. В конце этой сцены на фоне выстрелов в священника Троцкий пристально смотрит на икону с изображением Иисуса Христа. Кадр с ее крупным планом заканчивает нарратив фильма.

На основе графика эпизодов я построил временную ось фильма с отображением ключевых пространственных и метафорических мест действий (прил. 2). К ним относятся мексиканская вилла Троцкого в 1940 г., сны и воспоминания героев, дача Сталина, место встречи Н. И. Эйтингона и Р. Меркадера в Нью-Йорке в 1940-м и события в прошлом без четких визуальных указаний на то, что это фрагмент сна или воспоминания. Часть таких ретроспекций показана с помощью черно-белого видеоряда, стилизованного под документальную «хронику», и создает контекст для высказываний и действий героев в нарративном «настоящем» — Мексике или СССР 1940 г. Например, Троцкий рвет и сжигает фотографии, напоминающие ему о расстрелах белогвардейцев в Крыму, или начинает грубить

своей жене Н. Седовой после воспоминаний о романе с Л. Рейснер.

Мысли главного героя о прошлом в последние дни его жизни и черно-белая стилизация под «хронику» — приемы, которые режиссер Л. Марягин еще до «Троцкого» сделал нарративной основой своего фильма о другом «вернувшемся» вожде — Н. И. Бухарине в киноленте 1990 г. «Враг народа — Бухарин».

Наиболее частое средство перехода между сценами и эпизодами — мелодия мексиканского банджо. Музыка этого инструмента рассеивает воспоминания героев и возвращает их к реальности, либо же, наоборот, один из персонажей погружается в воспоминания, и музыка банджо постепенно приглушается. Его мелодия даже сопровождает убийство Троцкого. Другой способ перехода между сценами — крупные планы лица Льва Давидовича, с которых начинаются или заканчиваются его размышления о прошлом.

Временная ось с местами действий показала, что больше половины хронометража фильма заняли воспоминания и сны. Поэтому вся кинолента построена на постоянных перемещениях героев из настоящего в прошлое и обратно. Такую частую смену локаций можно объяснить, во-первых, стремлением авторов раскрыть трагедию семьи Троцкого; во-вторых, показать его не только в качестве «Демона революции», хотя жестокостям большевиков уделяется значительная часть воспоминаний, но и как человека, рефлексирующего по поводу своей жизни на старости лет.

Отдельно стоит отметить, что создатели позиционировали фильм как достоверный, построенный на «реальных исторических фактах» [Стольников]. Хотя для репрезентации поворотных моментов нарратива они от этого принципа отступают. Во время киноанализа такие неточности интерпретировались с точки зрения символического переписывания прошлого — палимпсеста. Самым ярким художественным допущением стал персонаж В. В. Меньшова, который сыграл Каргина — матроса, соратника Троцкого. Этот герой по сюжету учил детей наркомвоенмора стрельбе, а в 1936 г. должен был устранить Троцкого в Норвегии. Но в решающий момент он так и не смог исполнить приказ и попросил «председателя Реввоенсовета» убить его, на что

Троцкий ему ответил: «Нет, Каргин. Теперь мое единственное оружие — слово». После этого его бывший товарищ застрелился.

У Троцкого действительно был матрос-сподвижник, только по имени Н. Г. Маркин. Он тоже учил его детей стрельбе [Троцкий 1991, 289] и служил сначала в комиссариате иностранных дел, а потом и в военном ведомстве [Троцкий 1926, 256]. В реальности Маркин погиб в 1918 г. в сражениях за Казань и никак не мог встретиться с Троцким в Норвегии в 1936-м. Таким образом, у авторов получился палимпсест из двух уровней. Они «переписали» фамилию Маркина, а затем использовали его и связанные с ним символические коннотации как исторический прототип для воплощения художественного замысла, — возможно, хотели показать, как Троцкий уже тогда ожидал покушения, и, то ли смирившись с судьбой, то ли не веря, что бывший товарищ выстрелит ему в спину, он отвернулся и зашагал прочь от «Каргина» с пистолетом.

Еще один пример палимпсеста связан с уже упоминавшимися деньгами, которые Троцкий одолжил Сталину для организации работы наркомнаца. Сам Троцкий описывал эту ситуацию на основе воспоминаний С. С. Пестковского — помощника Сталина в первые 20 месяцев советской власти. Он рассказывал, как по поручению будущего генсека занял у Троцкого 3000 рублей (а не 1500, как представлено в фильме), и в конце заметил: «Насколько мне известно, наркомнац до сих пор не возвратил тов. Троцкому этих денег» [Троцкий 1985, 29–30]. Момент «возвращения долга» упоминается И. Дойчером, только без указания, что 1500 долларов передал именно Сталин. Возможно, как раз это метафорическое описание и вдохновило сценаристов фильма на создание художественного мотива, связанного с «долгом»: «...один из офицеров ГПУ вручил ему 1500 долларов — дар советского правительства бывшему наркому обороны, «чтобы дать ему возможность поселиться за границей». Троцкий как бы увидел издевательскую усмешку Сталина, но, не имея ни копейки, проглотил оскорбление и взял деньги» [Дойчер, 81]. В пользу этой версии говорит и тот факт, что впервые книга И. Дойчера вышла на русском в 1991 г., и авторы фильма вполне могли использовать ее для разработки сценария.

Таким образом, в 1918 г. по поводу денег Троцкий беседовал с С. С. Пестковским, а не со Сталиным. Равно как и в 1931 г., он получил деньги в «дар от советского правительства», а не от Сталина. Между тем в кинонарративе реальные исторические события были частично переписаны и насыщены мотивом личной мести Сталина за унижение в 1918 г.

Данные, полученные после составления графика эпизодов и временной оси, можно дополнить способами декодирования фильма в рецензиях зрителей разных лет. Так, сразу после премьеры кинокритик Л. Аннинский в статье «Изгонянье дьявола» писал, что «в фильме не чувствуется точной образной концепции». Он считает, что авторы «не решились» дать точную оценку Троцкому и балансировали в фильме «между соблазном кинобоевика и соблазном психологического киноромана». Критик отмечает, что у режиссера Л. Г. Марягина «раздумье блокировано потехой»: процесс вынесения приговора смотрелся бы намного глубже и страшнее, чем сцены в фильме с изображением Троцкого, который лично расстреливает пленных. При этом Л. Аннинский выделил актера В. Сергачева, исполнившего роль Троцкого: он «верит своему герою», заметно «реальное существование на сцене» [Аннинский, 8]. В целом игра В. Сергачева — главный «плюс» фильма в оценках зрителей, повторяющийся почти во всех рецензиях.

В. Матизен в статье «Усеченный Троцкий» указывал, что в фильме не показали «интеллектуальные, ораторские и политические таланты» Льва Давидовича. Персонаж Сталина тем временем напоминал игрой «манекена», а их с Троцким политическую борьбу авторы исключили из сюжета. Он писал, что чередование (прил. 2) «разновременных и разноплановых моментов придает картине не только эмоционально-смысловую, но и культурную объемность». Критик также отметил, что количество сцен с демонстрацией жестокостей большевиков не переросло в качество [Матизен, 144]. А. Киселев увидел в фильме «изначальный антагонизм» между политикой и жизнью, а Л. Пажитнов — «дыхание окаянного времени, его потайной мрак и жертвенную истерику» в воспоминаниях Троцкого [Марягин, 269–270].

В статье в журнале «Искусство кино» уже за 2001 г., посвященной другому фильму

Л. Г. Марягина, М. Черненко между делом отмечает, что «Троцкий» словно поставлен другим режиссером, не вписывается в «марягинский кинематограф» [Черненко]. В рецензиях 2010-х и 2020-х зрители часто называют фильм «скучным» и пишут, что он не рассчитан на широкую аудиторию [Кино-Театр.Ру]. Были и те, кто увидел в нем трагедию человека, «создавшего кровавую систему, которая его же предала и погубила». Еще одна повторяющаяся характеристика — «сегодня фильм забыт». И если одних это удивляет, то другие пишут, что он «заслуженно забыт» [Рамблер/кино].

По поводу тенденциозности фильма мнения зрителей тоже разделились: часть рецензентов считала, что в нем «абсолютно нет никакой позиции». Другая половина авторов сразу разглядела «карикатурность сценария, сюжета и ряда образов» и ощутила при просмотре «политическую конъюнктуру последних лет перестройки» [Кинопоиск...]. Наконец, в 2017 г., на волне обсуждений сериала «Троцкий» от Первого канала, некоторые зрители вспомнили про «забытый» фильм 1993 г. Лаконичные упоминания киноленты встречались и в материалах с разбором современного сериала. Например, один из авторов заметил, что их роднят «постоянные скачки во времени» [Карев].

На завершающем этапе киноанализа я определял, как создатели фильма высказывались о нем после премьеры. Режиссер Л. Г. Марягин в одном из интервью заметил, что его интересует жанр трагедии. В этой связи фильм о Троцком он назвал «трагедией сильной личности» в противовес картине про Бухарина — «трагедии о слабой личности» [Репина]. Продюсер фильма М. Пальцев говорил, что они «не стремились создать политический портрет Троцкого. В центре внимания — трагедия семьи» [Стольников].

Комментарий сценариста Э. Я. Володарского часто использовался в качестве аннотации к фильму. Он отмечал, что в киноленте авторы хотели показать психологию коммунизма, которая сжигает в людях все человеческое. Для коммунистов «...есть лишь символы этой идеи — классы, пролетариат и буржуазия, кровопийцы помещики и несчастные крестьяне...» [Кино-Театр.Ру].

Наконец, В. Н. Сергачев, исполнивший главную роль, сказал в интервью, что у фильма

«странная судьба»: он не был представлен на значительных кинофестивалях, кроме «Кинотавра» в Сочи, после премьеры в кинотеатрах и на телевидении не последовало развернутых отзывов и рецензий. Затем он предположил, почему фильм оказался «окружен таким молчанием»: зрители ожидали увидеть в нем либо кровожадного монстра, либо великого революционного деятеля. Однако В. Н. Сергачев избегал этих крайностей и не хотел «играть отношение к этой роли — ни свое, ни чужое». Он видел в судьбе Троцкого трагедию противоречия «между великой теорией и кровавой стратегией ее воплощения» [Вовин].

То есть в центре внимания создателей фильма — трагедия семьи на фоне революции и политической борьбы. Второй фокус — попытка показать «психологию коммунизма». Эти же мотивы были декодированы зрителями и кинокритиками в рецензиях. Однако отношение к такой предпринятой в фильме демонстрации «психологии коммунизма» разделило зрителей: одни сочли его правильным и восприняли в качестве попытки авторов взглянуть на события прошлого отстраненно, не занимая конкретной позиции. Другие, напротив, разглядели в такой задумке черты «карикатурности» и отражение в фильме скорее представлений 1990-х гг. о Троцком, а не «объективный» взгляд со стороны.

Итак, нарративная основа фильма — быстрая смена мизансцен и перемещение героев в пространстве и времени. Представленные в киноленте коннотации конструируют два семантически полярных образа: Л. Д. Троцкого как «Вооруженного» и как «Изгнанного пророка», если воспользоваться метафорой И. Дойчера. Первый фигурирует в основном в воспоминаниях и событиях прошлого, связанных с Гражданской войной, а второй — в 1940 г. в Мексике рефлексировал по поводу своей жизни. Его преследуют навязчивые мысли о прошлом и неотступный образ Сталина, который мерещится ему даже в знакомом почтальоне.

Многие рецензенты отметили, что на сегодняшний день этот фильм практически забыт. Небольшая волна обсуждений вокруг «Троцкого» возникла лишь в 2017 г., когда вышел одноименный сериал от «Первого канала». Премьера в 1993 г. осталась по большей части

незамеченной: на страницах «Аргументов и фактов», «Правды», «Известий» и «Огонька» нет ни одного упоминания киноленты. В журнале «Искусство кино» процитированная рецензия В. Матизена вышла только в выпуске за май 1994 г.

Среди ключевых методов конструирования образа Л. Д. Троцкого средствами киноязыка можно выделить:

1) использование деталей, имеющих особое смысловое значение: возвращенный денежный долг, музыка банджо, выполняющая фабульную функцию соединения сцен и эпизодов;

2) применение в основном крупного плана в репрезентациях Троцкого как «изгнанного пророка» — еще один способ, помимо банджо, перехода к воспоминаниям или, наоборот, их завершения;

3) техника палимпсеста — вписывание художественного замысла поверх исторических фактов, как в случае с мотивом денежного долга, когда авторы фильма превратили вспомоществование для Троцкого в 1500 долларов из «дара» от неопределенного «советского правительства» в подачку «лично от товарища Сталина». Или же вписывание художественного замысла вместо исторических фактов: создатели фильма изменили и фамилию, и биографию Н. Г. Маркина, чтобы позже «столкнуть» его с Троцким.

В общем хронометраже, как это видно из прил. 2, преобладают воспоминания и сны, что придает картине притчевый характер, — нарратив строится вокруг символического представления об эпохе войн и революций

зачастую в ущерб проработке героев [Сальникова, 88].

Авторы фильма от советских клише в репрезентации Л. Д. Троцкого переходят к новым шаблонам: на его примере демонстрируют «психологию коммунизма», параллельно раскрывая личную и семейную трагедии. Политический контекст противостояния Троцкого со Сталиным, как и некоторые рассуждения героев об упомянутой «психологии коммунизма», перемещаются в область «скрытого молчания» — либо игнорируются, либо ограничиваются намеками. Вместе с тем одна из функций «скрытого молчания» — обеспечение мирного транзита между режимами за счет отказа от репрезентаций «спорного» прошлого — не свойственна нарративу фильма [Vinitzky-Seroussi, Teeger, 1112]. Напротив, его создатели с помощью разных средств киноязыка показывают жестокость большевиков.

Кинолента «положила начало отечественной “троцкиане”» [Матизен, 144], которая, не считая его эпизодические киновоплощения, продолжилась лишь спустя двадцать четыре года в одноименном сериале. Такая частичная «нормализация» Л. Д. Троцкого в начале 1990-х позволяет назвать фильм элементом перехода к селективному забвению. В социальных рамках памяти он становится одним из вождей большевиков, эпизоды его биографии «вспоминают» и «забывают» в зависимости от политической конъюнктуры, без артикуляции только негативных представлений о нем, как это было на протяжении большей части истории СССР.

Сокращенный график эпизодов фильма «Троцкий» 1993 г.
(режиссер Л. Г. Марьягин)

00.00	02.30	05.22	09.23	12.36
Титры. Сон Троцкого и покушение	Разговор Сталина с Берией	Сталин вспоминает оскорбления от Троцкого	Строят стену на вилле Троцкого. Общий план Троцкого и Седовой на ее фоне	
1. Экспозиция	2. Завязка		3. Развитие: гибель детей Троцкого	
15.25		17.59	24.10	33.11
Троцкий на пароходе «Ильич» в 1929 г.	Сталин приказывает сжечь архив Троцкого	Самоубийство Зины в Берлине	Каргин учит сыновей Троцкого стрелять. Каргин и Троцкий в Норвегии	
38.51		46.43	50.41	59.26
Смерть Льва Седова	Троцкий вспоминает о Кронштадтском восстании	Разговор Эйтингона и Меркадера	Меркадер втирается в доверие к Троцкому	
4. Развитие: знакомство с Меркадером				
1.07.28		1.11.29	1.21.20	1.24.47
Троцкий вспоминает о Гражданской войне	Первая попытка Меркадера убить Троцкого	Разговор Меркадера с матерью. Троцкий во сне общается с Лениным		Разговор Троцкого и Фрунзе в 1920 г.
5. Кульминация		6. Развязка и финал		
1.27.50				1.33.36
Убийство Меркадером Троцкого		Спор Троцкого со священником. Последние кадры с иконой сменяются титрами		

Временная ось с отражением ключевых мест действий фильма «Троцкий» 1993 г.
(режиссер Л. Г. Марьягин)

Места действия: Мексика, 1940 г. Сны Воспоминания События в прошлом

Дача Сталина Нью-Йорк, 1940 г.

Список источников

- Ассман А. Забвение истории — одержимость историей / сост., пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2019.
- Аннинский Л. Изгонянье дьявола // Культура. 1993. № 45 (6902). С. 8.
- Атнашев Т. Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 года // «Особый путь»: от идеологии к методу. М. : Новое лит. обозрение, 2018. С. 189–242.
- Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб. : Санкт-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2003.
- Будрайтскис И. Кто же стоит за троцкистским заговором? // Openleft.ru. URL: <http://openleft.ru/?p=4709> (дата обращения: 14.12.2021).
- Васильева В. О. Революция 1917 года в постсоветских телевизионных сериалах: деконструкция значения и трансформация нарратива // Международ. журн. исслед. культуры. 2018. № 2(31). С. 178–194.
- Власов М. П. Отечественное кино второй половины 80-х — 90-х годов: метаморфозы жанрово-тематического спектра // Отечественный кинематограф на рубеже столетий, 1986–2002 / отв. ред. К. М. Исаева. М. : ВГИК, 2005. С. 14–29.
- Вовин С. Интервью с легким человеком // Виперсон. URL: <https://viperson.ru/articles/intervyu-s-legkim-chelovekom> (дата обращения: 14.05.2024).
- Дойчер И. Троцкий в изгнании / пер. с англ. Н. Н. Яковлева, послесл. и коммент. Н. А. Васецкого. М. : Изд-во полит. лит., 1991.
- Идейное наследие Л. Д. Троцкого: история и современность : материалы междунар. науч. конф., 10–12 нояб. 1994 г. / под ред. М. И. Воейкова, А. Б. Гусева. М. : Экон. демократия, 1996. 177 с. // Система «Истина» ЦЭМИ РАН. URL: <https://istina.cemi-ras.ru/collections/2742410/> (дата обращения: 24.10.2024).
- Карев И. Наш бронепоезд // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2017/11/05/a_10971620.shtml (дата обращения: 15.05.2024).
- Кононова Т. Л. Прецедентное имя «Троцкий» в российских СМИ // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 3 (38). С. 115–122.
- Кинопоиск. «Троцкий» (1993). Рецензии зрителей. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/40782/?utm_referrer=www.google.com (дата обращения: 16.05.2024).
- Кино-Театр.Ру. Отзывы на фильм «Троцкий» (1993). URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/7306/forum/#s4429691> (дата обращения: 16.05.2024).
- Кисунько В. Ленин без пагоки и дегтя // Известия. 1993. № 213 (24068). С. 12.
- Копосов Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 320 с.
- Корте Г. Введение в системный киноанализ с примерами исследований на материале фильмов «Забриски Пойнт» (Антониони, 1969), «Мизери» (Райнер, 1990), «Список Шиндлера» (Спилберг, 1993), «Ромео и Джульетта» (Лурман, 1996) / авторы исслед. П. Дрекслер, Г. Корте, Г.-П. Роденберг, Й. Тиле ; пер. с нем. М. Юдсон, Е. Смирновой (ч. 2, гл. 2, 3); под науч. ред. И. Кушнаревой ; предисл. А. Павлова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018.
- Марягин Л. Г. Иду на вы. М. : Изд-во «Киностудия «Глобус», 2000.
- Матизен В. Усеченный Троцкий // Искусство кино. 1994. № 5. С. 144.
- Огоновская И. С. Политические лидеры России в 1917 году в оценках авторов школьных учебников истории 1930–2010-х гг. (на примере Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева) // Человек в революции 1917 года: взгляд из XXI столетия : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (21 сентября 2017 г.). Омск : Изд-во Омс. гос. ун-та, 2017.
- Проект. Конституция Российской Федерации // Правда. 10 ноября 1993 г. № 198 (27152). С. 4.
- Пронин А. А. Лев Троцкий как герой революционно-биографического кинонарратива: версии российских и немецких документалистов // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Язык и литература. 2018. Т. 15, вып. 2. С. 289–299.
- Рамблер/кино. Фильмы и сериалы. URL: <https://kino.rambler.ru/movies/38517486-cherti-iz-tabakerki/> (дата обращения: 16.04.2024).
- Резник А. В. Введение // Л. Д. Троцкий: pro et contra : антол. 2-е изд. СПб., 2016. С. 7–40.
- Репина Н. Леонид Марягин: «Я провинциал со 101-го километра» // Film. ru. URL: <https://www.film.ru/articles/leonid-maryagin-ya-provincial-so-101-go-kilometra> (дата обращения: 14.05.2024).
- Сайт исторического факультета МГУ. Участие в круглом столе «Лев Троцкий: личность и политическая деятельность». URL: https://www.hist.msu.ru/about/gen_news/58253/ (дата обращения: 22.10.2024).
- Сайт ЦСПИ ГПИБ. «Пророк и Демон: образы Льва Троцкого». URL: <http://filial.shpl.ru/vistavki/anons-vystavki> (дата обращения: 22.10.2024).
- Сальникова Е. Перемен дождалась. Тренды отечественного кино середины 1980-х–1990-х // Смена веков: отечественное кино середины 1980-х — 1990-х / отв. ред. Е. В. Сальникова ; сост. Д. А. Жукова, Н. А. Хренов, В. Д. Эвальде. М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2022.
- Справка Прокуратуры РФ № 12/2182-90 от 21.05.1992 о реабилитации Троцкого (Бронштейна) Л. Д. на основании ст. 3 и ст. 5 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991. URL: <https://arch2.iofe.center/case/2077> (дата обращения: 10.07.2024).
- Стольников В. Премьера фильма «Троцкий» // Газета «Коммерсант». 06.11.1993. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/64132> (дата обращения: 01.05.2024).
- Трофименков М. Торжество троцкизма-ленинизма // Газета «Коммерсант». 24.11.2009. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1279806> (дата обращения: 24.10.2024).

- Троцкий Л. Д. Моя жизнь : опыт автобиографии. М. : Панорама, 1991.
- Троцкий Л. Д. Памяти Н. Г. Маркина // Перед историческим рубежом. Политические силуэты. Сочинения. М. ; Л., 1926. Т. 8. С. 255–257.
- Троцкий Л. Д. Сталин / под ред. Ю. Г. Фельштинского. Venson, Vermont : Chalidze Publications, 1985. Т. 2.
- Черненко М. В бытовом измерении. «101-й километр», режиссер Леонид Марягин // Искусство кино. 2001. № 11. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2001/11/n11-article4> (дата обращения: 15.05.2024).
- Brotherstone T., Duke P. The Trotsky Reappraisal. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1992.
- Cox M. Trotsky and His Interpreters; or, Will the Real Leon Trotsky Please Stand Up? // The Russian Review. 1992. Vol. 51, № 1. P. 84–102.
- Danilov V., Porter C. We Are Starting to Learn about Trotsky // History Workshop. 1990. № 29, 1. P. 136–146.
- Return to the Road of Lenin and Trotsky! // Spartacist. Winter 1987–1988. № 41–42. P. 4–18.
- Thatcher I. D. First Russian Biographies of Trotsky: A Review Article // Europe–Asia Studies (Formerly Soviet Studies). 1994. Vol. 46, № 8. P. 1417–1423.
- Thatcher I. D. Trotsky Studies — After the Crash: A Brief Note // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48, № 3. P. 481–486.
- Thatcher I. D. Recent Soviet Writings on Leon Trotsky // Leon Trotsky: Three Aspects. University of Glasgow, 1990. P. 63–131.
- Vinitzky-Seroussi V., Teeger C. Unpacking the Unspoken: Silence in Collective Memory and Forgetting // Social Forces, 2010. Vol. 88, № 3. P. 1103–1122.

References

- Anninskii, L. (1993). Izgonyan'e diavola [Casting out the devil]. *Kul'tura*, 45(6902), 8.
- Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriei* [Oblivion of history is an obsession with history]. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie.
- Atnashev, T. (2018). Istoricheskij put', izbor i al'ternativy v politicheskoy mysli perestrojki okolo 1988 goda [Historical path, choices and alternatives in the political thought of perestroika circa 1988]. *Osobyj put': ot ideologii k metodu*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 189–242.
- Blyum, A. V. (2003). *Zapreshchennye knigi russkikh pisatelei i literaturovedov, 1917–1991: Indeks sovetskoi tsenzury s kommentarijami* [Banned Books of Russian Writers and Literature. 1917–1991: Index of Soviet Censorship with commentary]. SPb: Sankt-Peterburgskii gos. un-t kul'tury i iskusstv.
- Brotherstone, T., Duke, P. (1992). *The Trotsky Reappraisal*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Budrajtskis, I. (2014). Kto zhe stoit za trockistskim zagovorom? [Who is behind the Trotskyist conspiracy?]. *Openleft.ru*. URL: <http://openleft.ru/?p=4709> (accessed: 14.12.2021).
- Cox, M. (1992). Trotsky and His Interpreters; or, Will the Real Leon Trotsky Please Stand Up? *The Russian Review*, 51, 1, 84–102.
- Danilov, V., Porter, C. (1990). We Are Starting to Learn about Trotsky. *History Workshop*, 29, 136–146.
- Deutscher, I. (1991). *Trotskii v izgnanii* [Trotsky in exile]. M. : Izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Idejnoe nasledie L. D. Trockogo: istoriya i sovremennost' : Materialy mezhdunar. nauch. konf., 10–12 noyab. 1994 g. (1996) [L. D. Trotsky's Ideological Heritage: History and Modernity : Proceedings of the International Scientific Conference, November 10–12, 1994] / pod red. M. I. Voejkova, A. B. Guseva. M.: Ekon. demokratiya. 177 p. // Sistema "Istina" CEMI RAN. URL: <https://istina.cemi-ras.ru/collections/2742410/> (accessed: 24.10.2024).
- Karev, I. (2017). Nash bronepoezd [Our armored train]. *Gazeta.ru*. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2017/11/05/a_10971620.shtml (accessed: 15.05.2024).
- Kononova, T. L. (2020). Precedentnoe imya "Trockij" v rossijskikh SMI [The precedent name "Trotsky" in the Russian media]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 3(38), 115–122.
- Kinopoisk. "Trotskii". *Retsenzii zritelei* (1993) ["Trotsky" (1993). Film reviews]. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/40782/?utm_referrer=www.google.com (accessed: 16.05.2024).
- Kino-Teatr.Ru. *Otzyvy na fil'm "Trotskii"* (1993) [Reviews for the film "Trotsky" (1993)]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/7306/forum/#s4429691> (accessed: 16.05.2024).
- Kisun'ko, V. (1993). Lenin bez patoki i degtya [Lenin without molasses and tar]. *Izvestiya*, 213 (24068), 12.
- Korte, G. (2018). *Vvedenie v sistemnyi kinoanaliz s primerami issledovanii na materiale fil'mov "Zabriskii Point" (Antonioni, 1969), "Mizeri" (Rainer, 1990), "Spisok Shindlera" (Spielberg, 1993), "Romeo i Dzhul'etta" (Lurman, 1996)*. Pod nauch. red. I. Kushnarevoj; predisl. A. Pavlova [Introduction to systemic film analysis with examples of research on the material of the films "Zabriskii Point" (Antonioni, 1969), "Misery" (Rainer, 1990), "Schindler's List" (Spielberg, 1993), "Romeo and Juliet" (Luhmann, 1996)]. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Koposov, N. E. (2011). *Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii*. [Memory of strict regime. History and politics in Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 320 p.
- Maryagin, L. G. (2000). *Idu na vy* [I'm coming to you]. M. : Izdatel'stvo «Kinostudiya "Globus"».
- Matizen, V. (1994). Usechennyj Trockij [Truncated Trotsky]. *Iskusstvo kino*, 5, 144.
- Ogonovskaya, I. S. (2017). Politicheskie lidery Rossii v 1917 godu v ocenках avtorov shkol'nyh učebnikov istorii 1930–2010-h gg. (na primere L. D. Trockogo, L. B. Kameneva, G. E. Zinov'eva) [Political leaders of Russia in 1917 in the assessments of authors of school history textbooks of 1930–2010s (on the example of L. D. Trotsky, L. B. Kamenev, G. E. Zinoviev)]. *Chelovek v revolyucii 1917 goda: vzglyad iz XXI stoletiya* [Elektronnyj resurs] : materialy Vseros. nauch.-praktich. konf. (21 sentyabrya 2017 g.). Omsk : Izd-vo Om. gos. un-ta.
- Proekt. Kostitutsiya Rossiiskoi Federatsii (1993) [Project. Constitution of the Russian Federation]. *Pravda*, 198 (27152), 4.

Pronin, A. A. (2018). Lev Trockij kak geroj revolyucionno-biograficheskogo kinonarrativa: versii rossijskikh i nemeckikh dokumentalistov [Lev Trotsky as a hero of revolutionary-biographical film narrative: versions of Russian and German documentary filmmakers]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature*, 15, 2, 289–299.

Rambler/kino (2017). *Fil'my i serijaly* [Films and TV series]. URL: <https://kino.rambler.ru/movies/38517486-cherti-iz-tabakerki/> (accessed: 16.04.2024).

Repina, N. (2000). Leonid Maryagin: “Ya provintsial so 101-go kilometra” [Leonid Maryagin: “I am a provincial from the 101st kilometer”]. *Film.ru*. URL: <https://www.film.ru/articles/leonid-maryagin-ya-provincial-so-101-go-kilometra> (accessed: 14.05.2024).

Return to the Road of Lenin and Trotsky! (1987). *Spartacist*, 41–42, 4–18.

Reznik, A. V. (2016) Vvedenie [Introduction]. *L. D. Trockij: pro et contra, antologiya*. 2-e izd, SPb, 7–40.

Sajt istoricheskogo fakul'teta MGU (2019). Uchastie v kruglom stole “Lev Trockij: lichnost' i politicheskaya deyatel'nost'” [Participation in the round table “Lev Trotsky: Personality and Political Activity”]. URL: https://www.hist.msu.ru/about/gen_news/58253/ (accessed: 22.10.2024)

Sajt CSPI GPIB (2019). “Prorok i Demon: obrazy L'va Trockogo” [“Prophet and Demon: Images of Leon Trotsky”]. URL: <http://filial.shpl.ru/vistavki/anons-vystavki> (accessed: 22.10.2024).

Sal'nikova, E. (2022). Peremen dozhdalis'. Trendy otechestvennogo kino serediny 1980-kh–1990-kh [Change has come. Trends in domestic cinema of the mid-1980s–1990s]. *Smena vekh: otechestvennoe kino serediny 1980-kh — 1990-kh* / Otv. red. E. V. Sal'nikova. M. : Kanon + ROOI “Reabilitatsiya”.

Spravka Prokuratury RF №12/2182-90 ot 21.05.1992 o reabilitacii Trockogo (Bronshtejna) L. D. na osnovanii st. 3 i st. 5 Zakona RF “O reabilitacii zherty politicheskikh repressij” ot 18.10.1991 [Reference of the RF Prosecutor's Office №12/2182-90 from 21.05.1992 on the rehabilitation of Trotsky (Bronstein) L.D. on the basis of Art. 3 and Art. 5 of the Law of the Russian Federation “On Rehabilitation of Victims of Political Repressions” from 18.10.1991]. URL: <https://arch2.iofe.center/case/2077> (accessed: 10.07.2024).

Stol'nikov, V. (1993). Prem'era fil'ma “Trotskii”. *Gazeta “Kommersant”*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/64132> (accessed: 01.05.2024).

Thatcher, I. D. (1994). First Russian Biographies of Trotsky: A Review Article. *Europe–Asia Studies (Formerly Soviet Studies)*, 46, 8, 1417–1423.

Thatcher, I. D. (1996). Trotsky Studies — After the Crash: A Brief Note. *Europe-Asia Studies*, 48, 3, 481–486.

Thatcher, I. D. (1990). Recent Soviet Writings on Leon Trotsky. *Leon Trotsky: Three Aspects*. University of Glasgow, 63–131.

Trofimenkov, M. (2009). Torzhestvo trockizma-leninizma [The triumph of Trotskyism-Leninism]. *Gazeta “Kommersant”*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1279806> (accessed: 24.10.2024).

Trotsky, L. D. (1926). Pamyati N. G. Markina [In memory of N. G. Markin]. *Pered istoricheskim rubezhom. Politicheskie siluety*. Sochineniya. Moskva–Leningrad, 8, 255–257.

Trotsky, L. D. (1985). *Stalin* [Stalin] / pod red. Yu.G. Fel'shtinskogo. Benson, Vermont : Chalidze Publications. T. 2.

Trotsky, L. D. (1991). *Moya zhizn' : opyt avtobiografii* [My life : the experience of autobiography]. M. : Panorama.

Vasil'eva, V. O. (2018). Revolyuciya 1917 goda v postsovetskih televizionnyh serialah: dekonstrukciya znacheniya i ransformaciya narrative [The 1917 Revolution in Post-Soviet Television Series: Deconstructing Meaning and Transforming Narrative]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*, 2(31), 178–194.

Vinitzky-Seroussi, V., Teeger, C. (2010). Unpacking the Unspoken: Silence in Collective Memory and Forgetting. *Social Forces*, 88, 3, 1103–1122.

Vlasov, M. P. (2005). Otechestvennoe kino vtoroi poloviny 80-kh — 90-kh godov: metamorfozy zhanrovo-tematicheskogo spektra [Domestic Cinema of the Second Half of the 80s-90s: Metamorphosis of the Genre-Thematic Spectrum]. *Otechestvennyi kinematograf na rubezhe stoletii, 1986–2002* / otv. red. K. M. Isaeva. M. : VGIK, 14–29.

Vovin, S. (2000). Interv'yu s legkim chelovekom [Interview with an easy person]. *Viperson*. URL: <https://viperson.ru/articles/intervyu-s-legkim-chelovekom> (accessed: 14.05.2024).

Сведения об авторе

Фисюков Вячеслав Александрович — аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Information about the author

Vyacheslav A. Fisiukov — postgraduate student of European University at St. Petersburg, Saint-Petersburg, Russia

Статья поступила в редакцию 01.09.2024;
одобрена после рецензирования 15.10.2024;
принята к публикации 01.11.2024

The article was submitted 01.09.2024;
approved after reviewing 15.10.2024;
accepted for publication 01.11.2024

Научная статья

УДК 930.2 + 316.75 + 371.64:94 + 94(470)“19” + 316.422 + 323.22 + 929 Горбачев

doi 10.15826/tetm.2024.2.068

Память о перестройке в нарративах российских учебников истории

Андрей Александрович Линченко

*Липецкий государственный технический университет,
Финансовый университет при правительстве РФ, Липецк, Россия
linchenko1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6242-8844>*

Аннотация. Цель данной статьи — изучение особенностей трансформации памяти о перестройке в образовательном дискурсе России. На основе контент-анализа учебников и учебной литературы анализируется динамика интерпретативных стратегий о перестройке и о личности М. С. Горбачева в контексте эволюции исторической политики государства и трансформации массового исторического сознания в период 2000–2024 гг. Эволюция исторической политики в 2000-е и 2010-е гг., а также смена акцентов государства как актора исторической политики способствовали возвращению положительных аспектов советского исторического опыта, что все более превращало память о перестройке в отрицательный пример в дискуссиях о необходимости широких модернизационных реформ в России. Проведенный контент-анализ выявил факт постепенной трансформации стратегий интерпретации перестройки в российских учебниках, где на смену критически-нейтральным и фактографическим интерпретациям событий перестройки приходят негативно-критические интерпретации, актуализирующие дискурс переоценки и исторической ответственности. Было выявлено, что данная трансформация происходила на фоне доминирования устойчиво негативной оценки исторических событий 1985–1991 гг. в массовом историческом сознании, где реформы эпохи перестройки выступают не самой желаемой стратегией решения проблем СССР.

Ключевые слова: историческое сознание, культурная память, перестройка, М. С. Горбачев, модернизационные реформы, нарратив

Для цитирования: Линченко А. А. Память о перестройке в нарративах российских учебников истории // *Tempus et Memoria*. 2024. Т. 5, № 2. С. 42–52. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.2.068>

Original article

The Memory of Perestroika in the Narratives of Russian History Textbooks

Andrey A. Linchenko

*Lipetsk state technical university,
Financial university under the Government of Russian Federation, Lipetsk, Russia
linchenko1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6242-8844>*

Abstract. The purpose of this article was to study the transformation of the memory of perestroika in the educational discourse of Russia. Based on the content analysis of textbooks and educational literature, the dynamics of interpretative strategies about perestroika and the personality of M. S. Gorbachev were analyzed in the context of the evolution of the official historical politics and the transformation of mass historical consciousness in the period 2000–2024. The evolution of historical politics in the 2000s and 2010s, as well as the change in the emphasis of the state as an actor in historical politics, contributed to the return of positive aspects of the Soviet historical experience, which increasingly turned the memory of perestroika into a negative example in discussions about the need for broad modernization reforms in Russia. The content analysis revealed the fact of a gradual transformation of strategies for interpreting perestroika in Russian textbooks, where critical-neutral and factual interpretations of the events of perestroika are replaced by negative-critical interpretations that actualize the discourse of reassessment and historical responsibility. It was revealed that this transformation took place against the backdrop of the dominance of a persistently negative assessment of the historical events of 1985–1991 in the mass historical consciousness, where the reforms of the perestroika era were not the most desirable strategy for solving the problems of the USSR.

Key words: historical consciousness, cultural memory, perestroika, M. S. Gorbachev, modernization reforms, narrative

For citation: Linchenko, A. A. (2024). Pamyat' o perestroike v narrativakh rossiiskikh uchebnikov istorii [The Memory of Perestroika in the Narratives of Russian History Textbooks]. *Tempus et Memoria*. 5, 2, 42–52. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.2.068>

Образы модернизационных реформ являются одними из наиболее противоречивых образов прошлого как в массовом историческом сознании россиян [От Ельцина до Путина; Беклямишев], так и в представлении политической элиты страны [Малинова 2018a]. В первом случае на восприятие модернизационных реформ накладывается негативный исторический опыт перестройки и в особенности 1990-х гг. Во втором случае заметное влияние оказывают сами практики конструирования дискурса «стабильности» со стороны власти, где модернизационные реформы 80–90-х гг. XX в. оказываются исключительно источником социально-экономических катастроф и исторических поражений России [Малинова 2018a; Реут, Тетеревлева]. Не будет преувеличением заметить, что среди модернизационных реформ в России особо выделяется эпоха перестройки, которая в массовом сознании

предстает не только как историческое событие, но и как событие коммуникативной памяти. Также не будет преувеличением отметить, что на наших глазах разворачивается процесс постепенного перехода образов перестройки из коммуникативной в культурную память, где заметную роль играют образовательные институты. Как изменялись образы перестройки в российских учебниках последних двух десятилетий? Как трансформация данных образов соотносится с восприятием перестройки в массовом историческом сознании? Наконец, насколько заметным оказалось влияние исторической политики в России на трансформацию памяти о перестройке в российских учебниках?

Хронологическими рамками нашего исследования будут являться 2000–2024 гг., связанные с эпохами В. В. Путина и Д. А. Медведева. Выбор столь широкого хронологического

отрезка представляется оправданным в силу двух обстоятельств. С одной стороны, приход к власти Владимира Путина обозначил новый вектор в символическом использовании советского прошлого, который продолжает оставаться актуальным до сегодняшнего времени. С другой стороны, несмотря на наличие устойчивых тенденций в исторической политике государства, образы модернизационных реформ в официальной риторике демонстрировали определенные изменения, что напрямую или косвенно оказывало влияние и на эволюцию интересующего нас образовательного дискурса, который мы в данной статье будем рассматривать в рамках периодизации российской исторической политики, предложенной А. И. Миллером [Миллер 2012].

Обращение к учебникам истории как к основному источнику изучения особенностей конструирования памяти о перестройке применительно к образовательному дискурсу представляется оправданным, поскольку именно учебники по-прежнему выступают в России основным инструментом трансляции исторических знаний в образовательных практиках. Специфика образовательного дискурса в России определяется не только заметным присутствием государства и его трактовок прошлого, но и своеобразием интеллектуальной культуры педагогов, существенным влиянием критической позиции академического сообщества в интерпретации тех или иных исторических событий. Указанная специфика позволяет нам уверенно говорить о значимых особенностях репрезентации памяти о перестройке в образовании в избранных нами хронологических рамках, не всегда укладывавшихся в официальный политический нарратив.

Поскольку учебники представляют собой текстовый источник, имеющий логику и структуру, отражающую формальные требования государственного образовательного стандарта по предмету, вполне очевидным было использование контент-анализа, позволяющего выявить за совокупностями текстов общую смысловую линию. В качестве классифицирующих категорий для нашего контент-анализа были использованы упоминания о перестройке (включая их динамику), а также функция высказывания, содержащая положительную, нейтральную или критическую оценку перестройки. Для

проведения нашего сравнительного анализа нами были изучены основные линейки школьных учебников, рекомендованные Министерством образования/просвещения в 2000-х, 2010-х гг. (включая историко-культурный стандарт 2013 г.), а также учебник по истории Отечества под ред. В. Р. Мединского и А. В. Торкунова (2023). Особое внимание было обращено на ряд учебников второй половины 1990-х гг., позволявших выявить особенности изменений в интерпретации перестройки уже в начале 2000-х гг. Вместе с тем, обращаясь к учебникам по истории России, мы не могли оставить без внимания результаты массовых социологических опросов, проводимых ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центром (признан в РФ иноагентом), исследователями в российских университетах, посвященных оценке эпохи перестройки и личности М. С. Горбачева [Беклямишев; Шумкова, Федякина; Историческая память о перестройке...; Садовски; Бубнов, Савельева]. Это позволило соотнести особенности оценки перестройки в учебниках и восприятие данной эпохи в массовом сознании, где влияние коммуникативной памяти (и в первую очередь семейной памяти) о данной эпохе продолжает оставаться важным фактором конструирования коллективных представлений о позднесоветском прошлом.

Анализируя трансформацию памяти о перестройке в образовательных дискурсах, мы ориентировались на идеи Алексея Миллера, который в своей работе 2012 г. предлагал говорить как минимум о трех этапах исторической политики в России: от эпохи перестройки до 2003 г., периоде 2003–2008 гг., периоде 2009–2012 гг. [Миллер 2012]. Сегодня мы также можем с уверенностью говорить еще об одном этапе, который начинается в 2013–2014 гг. и продолжается до настоящего времени. Использование периодизации этапов исторической политики в данном случае оправданно, поскольку специфика именно российского случая связана с существенным влиянием государства на сферу образования.

Первый период исторической политики в России охватывал 1990-е гг. и длился до 2003 г. Поскольку влияние антикоммунистической риторики было достаточно сильным, а новая объединяющая общество идеологическая конструкция была не выработана, история

практически перестала использоваться государством в политических целях. В этой связи исследователи говорят о периоде 1990-х гг. как об «архивной революции» в России, методологическом плюрализме в оценке советской эпохи, росте числа общественных коммемораций сталинских репрессий, большом количестве учебников истории, представлявших различные взгляды на дореволюционное и советское прошлое. Примером в данном случае являются учебники по истории Отечества под ред. И. И. Долуцкого [Долуцкий] и А. А. Данилова [Данилов, Косулина]. Проведенный контент-анализ учебников не выявил каких-либо значимых расхождений на уровне тем и заголовков. Принципиальное отличие между двумя учебниками состояло в дополнительном материале к основным главам, где учебник И. И. Долуцкого был больше ориентирован на раскрытие собственной точки зрения учащегося, в то время как учебник под ред. А. А. Данилова в большей мере ориентировался на изучение исторических источников. Сравнительный анализ риторических средств в обоих учебниках показал, что учебник И. И. Долуцкого делает в большей мере акцент на изначальной противоречивости перестроечных реформ, «трагедии реформаторов» и критическом отношении современников к реформам, в то время как учебник под ред. А. А. Данилова разворачивает перед читателем постепенное накопление противоречий по мере осуществления реформ, показывая перестройку как «последний шанс системы» [Данилов, Косулина, 232]. Оба учебника при этом ориентируются на дискуссионность экономического, внутривластного и внешнеполитического аспектов реформ, неизбежность их проведения, а также личность М. С. Горбачева. Тезис о неизбежности реформ перестройки являлся ключевым и для учебника по истории под ред. В. П. Дмитренко, В. Д. Есакова, В. А. Шестакова, где отмечается, что «советская хозяйственная система исчерпала свои возможности и вышла за границы своего исторического времени» [Дмитренко, Есаков, Шестаков, 485]. Вместе с тем, как и предыдущие книги, данный учебник также придерживается смысловой линии, интерпретирующей перестройку как серии реформ, которые могли бы иметь положительный итог. Показательно, что во всех трех учебниках подчеркивается, что

перестройка могла бы пойти иным путем, если бы не нараставшие в ходе ее противоречия.

Следующий период, приходившийся на 2003–2008 гг., характеризуется целым рядом противоречивых тенденций. С одной стороны, начало правления В. В. Путина было связано с разнонаправленными тенденциями в формирующейся исторической политике, где попытка отыскать компромисс отражала стремление принять прошлое как «общее достояние». С другой стороны, объединяющие трактовки истории так и не были найдены, а «вместо этого возникла крайне противоречивая конструкция, которая держалась прежде всего на умолчании о проблемах и ответственности» [Миллер 2012, 331]. Как показывает А. И. Миллер, в отношении первого десятилетия XXI в. мы можем говорить о присутствии всех ключевых элементов исторической политики: о попытках насаждения единственного учебника истории, создании комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории, о попытках законодательного регулирования исторических интерпретаций. Трансформацию официальной риторики в отношении советского исторического опыта в эти годы подчеркивает президент Путин, который вводит в символическую политику свою знаменитую характеристику распада СССР как «крупнейшей геополитической катастрофы века» [Путин]. Как видится, подобные высказывания не могли не создать общественного запроса на трансформацию памяти о перестройке, которая в официальном дискурсе начинает в большей мере связываться с темой распада СССР, в то время как для оппозиции она оказывается отправной точкой в преобладающей линии изменений существующего политического порядка [Реут, Тетеревлева, 160].

Смена официальной риторики в отношении позднесоветского прошлого не сразу нашла отражение в учебной литературе. Так, например, в учебнике по истории России под ред. Н. В. Загладина личность М. С. Горбачева интерпретируется как «трудная роль реформатора» [История России XX — нач. XXI века, 368]. Ключевым отличием данного учебника от предыдущих стало то, что в отношении возможности положительного исхода реформ в начальный период перестройки учебник дает читателю более нейтральную интерпретацию.

В учебнике подчеркивается, что необходимость перемен осознавалась уже в эпоху Ю. В. Андропова, а М. С. Горбачев просто привел в действие давно ожидаемые реформы. В то же время учебник ставит учащихся перед неоднозначным выводом о том, что М. С. Горбачеву «удалось вывести реформы за рамки частичных, косметических мер, способных лишь продлить агонию старой системы» [История России XX — нач. XXI века, 369]. Подобная трактовка всех аспектов перестройки не вполне коррелировала с настроениями массового сознания, где многолетние опросы социологов явно указывали на абсолютное доминирование однозначно негативной оценки перестройки как варианта модернизационных реформ [Беклямишев, 99]. При этом количество негативно оценивавших перестройку из года в год только увеличивалось на фоне общего ухудшения «культурных предпосылок модернизации» [Там же, 96]. В частности, в 2000 г., по данным ВЦИОМ, почти 60 % опрошенных негативно оценивали как реформы М. С. Горбачева, так и реформы Б. Н. Ельцина [Тощенко]. А в 2005 г., по данным Левада-центра, уже 70 % опрошенных отмечали, что перестройка принесла больше вреда, чем пользы [Левада-центр 2005]. Показательным в данном случае также является тот факт, что за весь период многолетних исследований Левада-центра пик поддержки перестройки приходится на 2008 г. [Левада-центр 2019]. В то же время даже на уровне массового сознания исследователями была зафиксирована тенденция дифференцированно оценивать результаты перестройки, где разрешение частного предпринимательства и прекращение холодной войны вызывали более положительный отклик в ответах респондентов [От Ельцина до Путина, 13].

Период 2009–2012 гг. характеризуется как противоречивый, осложненный внешнеполитическими и внутривнутриполитическими спорами. На внешнеполитической арене были предприняты шаги по нормализации отношений с Польшей и Украиной по вопросам интерпретации сталинских репрессий и Катинского дела. Во внутренней политике президент Д. А. Медведев обозначил явный поворот в сторону осуждения преступлений сталинизма, чем инициировал антикоммунистическую риторику. Однако при всем при

этом последнего слова о решительном повороте исторической политики так и не было сказано. Дискуссии развернулись между сторонниками тех, кто полагал, что осуждение преступлений сталинизма не должно заслонять достижений советского времени, и теми, кто считал, что осуждение коммунизма необходимо сделать значимым инструментом легитимации политической власти, что вело к постановке вопроса об общенациональной ответственности.

Как показывают исследования тех лет, в массовом сознании сохранялась достаточно устойчивая корреляция положительной/негативной оценки реформ М. С. Горбачева в зависимости от уровня образования, возраста и типа поселения респондентов. Так, в 2009 г. социологи Левада-центра отмечали, что доля положительных оценок перестройки и М. С. Горбачева значительно выше среди городской молодежи и лиц с высшим образованием [Левада-центр 2010]. Летом 2010 г. по заказу Фонда современной истории Фонд общественного мнения провел исследование представлений россиян о периоде 1985–1999 гг., ряд результатов не мог не вызвать удивления. Как показало исследование, для 43 % опрошенных в 2010 г. перестройка все еще не закончилась, «а с учетом затруднившихся ответить (24 %) не могут назвать сроки ее окончания две трети респондентов (67 %)» [ФОМ-мем, 5]. По мнению организаторов исследования, подобная размытость понимания хронологических границ была не столько отражением низкого уровня исторических знаний, сколько коллективным ощущением незавершенности социально-экономических и политических преобразований в стране. Исследование также выявило, что на массовом уровне перестройку оценивали негативно втрое чаще, чем с одобрением. Было выявлено, что у большинства россиян не было единых представлений о том, что такое перестройка [Там же, 7].

Учитывая особенности данного периода исторической политики, достаточно неожиданным выглядела трактовка перестройки в учебнике под ред. А. А. Данилова, увидевшем свет в 2009 г. [История России, 1945–2008 гг.]. Сохраняя традиционную для российских учебников структуру нарратива о перестройке, учебник однозначно указывал на изначальную непоследовательность реформ М. С. Горбачева,

а также подчеркивал негативную роль политических элит западных стран, «использовавших Горбачева для получения новых уступок СССР» [История России, 1945–2008 гг., 242]. Также любопытным представляется факт того, что в учебнике ставится вопрос об альтернативности проведения экономических, культурных и политических реформ перестройки. Несколько иной видится дискурсивная нить, развернутая в учебнике по истории России XX–XXI вв. под ред. О. В. Волобуева [История России XX — начало XXI века. 9 кл.]. Следует подчеркнуть, что уже с первых страниц читателям учебника предлагается рассматривать перестройку как «масштабный реформаторский эксперимент» [Там же, 257], осуществлявшийся в пространстве между «надеждой и утопией» «небрежно и неаккуратно». В учебнике подчеркивался не только изначально противоречивый характер экономических и внутривнутриполитических реформ, но и «романтизм» горбачевских внешнеполитических представлений, который «не был поддержан ведущими политиками Запада, оставшимися верными традиционным представлениям, что сила... а не “добрая воля” решает в конечном счете судьбы мира» [Там же, 273]. Вместе с тем учебник не предписывал учащимся однозначной позиции, ставя их перед противоречивым вопросом: «Что представляла собой перестройка? Неумелое реформирование социализма, окончившееся распадом страны и политическим крахом реформаторов? Или же это была тщательно продуманная и умело осуществленная акция, направленная на демонтаж исчерпавшей себя советской системы?» [Там же, 274].

Определенным рубежом в дальнейшем развитии исторической политики признается 2013 г., когда власть окончательно поворачивает в сторону идеи создания единого учебника истории и инициирует процессы создания контролируемых общественных структур (Ассоциация школьных учителей истории и обществознания, Российское историческое общество, Российское военно-историческое общество). В этих условиях был принят Историко-культурный стандарт (2013) как попытка преодоления региональных политик памяти, нередко на уровне научной и учебной литературы, противопоставлявших себя общероссийской идентичности [Овчинников].

На этом фоне целый ряд учебников продолжал сохранять двойственность оценок перестройки, выделяя в ней успехи и упущения. В данном случае особо выделяются учебники под ред. В. С. Измозика, С. Н. Рудника, а также А. А. Левандовского. В учебнике В. С. Измозика и С. Н. Рудника акцент был сделан на противоречивость реформ, возможность различных подходов в отношении «нового политического мышления» и личности М. С. Горбачева. Показательно, что авторы в биографической справке о первом президенте СССР предлагают учащимся три противоположных вектора интерпретации его биографии, не давая своей оценки: «в глазах одних — он один из величайших политиков XX в., попытавшийся сломать тоталитарную систему, превратить СССР в открытое, правовое, цивилизованное государство и общество. В глазах других — человек, погубивший великую страну, капитулировавший перед США. Третьи, отдавая ему должное за демократические реформы, указывают на его ошибки, непоследовательность, недостаток необходимой твердости и даже жесткости в отдельные моменты» [Измозик, Рудник, 296]. В учебнике под ред. А. А. Левандовского читатель не найдет какой-либо выраженной оценки М. С. Горбачева, равно как и однозначной оценки самой эпохи. Учащимся предлагается выделить положительные и отрицательные стороны, а также проанализировать эффективность отдельных перестроечных реформ. При этом в учебнике проводится мысль об осознании высшим руководством страны необходимости «осторожных реформ», целью которых было «остановить распад системы государственного социализма и обеспечить интересы правящей элиты — номенклатуры» [Левандовский, 292].

Наконец, в 2014 г. явно наметились контуры нового этапа исторической политики. Говоря об этом этапе, А. И. Миллер предлагает говорить о «самом глубоком кризисе исторического сознания за всю историю постсоветской России» [Миллер 2015, 226]. В данном случае историческая политика превращается в один из важнейших инструментов консолидации общества сверху в условиях украинского кризиса и реакции мирового сообщества на крымские события. Речь идет о целом ряде событий, которые свидетельствовали о существенном росте консервативных, антилиберальных

и националистических настроений в ценностно-нормативном обосновании новой исторической политики. В этой цепочке называются вытеснение телеканала «Дождь» из кабельных сетей в связи со скандалом, связанным с интернет-опросом о необходимости удерживать блокадный Ленинград; увольнение профессора Андрея Зубова, сравнившего присоединение Крыма с аншлюсом Австрии в 1938 г.; принятие Закона 4 апреля 2014 г. («Закон Яровой»); наступление на музей «Пермь-36»; высказывания патриарха Кирилла и министра культуры Владимира Мединского. Центральным элементом исторической политики России после 2014 г. вновь оказывается Великая Отечественная война, коммеморации которой приобретают черты позднебрежневской эпохи и отсылают к идее империи. При этом, как показало исследование О. Ю. Малиновой, власть стремилась избегать выхода за определенные границы острых исторических дискуссий, что наиболее ярко проявилось в контексте коммемораций Октябрьской революции в России в 2017 г. [Малинова 2018б, 55]. В этой связи обращают на себя внимание учебники под ред. Н. В. Загладина [Загладин, Петров] и А. В. Торкунова [История России. 10 класс]. Если учебник под ред. Н. В. Загладина и Ю. А. Петрова в сравнении с изданием 2007 г. абсолютно не изменился, сохранив достаточно нейтральную оценку, то учебник А. В. Торкунова, признавая необходимость глубоких социально-экономических реформ накануне начала перестройки, указывал на неготовность М. С. Горбачева к руководству страной и ее внешней политикой [Там же, 11]. Сохраняя одинаковую для всех учебников событийную канву перестройки, авторы учебника подчеркивали, что перестройка изначально не только не имела четкого плана, но и оказалась набором «бессистемных» реформ [Там же, 18]. Также показательно, что в блоке документов и вопросов к параграфам акцент был сделан на семейную и коммуникативную память о перестройке и М. С. Горбачеве как дополнительный источник информации учащихся об эпохе. Учебник резюмировал причины неудач горбачевских реформ и распада СССР, связывая их с изначальной проблематичностью «догоняющего» вектора российской модернизации и роковым недопониманием политическим

руководством СССР после смерти Сталина «созданной большевиками системы» [История России. 10 класс, 41].

Начало военного конфликта между Россией и Украиной, радикально изменившее внешнеполитическую повестку, привело и к усилению тех тенденций в исторической политике, которые проявили себя после 2014 г. В этом контексте перестройка оказывалась вариантом неудачных модернизационных реформ, приведших к краху «исторической России» и связанных с активным действием иностранных государств. Определенным индикатором этого стали высказывания представителей официальной власти касательно смерти М. С. Горбачева 30 августа 2022 г. Так, комментируя смерть советского политика, пресс-секретарь президента РФ Д. Песков отметил: «Горбачев дал импульс [окончанию] холодной войны, и он искренне хотел верить в то, что она закончится и наступит вечный романтический период между новым Советским Союзом и миром, и коллективным Западом. Этот романтизм не оправдался. Никакого романтического периода и “медового столетия” не получилось. Кроважность наших оппонентов проявила себя» [Как в России...]. Заметным фоном для критических высказываний в адрес Горбачева и перестройки стали результаты опросов общественного мнения, где, по данным ВЦИОМ, 74 % опрошенных утверждали, что испытывают к ушедшему политику неприязнь, а половина респондентов (51 %) отметили, что деятельность Горбачева принесла стране «больше вреда, чем пользы» [ВЦИОМ].

Несмотря на то что официальные заявления первых политических лиц России по случаю смерти Горбачева делали акцент на позитивных сторонах перестройки и вкладе личности М. С. Горбачева в мировую историю [Как в России...], влияние «патриотического нарратива», воспроизводящего травматический дискурс и связывающего перестройку исключительно с темой распада СССР [Бубнов, Савельева], все активнее проявляло себя в том числе и в сфере образования. Ярким примером этого стал учебник по истории России под ред. В. Р. Мединского и А. В. Торкунова, увидевший свет в 2023 г. Несмотря на то что в учебнике сохраняются традиционный для российской учебной литературы тематический ряд и описание

основных событий перестройки, сама она помещается в крайне негативный интерпретативный контекст, где отрицательную оценку получают не только социально-экономические реформы и «новое политическое мышление», но и традиционно оцениваемая положительно политика гласности и демократизации: «ни одна из реформ, начатых за годы перестройки, не дала положительных результатов. Непоследовательность действий власти вызвала дезорганизацию производства, нарушила систему распределения и на практике обернулась экономической катастрофой» [Мединский, Торкунов, 221]. Учебник практически дословно повторяет тезис предыдущего учебника А. В. Торкунова об абсолютной неготовности М. С. Горбачева руководить страной [Там же, 208]. Отдельным направлением критики стала политика гласности, которая характеризуется в учебнике как «лавина информации (далеко не всегда правдивой, зачастую тенденциозной)» [Там же, 226]. Негативно оценивая критику сталинизма в общественной мысли эпохи перестройки, авторы учебника особо выделяют фактор иностранного влияния: «резко активизировались и откровенно враждебные нашей стране силы, в том числе и направляемые из-за рубежа. В условиях, когда все цензурные ограничения были сняты, а государство фактически самоустранилось от контроля СМИ, на граждан СССР обрушилась лавина деструктивной и враждебной информации. Это преподносилось как «свобода слова» [Там же, 228]. Показательно, что авторы резюмировали параграф риторической фигурой, проводящей параллели между эпохой перестройки и Россией накануне Февральской революции 1918 г. Не меньшей критике подвергается в учебнике и «новое политическое мышление», где в вину М. С. Горбачеву вменяется ориентация на «некие общечеловеческие ценности, которые должны иметь приоритет над национальными, идеологическими,

классовыми, религиозными и иными» [Мединский, Торкунов, 244], а все внешнеполитические действия Горбачева и его команды оцениваются как серия уступок Западу, которые он воспринял как «поражение СССР в холодной войне». Показывая непоследовательность и бесперспективность всех проводимых реформ перестройки, авторы учебника подводят учащихся к мысли о том, что распад СССР «стал крупнейшей геополитической катастрофой XX века» [Мединский, Торкунов, 266].

Таким образом, эволюция исторической политики в 2000-е и 2010-е гг., а также смена акцентов государства как актора исторической политики способствовали возвращению положительных аспектов советского исторического опыта, что все более превращало память о перестройке в отрицательный пример в дискуссиях о необходимости широких модернизационных реформ в России. В этой связи и в российских учебниках по отечественной истории в период 2000–2024 гг. наблюдается факт постепенной трансформации стратегий интерпретации перестройки в российских учебниках, где на смену критически-нейтральным и фактографическим интерпретациям событий перестройки приходят негативно-критические интерпретации, актуализирующие дискурс переоценки и исторической ответственности. При этом после начала российско-украинского конфликта критике в учебной литературе подвергаются не только отдельные стороны социально-экономических реформ или принципы внешней политики, но и политика гласности и демократизации. Определенным фоном данной трансформации выступает сохранение доминирования устойчиво негативной оценки исторических событий 1985–1991 гг. в массовом историческом сознании, где реформы эпохи перестройки как вариант модернизационных реформ выступают не самой желаемой стратегией решения проблем СССР.

Список источников

Беклямишев В. О. «Назад в будущее»: образы модернизационных реформ в коллективной памяти россиян // Управленческое консультирование. 2017. № 2. С. 95–102.

Бубнов А. Ю., Савельева М. А. Анализ смысловой структуры российских медиадискуссий о личности М. С. Горбачева как одного из маркеров памяти о распаде СССР (по материалам онлайн-платформ TELEGRAM и YOUTUBE) // Союз Советских Социалистических Республик как историко-культурный феномен: национально-государственное строительство : докл. 4-й Международ. науч.-практ. конф., посв. 100-летию образования СССР (Россия, Москва, 20 декабря 2022 г.). М. : Московский Политех, 2022. С. 191–196.

ВЦИОМ: Михаил Горбачев : эпитафия. 31.08.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mikhail-gorbachev-ehpitafija> (дата обращения: 24.12.2024).

Дмитренко В. П., Есаков В. Д., Шестаков В. А. История Отечества, XX век. 11 кл. : пособие для общеобразоват. учеб. заведений. М. : Дрофа, 2002.

Долуцкий И. И. Отечественная история, XX век: учеб. для 10–11 классов общеобразоват. учреждений. М. : Мнемозина, 1996. Ч. 2.

Загладин Н. В., Петров Ю. А. История. Конец XIX — начало XXI века : учеб. для 11 класса общеобразоват. учреждений. Базовый уровень. М. : ООО «Русское слово», 2014.

Измозик В. С., Рудник С. Н. История России. 11 класс : учеб. для учащихся общеобразоват. учреждений. М. : Вентана-Граф, 2013.

Историческая память о перестройке: учителя-современники и глубинное интервью / Е. Р. Забуга, А. Н. Зубова, И. Д. Кравчук, Е. В. Осипов, И. К. Шимин // Ветер перестройки, 2021 : сб. материалов Первой Всерос. науч. конф. Ред. коллегия: А. Д. Матлин (отв. ред.), А. А. Голдовский, Д. К. Дьяченко, Е. В. Полякова, А. О. Смирнова, П. А. Шашонков. СПб. : ООО «Скифия-принт», 2022. С. 223–227.

История России XX — нач. XXI века: учеб. для 11 класса общеобразоват. учреждений / Н. В. Загладин, С. И. Козленко, С. Т. Минаков, Ю. А. Петров. М. : ООО ТИД «Русское слово — РС», 2007.

История России, 1945–2008 гг. 11 класс : учеб. для учащихся общеобразоват. учреждений / под ред А. А. Данилова. М. : Просвещение, 2009.

История России, XX — начало XXI века. 9 кл. : учебник для общеобразоват. учреждений / О. В. Волобуев, В. В. Журавлев, А. П. Ненароков, А. Т. Степанищев. М. : Дрофа, 2010.

История России, XX век: учеб. кн. для 9 кл. общеобразоват. учреждений / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. М. : Просвещение, 1995.

История России. 10 класс : учеб. для общеобразоват. организаций: в 3 ч. Ч. 3 / М. М. Горинов, А. А. Данилов, М. Ю. Моруков, А. В. Торкунов. М. : Просвещение, 2016.

Как в России отреагировали на смерть Горбачева // РБК. 31.08.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/08/2022/630ef6029a79472c6f86cc97> (дата обращения: 24.12.2024).

Левада-центр: Непересмотренная перестройка. Пресс-выпуск 23.04.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/23/perezsmotrennaya-perestrojka/> (признан в РФ иностранным агентом) (дата обращения: 24.12.2024).

Левада-центр: Перестройка: больше пользы или вреда?.. Пресс-выпуск 21.04.2005. URL: <https://www.levada.ru/2005/04/21/perestrojka-bolshe-polzy-ili-vreda/> (признан в РФ иностранным агентом) (дата обращения: 24.12.2024).

Левада-центр: Эпоха Брежнева и перестройка Горбачева. Пресс-выпуск 27.01.2010. URL: <https://www.levada.ru/2010/01/27/epocha-brezhneva-i-perestrojka-gorbacheva/> (признан в РФ иностранным агентом) (дата обращения: 24.12.2024).

Левандовский А. А. История России, XX — начало XXI века. 11 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений. Базовый уровень. М. : Просвещение, 2013.

Малинова О. Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов // Полис. Политические исследования. 2018б. № 2. С. 37–56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04>

Малинова О. Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018а. № 3. С. 45–69.

Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России, 1945 год — начало XXI века. 11-й класс: учеб. Базовый уровень. М. : Просвещение, 2023.

Миллер А. И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М. : Новое лит. обозрение, 2012. С. 328–368.

Миллер А. И. Политика памяти в России: роль экспертных сообществ // Символическая политика. Политические функции мифов : сб. науч. тр. Вып. 3. М. : ИНИОН РАН, 2015. С. 210–236.

Овчинников А. В. Национализм: кто виноват и что делать (взгляд из Татарстана)? // Власть. 2011. № 7. С. 22–27.

От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян. М. : ВЦИОМ, 2007.

Путин В. Распад СССР — крупнейшая геополитическая катастрофа века. 2005. URL: <https://regnum.ru/news/444083> (дата обращения: 24.12.2024).

Реут О. Ч., Тетеревлева Т. П. Репрезентации перестройки в протестном дискурсе российского сегмента Интернета // Символическая политика : сб. науч. тр. / под ред. О. Ю. Малиновой. Вып. 2. Споры о прошлом как проектирование будущего. М. : ИНИОН РАН, 2014. С. 146–163.

Садовски Я. Перестройка: эскиз к портрету эпохи в социальной памяти россиян // Slavia Orientalis. 2019. № 1. С. 101–121. DOI 10.24425/slo.2019.126549

Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. URL: <http://vivovoco.ibmhmksk.su/VV/JOURNAL/NEWHIST/НМЕМ.НТМ> (дата обращения: 24.12.2024).

Фом-мем: историческая память о становлении новой России. М. : ФОМ, 2010.

Шумкова Н. В., Федякшина К. В. Эпоха перестройки в исторической памяти современной молодежи (на примере молодежи г. Саранска) // Проблемы методологии и методики мониторинга социально-экономического развития регионов Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием, посв. 15-летию ГКУ РМ «НСЦЭМ». Саранск : Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», 2017. С. 213–217.

References

- Beklyamishev, V. O. (2017). “Nazad v budushcheye”: obrazy modernizatsionnykh reform v kollektivnoy pamyati rossiyan [“Back to the Future”: Images of Modernization Reforms in the Collective Memory of Russians]. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*, 2, 95–102.
- Bubnov, A. YU., Savel'yeva, M. A. (2022). Analiz smyslovy struktury rossiyskikh mediadiskussiy o lichnosti M. S. Gorbacheva kak odnog iz markerov pamyati o raspade SSSR (po materialam onlayn-platform TELEGRAM i YOUTUBE) [Analysis of the Semantic Structure of Russian Media Discussions about the Personality of M. S. Gorbachev as One of the Markers of Memory of the Collapse of the USSR (Based on Materials from the Online Platforms TELEGRAM and YOUTUBE)]. *Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik kak istoriko-kul'turnyy fenomen: natsional'no-gosudarstvennoye stroitel'stvo. Doklady 4-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu obrazovaniya SSSR (Rossiya, Moskva, 20 dekabrya 2022 g.)*, 191–196. M.: Moskovskiy Politekh.
- Danilov, A. A., Kosulina, L. G. (1995). *Istoriya Rossii. XX vek: Ucheb. kn. Dlya 9 kl. obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [History of Russia. XX century: Textbook for 9th grade comprehensive schools]. M.: Prosveshcheniye.
- Dmitrenko, V. P., Yesakov, V. D., Shestakov, V. A. (2002). *Istoriya Otechestva XX vek. 11 kl.: posobiye dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [History of the Fatherland XX century. 11th grade: manual for comprehensive educational institutions]. M.: Drofa.
- Dolutskiy, I. I. (1996). *Otechestvennaya istoriya. XX vek. Uchebnik dlya 10–11 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Russian history. 20th century. Textbook for grades 10–11 of comprehensive educational institutions]. Chast' II. M.: Mnemozina.
- Fom-mem: istoricheskaya pamyat' o stanovlenii novoy Rossii* [Fom-mem: historical memory about the formation of the new Russia]. M.: FOM, 2010.
- Istoricheskaya pamyat' o Perestroyke: uchitelya-sovremenniki i glubinnoye interv'yu / Ye. R. Zabuga, A. N. Zubova, I. D. Kravchuk, Ye. V. Osipov, I. K. Shimin (2022) [Historical Memory of Perestroika: Contemporary Teachers and In-Depth Interviews]. *Veter perestroyki. 2021. Sbornik materialov pervoy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Redkollegiya: A. D. Matlin (otv. red.), A. A. Goldovskiy, D. K. D'yachenko, Ye. V. Polyakova, A. O. Smirnova, P. A. Shashonkov. 223–227. Sankt-Peterburg: OOO “Skifiya-print”.
- Istoriya Rossii (2009). *Istoriya Rossii, 1945–2008 gg. 11 klass: ucheb. dlya uchashchikhsya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [History of Russia, 1945–2008. 11th grade: textbook for students of general educational institutions] / pod red A. A. Danilova. M.: Prosveshcheniye.
- Istoriya Rossii XX — nach. XXI veka: uchebnik dlya 11 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* / N. V. Zagladin, S. I. Kozlenko, S. T. Minakov, Y. A. Petrov (2007) [History of Russia in the 20th — early 21st centuries: textbook for the 11th grade of general educational institutions]. M.: OOO TID “Russkoye slovo — RS”.
- Istoriya Rossii. XX — nachalo XXI veka. 9 kl.: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* (2010) [History of Russia. XX — early XXI century. 9th grade: textbook for comprehensive schools] / O. V. Volobuyev, V. V. Zhuravlev, A. P. Nenarokov, A. T. Stepanishchev. M.: Drofa.
- Izmozik, V. S., Rudnik, S. N. (2013). *Istoriya Rossii: 11 klass: uchebnik dlya uchashchikhsya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [History of Russia: 11th grade: textbook for students of general educational institutions]. M.: Ventana-Graf.
- Kak v Rossii otreagirovali na smert' Gorbacheva [How Russia reacted to Gorbachev's death]. *RBK*. 31.08.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/08/2022/630ef6029a79472c6f86cc97> (data obrashcheniya: 24.12.2024).
- Levada-tsentr (2005). Levada-tsentr: *Perestroyka: bol'she pol'zy ili vreda...? Press-vypusk* [Perestroika: More Benefit or Harm...?]. 21.04.2005. URL: <https://www.levada.ru/2005/04/21/perestroyka-bolshe-polzy-ili-vreda/> (priznan v RF inostrannym agentom) (accessed: 24.12.2024).
- Levada-tsentr (2010). Levada-tsentr: *Epokha Brezhneva i perestroyka Gorbacheva. Press-vypusk* [The Brezhnev Era and Gorbachev's Perestroika. Press release]. 27.01.2010. URL: <https://www.levada.ru/2010/01/27/epokha-brezhneva-i-perestroyka-gorbacheva/> (priznan v RF inostrannym agentom) (accessed: 24.12.2024).
- Levada-tsentr (2019). Levada-tsentr: *Neperesmotrennaya perestroyka. Press-vypusk* [The Unrevised Perestroika. Press release]. 23.04.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/23/neperesmotrennaya-perestroyka/> (priznan v RF inostrannym agentom) (accessed: 24.12.2024).
- Levandovskiy, A. A. (2013). *Istoriya Rossii, XX — nachalo XXI veka. 11 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy: bazovyy uroven'* [History of Russia, XX — early XXI century. 11th grade: textbook for comprehensive schools: basic level]. M.: Prosveshcheniye.
- Malinova, O. Y. (2018a). Obosnovaniye politiki 2000-kh godov v diskurse V. V. Putina i formirovaniye mifa o “likhikh devyanostykh” [Justification of the policy of the 2000s in the discourse of V. V. Putin and the formation of the myth of the “dashing nineties”]. *Politicheskaya nauka*, 3, 45–69.
- Malinova, O. Y. (2018b). Kommemoratsiya stoletiya revolyutsii(y) 1917 goda v RF: sravnitel'nyy analiz sopernichayushchikh narrativov [Commemoration of the centenary of the 1917 revolution(s) in the Russian Federation: a comparative analysis of competing narratives]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2, 37–56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04>
- Medinskiy, V. R., Torkunov, A. V. (2023). *Istoriya. Istoriya Rossii 1945 god — nachalo XXI veka: 11-y klass: bazovyy uroven': uchebnik* [History. History of Russia 1945 — early 21st century: 11th grade: basic level: textbook]. Moskva: Prosveshcheniye.
- Miller, A. I. (2012). Istoricheskaya politika v Rossii: novyy povorot? [Historical policy in Russia: a new turn?]. *Istoricheskaya politika v XXI veke* / pod red. A. Millera, M. Lipmana. M.: Novoye literaturnoye obozreniye. 328–368.
- Miller, A. I. (2015). Politika pamyati v Rossii: rol' ekspertnykh soobshchestv [The Politics of memory in Russia: the role of expert communities]. In *Simvolicheskaya politika. Politicheskiye funktsii mifov. Sb. nauch. tr. Vyp. 3*. 210–236. M.: INION RAN.
- Ot Yel'tsina do Putina: tri epokhi v istoricheskom soznanii rossiyan* [From Yeltsin to Putin: Three Eras in the Historical Consciousness of Russians] (2007). M.: VTSIOM.

Ovchinnikov, A. V. (2011). Natsionalizm: kto vinovat i chto delat'? (vzglyad iz Tatarstana) [Nationalism: Who is to Blame and What to Do? (A View from Tatarstan)]. *Vlast'*. 7, 22–27.

Putin, V. (2005). “*Raspad SSSR — krupneyshaya geopoliticheskaya katastrofa veka*” [“The Collapse of the USSR — the Biggest Geopolitical Catastrophe of the Century”]. URL: <https://regnum.ru/news/444083> (accessed: 24.12.2024)

Reut, O. C., Teterevleva, T. P. (2014). Rerezentatsii perestroiki v protestnom diskurse rossiyskogo segmenta Interneta [Representations of Perestroika in the Protest Discourse of the Russian Segment of the Internet]. In *Simvolicheskaya politika: Sb. nauch.tr.* / pod red. Malinova O.YU. Vyp. 2. Spory o proshlom kak proyektirovaniye budushchego. 146–163. M.: INION RAN.

Sadovski, Y. (2019). Perestroika: eskiz k portretu epokhi v sotsial'noy pamyati rossiyan [A Sketch for a Portrait of an Era in the Social Memory of Russians]. *Slavia Orientalis*, 1, 101–121. DOI 10.24425/slo.2019.126549

Shumkova, N. V., Fedyakshina, K. V. (2017). Epokha perestsroyki v istoricheskoy pamyati sovremennoy molodezhi (na primere molodezhi g. Saranska). In *Problemy metodologii i metodiki monitoringa sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossiyskoy Federatsii. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy 15-letiyu GKURM “NSTSEM”*, 213–217. Saransk: Gosudarstvennoye kazennoye uchrezhdeniye Respubliki Mordoviya “Nauchnyy tsentr sotsial'no-ekonomicheskogo monitoringa”.

Torkunov, A. V. (red.) (2016). *Istoriya Rossii. 10 klass. Ucheb. dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy. V 3 ch. CH. 3* [History of Russia. Grade 10. Textbook for comprehensive schools. In 3 parts. Part 3] / M. M. Gorinov, A. A. Danilov, M. Yu. Morukov. M.: Prosveshcheniye.

Toshchenko, Z. T. (2000). Istoricheskoye soznaniye i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennogo sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 4. URL: <http://vivovoco.ibmhmsk.su/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (accessed: 24.12.2024).

VTSIOM: *Mikhail Gorbachev: epitaftya* [Mikhail Gorbachev: Epitaph]. 31.08.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mikhail-gorbachev-ehpitaftija> (data obrashcheniya: 24.12.2024).

Zagladin, N. V., Petrov, Y. A. (2014). *Istoriya. Konets XIX–nachalo XXI veka: uchebnyk dlya 11 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy. Bazovyy uroven'* [The end of the 19th–beginning of the 21st century: a textbook for grade 11 in general education institutions. Basic level]. M.: OOO “Russkoye slovo”.

Сведения об авторе

Линченко Андрей Александрович — кандидат философских наук, научный сотрудник Финансового университета при Правительстве РФ, доцент Липецкого государственного технического университета, Липецк, Россия

Information about the author

Andrey A. Linchenko — Cand. Sci. (Philosophy) — Scientific Researcher at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Associate Professor at Lipetsk state technical university, Lipetsk, Russia

Статья поступила в редакцию 15.12.2024;
одобрена после рецензирования 25.12.2024;
принята к публикации 25.12.2024

The article was submitted 15.12.2024;
approved after reviewing 25.12.2024;
accepted for publication 25.12.2024

Научная статья

УДК 908(470) + 030(470.5) + 341.322.6

doi 10.15826/tetm.2024.2.069

Энциклопедия перелома: Уральская советская энциклопедия как отражение эпохи краеведения в СССР

Александр Анатольевич Чернышев

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

a.a.chernyshev@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5904-8936>

Аннотация. В ходе исследования об издании региональных советских энциклопедий в 1920–1930-х гг. было выявлено, что их судьба осталась незавершенной в результате разгрома краеведческого движения по всей стране в этот период. На основе архивных документов была рассмотрена история подготовки и издания Уральской советской энциклопедии, публикация которой была прекращена после выхода в свет первого тома. Особое внимание было уделено деструктивной роли цензуры в региональном книгоиздании, которая наиболее ярко продемонстрировала несовместимость советской партийной идеологии и изучения конкретной локальной истории. Особое внимание уделяется обстановке в стране с середины 1930-х, ожесточенной борьбе с инакомыслием, поиску врагов народа и цензуре в книгоиздании региона. Этот случай показывает, что советская партийная идеология и научное исследование не всегда могут сосуществовать и что поиск правды может стать сложной задачей в условиях политической репрессии.

Ключевые слова: региональная энциклопедия, СССР, краеведение, советская энциклопедия, бытовой энциклопедизм, репрессии, Уральская советская энциклопедия

Для цитирования: Чернышев А. А. Энциклопедия перелома: Уральская советская энциклопедия как отражение эпохи краеведения в СССР // *Tempus et Memoria*. 2024. Т. 5, № 2. С. 53–59. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.2.069>

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00754, <https://rscf.ru/project/23-28-00754/>

Original article

Encyclopedia of the Turning Point: The Ural Soviet Encyclopedia as a Reflection of the Era of Local Lore in the USSR

A. Alexander Chernyshev

Tyumen State University, Tyumen, Russia

a.a.chernyshev@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5904-8936>

Abstract. During the study of the publication of regional Soviet encyclopedias of the 1920s and 1930s, it was revealed that their fate remained incomplete as a result of the defeat of the local history movement throughout

© Чернышев А. А., 2024

the country during this period. Based on archival documents, the history of the preparation and publication of the Ural Soviet Encyclopedia was reviewed, the publication of which was discontinued after the publication of the first volume. Special attention was paid to the destructive role of censorship in regional book publishing, which most vividly demonstrated the incompatibility of Soviet party ideology and the study of specific local history. Special attention is paid to the role of the situation in the country since the mid-1930s, the fierce struggle against dissent, the search for enemies of the people and censorship in the book publishing of the region. This case shows that Soviet party ideology and scientific research cannot always coexist, and that the search for truth can become a difficult task in conditions of political repression.

Keywords: regional encyclopedia, USSR, local history, Soviet encyclopedia, household encyclopedism, repression

For citation: Chernyshev, A. A. (2024). Entsiklopediya pereloma: Ural'skaya sovetskaya entsiklopediya kak otrazhenie epokhi kraevedeniya v USSR [Encyclopedia of the Turning Point: The Ural Soviet Encyclopedia as a Reflection of the Era of Local Lore in the USSR]. *Tempus et Memoria*, 5, 2. 53–59. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.2.069>

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation grant № 23-28-00754, <https://rscf.ru/project/23-28-00754/>

В современном гуманитарном знании все большее значение приобретает вопрос о сохранении исторической памяти. Одним из ключевых источников информации являются энциклопедические издания, публиковавшиеся в разные исторические периоды. Авторами статей в энциклопедиях часто выступали известные ученые, способные доступно объяснить даже самые сложные концепции понятным языком. Цель статьи заключается в анализе и исследовании Уральской советской энциклопедии как значимого источника для изучения истории краеведения в СССР, а также ее роли в сохранении культурного наследия и отражении социально-политических процессов того времени.

Историографическая литература, посвященная истории региональных энциклопедий, не очень обширна. В основном авторы затрагивали такие темы, как причины появления региональных энциклопедий, содержание статей и работа авторского коллектива над этими энциклопедиями [Елькович, 64; Елькович, Гришанин, 5; Басов, 30–35; Лившиц, 36–50; Коптелов, Окладников, Соскин, 181–185; Павлова, 41–53; Скипина, 61–66; Ефремова, 151–166].

В 90-е гг. XX в. значительно возросла активность в изучении энциклопедистики. Обращают на себя внимание статьи в научных сборниках и тезисы выступлений на научных конференциях, в которых, помимо анализа истории создания энциклопедий, рассматривались и их методологические основы.

Интересным представляется тот факт, что подавляющее большинство этих работ принадлежит перу региональных исследователей.

14–17 сентября 2001 г. в Туапсе прошла I Всероссийская научно-практическая конференция «Региональная энциклопедия: методология, опыт, перспективы». На ней были рассмотрены вопросы, касающиеся состояния изученности истории энциклопедической литературы в России на рубеже XIX–XX вв., истории и опыта создания региональных энциклопедий, а также формы подачи современного научного знания в энциклопедических изданиях.

В процессе работы были применены принципы историзма и объективности, а также метод комплексного анализа. Автор опирался на документы, которые хранятся в фондах Государственного архива Свердловской области (ГАСО) и Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

В конце 1920-х гг. в Советском государстве наблюдалось культурное развитие регионов. Уровень краеведческого движения в регионах в значительной степени зависит от активности издательской деятельности, направленной на изучение региона. Наличие периодического краеведческого издания способствует объединению местных специалистов и ученых. Кульминацией издательской краеведческой деятельности является создание региональной энциклопедии. Состоявшийся в Новосибирске в апреле 1926 г. пленум Совета общества

изучения Сибири выступил с инициативой о создании Сибирской советской энциклопедии. Осенью того же года Сибкрайисполком ВКП(б) принимает решение о ее издании. Редакция Большой советской энциклопедии во главе с О. Ю. Шмидтом поддержала идею создания Сибирской энциклопедии, видя в ней ценную информационную базу по региону. Инициатива создания региональной энциклопедии быстро нашла отклики в регионах Советского государства.

В сентябре 1928 г. Далькрайком ВКП(б) принимает решение о работе над Энциклопедией Дальневосточного края, назначив главным редактором В. Я. Волынского [Данилова, 48–65]. Как писали редакторы в предисловии к Дальневосточной энциклопедии, значение различных причин, влияющих на разработку и издание региональных энциклопедий, менялось в зависимости от политических и социальных обстоятельств: «За последние пять лет стало очевидно, что существуют три вида советских энциклопедий: всеобщие, отраслевые и региональные. И именно региональные энциклопедии были тесно связаны с развитием Советского Союза, которое давало возможность регионам проявлять максимум местной инициативы в строительстве социализма» [Энциклопедия Дальневосточного края].

В мае 1930 г. Уральский обком ВКП(б) принял решение о создании Уральской советской энциклопедии в семи томах. Однако вскоре стало понятно, что для создания такого объемного издания требуется много ресурсов и усилий. Несмотря на поддержку со стороны предприятий и общественности, процесс подготовки к изданию энциклопедии шел очень медленно. Основными сложностями являлись нехватка специалистов и материалов для написания статей. Поэтому для ускорения процесса создания энциклопедии было принято решение привлечь к проекту сотрудников других издательств и ученых из различных областей знания [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 38. Л. 53–54]. В августе было принято постановление бюро Уральского обкома ВКП(б), в котором рекомендовалось писать его бригадным методом, расширив авторский коллектив за счет рабочих-ударников, коммунистов и молодых научных работников [Елькович, 64]. Также были созданы специальные комиссии для отбора материалов

и проверки качества статей [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 673. Л. 25].

Политредакторами издания стали В. Н. Андроников¹ (был репрессирован в 1938 г., умер в заключении; реабилитирован в 1956 г.) и Я. Р. Елькович², задачей которых было осуществление цензуры. Предполагалось, что все поступающие статьи будут проверяться политредакторами и визироваться ими, а также будет контролироваться издательский процесс. Такой подход уже доказал свою эффективность при создании Большой советской энциклопедии [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 115. Л. 9].

Идеологическое давление на созидательный процесс стало ощущаться с первых месяцев работы. По примеру центральных органов ВКП(б) местные партийные органы стали вмешиваться в процесс руководства исторической наукой. В результате начали происходить конфликты между учеными и партийными лицами, которые пытались диктовать свои идеологические предписания.

Редакционный совет энциклопедии начал заниматься не только методологическими

¹ В 1924-м перешел на работу в Главметалл, а в 1925-м вновь вернулся на Урал, год работал в Уралплане. В ноябре 1925 г. стал первым председателем Уральского областного радиобюро, в 1926-м назначен председателем областного совнархоза, а в 1929-м — зампредом Уралоблисполкома. С весны 1931 г. был представителем Уралсовета при ВЦИК в Москве. В 1933-м назначен председателем Госплана Казахстана и заместителем председателя СНК республики. В мае 1938 г. арестован, приговорен к восьми годам исправительно-трудовых лагерей.

² Секретарь Совета рабочего контроля Барнаульского совета рабочих депутатов; член Томского ревкома 16.12.1919–01.1920; член Алтайского губкома РКП(б) 15.01.1920–09.1921. С июля по 6 августа 1921 г. — ответственный секретарь Алтайского губкома РКП(б). С июля по сентябрь 1921 г. — заместитель ответственного секретаря Алтайского губкома РКП(б). С августа по сентябрь 1921 г. — заведующий организационным отделом Алтайского губкома РКП(б). С октября 1921 г. по февраль 1924 г. — заместитель заведующего агитпроп. отделом Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), Петроград. С февраля 1924 г. по январь 1926 г. — заместитель заведующего агитпроп. отделом Ленинградского губкома РКП(б). Троцкист 1926–1928; подписал в мае 1927 г. платформу «83х»; решением Пленума ЦК ВКП(б) 23.10.1927 исключен из ВКП(б); в 12.1927 г. подал в секретариат 15-го съезда ВКП(б) заявление о разрыве с оппозицией и восстановлении в партии; в 1928 г. восстановлен в ВКП(б); отв. редактор Уральской советской энциклопедии, г. Свердловск; отв. редактор областной газеты «Колхозный путь», г. Свердловск.

вопросами, но и контролем за содержанием статей, их политической направленностью и соответствием линии партии. Это привело к тому, что многие ученые были вынуждены поддаться давлению и вносить изменения в свои работы, чтобы их публикации увидели свет.

Таким образом, конфликт между созидательным процессом и идеологическим давлением стал все более острой проблемой в работе исторической науки. Энциклопедия, которая должна была быть объективным источником знаний, оказалась подвержена цензуре и идеологическому вмешательству, что серьезно искажало ее содержание и вынуждало ученых работать в условиях политического давления.

Если обратиться к протоколам редакционных совещаний, можно увидеть, как шел процесс согласования краеведческой мысли с партийной идеологией. На первом пленуме редакционного совета Уральской советской энциклопедии, который состоялся 25 декабря 1930 г., в основном обсуждались методы составления словника и программа издания энциклопедии. Однако уже 21 января 1932 г. ответственный редактор Я. Р. Елькович заявил, что «новые политические установки, выдвинутые товарищем Сталиным, требовали пересмотра приоритетов и акцентов в содержании УСЭ» [ГАСО. Ф. 292. Оп. 1. Д. 5. Л. 29 об.]. Это заявление отражало тот период в истории советской России, когда в стране принимались политические решения и проводились политические реформы. Заказы, полученные редакцией, должны были соответствовать партийным установкам Советского государства.

Постановления Уралобкома ВКП(б) также оказали значительное влияние на деятельность редакции. Эти решения предполагали более тесное взаимодействие с партийными органами и усиление контроля над информационной деятельностью. Редакция была вынуждена перестроить свою работу с учетом новых требований и ожиданий со стороны высших партийных органов.

Таким образом, в редакции пришли к мысли о пересмотре методов работы и подходов к информационной деятельности. Необходимо было срочно адаптировать все процессы к новым политическим и идеологическим требованиям, чтобы выполнить поставленные задачи и обеспечить соответствие

энциклопедии установкам партии. Весь коллектив редакции был призван к единству и согласию для успешного выполнения поставленных задач и достижения целей.

Редакция во главе с Я. Р. Ельковичем тщательно прорабатывала все аспекты работы над изданием, чтобы соответствовать требованиям времени и партийной линии, чтобы каждая статья, каждая иллюстрация или персоналия отражали истинный облик нового государства.

Содержание многих статей, в частности посвященных истории населенных пунктов, характеризуется высокой степенью идеологизированности. В качестве примера можно привести статью «Березов, село» первого тома, в которой населенный пункт представлен как «один из форпостов, использовавшихся московскими колонизаторами для дальнейшего порабощения остяков и вогулов» [Березов, село, 334].

В статье «Академия наук и ее деятельность», написанной А. Шмидтом, утверждается, что «стремление помещиков и купечества к колонизации Сибири и Дальнего Востока стало причиной участия Академии наук в Великой Северной экспедиции (1733–1743)» [Шмидт]. В статье указываются экономические и социальные интересы, которые стояли за колонизацией. Здесь истоки колонизации рассматриваются через призму экономических благ; функции Академии наук в данном контексте становятся не только научной миссией, но и средством удовлетворения интересов определенных классов. В статье «Архитектура» помимо текста представлено множество изображений памятников советского периода, однако отсутствуют изображения церквей.

На наш взгляд, выбор исторического материала основывался на традиционных взглядах того времени. Это выражалось в замалчивании или осторожной оценке положительного опыта дореволюционной России. Содержание многих статей энциклопедии, особенно тех, что касаются истории населенных пунктов, было очень идеологизированным. Это приводило к тому, что многие факты и события представлялись в выгодном свете для правящего режима, а альтернативные точки зрения замалчивались или искажались. В результате многие читатели получали искаженное представление о прошлом своей страны и мире в целом.

Вероятно, именно этим можно объяснить появление таких статей, как «Вредители сельского хозяйства» и «Вредительство» под авторством Н. А. Бубнова, в которых дается определение вредительства как одной из форм классовой борьбы и сопротивления буржуазных элементов социалистическому строительству; а также «Борьба с бюрократизмом»; «Бойкот Государственной думы на Урале». В целом анализ энциклопедической литературы позволяет выделить следующие ключевые аспекты: рассмотрение проблем с политико-идеологической точки зрения и тесная взаимосвязь региональных процессов с общенациональными, при которой региональные процессы рассматриваются как результат процессов, происходящих в столице.

Тем не менее, несмотря на политическую направленность, многие статьи содержат ценную информацию. Например, статья «Библиография» отсылает читателя к статье «Краеведение», но из-за технических причин не была опубликована. Статья «Административное деление Урала» помимо ценных сведений содержит историческую карту административного деления Урала. Однако стоит обратить внимание на то, что при составлении библиографии многие работы дореволюционных авторов не были включены в список источников и литературы.

В начале 1930-х гг. в стране проводились политические репрессии, а в исторической науке была утверждена единая советская теория. Все это не могло не затронуть редакционный состав энциклопедии. 21 января 1932 г. Я. Р. Елькович поставил вопрос о тщательном подборе авторов «в смысле полного обеспечения партийности марксистско-ленинской методологии в освещении всех вопросов» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 673. Л. 25].

Сотрудники редакции и авторы статей приглашались с учетом новых идеологических установок. Из состава редакционного совета были исключены профессор Павел Степанович Богословский³, Прокопий Тимофеевич Зубарев⁴,

Николай Наумович Эльвов⁵, Константин Всеволодович Гребенев (Гребнев)⁶ и Анатолий Сергеевич Соколов⁷. «Тов. Зубарев, как все вы знаете из газет, выведен из состава бюро обкома ВКП(б) и снят с работы секретаря обкома за то, что за спиной последнего и вопреки его директивам он поддерживал буржуазные, антизаготовительные оппортунистические тенденции в отдельных совхозах и в отдельных звеньях некоторых хозяйственных организаций. Тов. Зубарев выведен из состава редсовета УСЭ; Эльвов, Гребнев и Соколов исключены из партии как троцкистские контрабандисты и выведены из состава редсовета. Проф. Богословский подвизался на страницах Пермских научных изданий с явно антисоветскими статьями. Все вышеуказанные изменения в составе редсовета получили уже соответствующее утверждение» [ГАСО. Ф. 292. Оп. 1. Д. 5. Л. 29 об.].

В 1933 г. был выпущен первый том Уральской советской энциклопедии тиражом 30 500 экземпляров. В него вошли 840 статей, начиная с буквы «А» (220 статей), «Б» (322 статьи) и «В» (298 статей); 162 статьи были дополнены библиографической литературой.

В новый состав редакционного совета вошли востоковед-историк Н. Я. Марр, В. Н. Бирн (19 декабря 1938 г. арестован, расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1956 г.), А. Я. Гольшев (в мае 1937 г. арестован по обвинению в терроризме и антисоветской деятельности, расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1956 г.), академик АН СССР А. Е. Ферсман, профессор Р. Л. Самойлович (в июле 1938 г. был арестован, в марте 1939-го — расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1957 г.),

³ Один из авторов четырехтомной истории ВКП(б) под ред. Е. М. Ярославского. В 1931–1932 гг. обвинялся в «контрабанде троцкизма», исключен из ВКП(б). Возглавлял коллектив ученых, готовивших к изданию «Материалы и документы по истории Татарской АССР с древнейших времен до реформы 1861 г.», вышедшему в 1937 г. без фамилий редактора и составителя. 15 сентября 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

⁴ Работал научным сотрудником в научно-методическом институте облоно. Арестован 27 августа 1935 г., осужден 1 апреля 1937 г.

⁵ В 1930–1932 гг. — зав. научно-методическим сектором Уральского отдела народного образования. Первый директор Свердловского университета. В 1933 г. при чистке исключен из партии. Арестован 22 февраля 1936 г. Приговорен 2 октября 1936 г. к высшей мере наказания. Реабилитирован 6 июня 1956 г.

³ Работал в Пермском пединституте завкафедрой русской литературы до 1932 г.

⁴ В 1929–1930 гг. — председатель исполкома Уральского областного Совета, также второй секретарь Уральского обкома ВКП(б). Расстрелян 15 марта 1938 г.

профессор П. И. Преображенский, профессор И. Я. Постовский, С. С. Штейнберг и др.

Ответственный редактор Я. Р. Елькович в своем обращении к читателям обозначил цель этого издания — устранить «вредный и ненужный параллелизм и дублирование» в энциклопедиях, издаваемых в других регионах СССР, и при этом сохранить высокий теоретический уровень издания [От редакции, 3].

В 1935 г. Я. Р. Елькович был уволен с должности ответственного редактора Уральской советской энциклопедии решением президиума и приговорен к 5 годам тюрьмы. Позже был включен в сталинский расстрельный список от 27 февраля 1937 г., но избежал казни, его приговорили к 15 годам лишения свободы. В 1957 г. он был реабилитирован. В книге А. Литвина «Без права на мысль» приводятся следующие данные: «Был обвинен в приверженности троцкизму, в принадлежности к контрреволюционной троцкистской организации, по заданию которой проводил антисоветскую деятельность». Приговорен к 15 годам лагерей. Во время реабилитационной проверки в 1956–1957 гг. выяснилось, что хотя Я. Р. Елькович «троцкистом» не был, но была доказана его виновность «в провокаторской деятельности как секретного агента органов НКВД, в фальсификации протоколов допросов арестованных, в даче ложных показаний на целый ряд партийно-советских работников, неосновательно репрессированных органами НКВД». Я. Р. Елькович был единственным из свердловских знакомых Н. Эльвова, кто назвал его «участником антипартийной группы». В 1936 г., будучи

арестованным, Я. Р. Елькович стал камерным агентом НКВД и совместно с сотрудником органов А. Строминным «составлял фальсифицированные протоколы допросов и давал вымышленные показания» на 140 человек, в том числе на В. К. Блюхера, Б. Куна, И. Б. Лapidуса и др., за что получил более 16 тыс. руб. [Литвин].

Работа над следующими томами продолжалась еще три года. В 1935 г. был сдан в набор второй том Уральской советской энциклопедии [ГАСО. Ф. 292. Оп. 1. Д. 34. Л. 8]. В феврале 1936 г. Президиум Свердловского областного исполнительного комитета под № 3446 принял решение о ликвидации издательства «Уральская советская энциклопедия» и прекращении выпуска энциклопедии.

В конце 1930-х гг. в Советском Союзе активно создавались региональные энциклопедии. Однако эта деятельность была прекращена, что свидетельствует о конфликте между стремлением государства контролировать историческую память и желанием сохранить ее в печатном виде.

В стране начались политические чистки, установился культ личности, в исторической науке была принята единая концепция. Все это существенно ограничило возможности в выборе материала для написания статей в энциклопедии. Многие авторские коллективы были обвинены в «областническом национализме» и подверглись репрессиям. В результате Уральская энциклопедия разделила судьбу Сибирской советской энциклопедии: она не была завершена, а ее авторы частично подверглись репрессиям.

Список источников

- Бакунин А. В., Плотников И. Е. Уральская область // Урал. ист. энцикл. / УрО РАН, Ин-т истории и археологии ; гл. ред. В. В. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург : Академкнига, 2000.
- Басов М. Сибирская энциклопедия // Наши достижения. 1930. № 5. С. 30–35.
- Березов, село // Урал. сов. энцикл. / ред. совет: В. Н. Андроников, И. Г. Бирн, В. Ф. Головин и др. ; отв. ред. Я. Р. Елькович. Свердловск ; М. : б. и., 1931–1933. С. 334.
- Данилова Л. Ю. Из истории названия энциклопедии Дальневосточного края // Вестн. ДВНГБ. 2000. № 4. С. 48–65.
- Елькович Я., Гришанин В. Уральская советская энциклопедия // Урал. рабочий. 1930. 17 июля. С. 5.
- Елькович Я. Р. К выходу Уральской советской энциклопедии // Урал. коммунист. 1931. № 16. С. 64.
- Коптелов А., Окладников А., Соскин В. Еще раз о Сибирской советской энциклопедии // Сиб. огни. 1972. № 5. С. 181–185.
- Ефремова Е. Н. Прерванный полет: несостоявшиеся издания региональных советских энциклопедий 1920–1930-х гг. // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 151–166.
- Лившиц С. Г. Первая Советская краевая энциклопедия // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. Новосибирск, 1969. С. 36–50.
- Литвин А. Л. Без права на мысль (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань: Тат. кн. изд-во, 1994. 191 с.

От редакции // Урал. сов. энцикл. С. 3.

Павлова И. В. Из истории создания ССЭ // Книжное дело в Сибири и Дальнего Востока в годы строительства социализма. Новосибирск, 1983. С. 41–53.

Скипина И. В. Под именем «С. В.»: исчезновение фамилии в авторских статьях С. В. Бахрушина в Сибирской советской энциклопедии // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6 (86). С. 61–66.

Шмидт А. Академия наук и ее работа // Урал. сов. энцикл. С. 82–87.

Энциклопедия Дальневосточного края. Проспект. Словник [Текст] / гл. ред. В. Я. Волынский. Хабаровск : Дальневосточ. краевое изд-во «Книжное дело», 1930. С. V.

References

Bakunin, A. V., Plotnikov I. E. (2000). Ural'skaya oblast' [Ural Oblast]. *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya* / UrO RAN, In-t istorii i arkhologii; gl. red. V. V. Alekseev. 2-e izd., pererab. i dop. Ekaterinburg: Akademkniga.

Basov, M. (1930). Sibirskaya entsiklopediya [Siberian Encyclopedia]. *Nashi dostizheniya*, 5, 30–35.

Berezov, selo. *Ural'skaya sovetskaya entsiklopediya* [Ural Soviet Encyclopedia] / red. Sovet: V. N. Andronikov, I. G. Birn, V. F. Golovin i dr.; otv. red. Ya. R. El'kovich. Sverdlovsk; Moskva: B. i., 1931–1933, s. 334.

Danilova, L. Yu. (2000). Iz istorii nazvaniya entsiklopedii Dal'nevostochnogo kraja [From the history of the name of the encyclopedia of the Far Eastern Territory]. *Vestnik DVNGB*, 4, 48–65.

Efremova, E. N. (2014). Aborted flight: failed editions of regional Soviet encyclopedias of the 1920s–1930s [Interrupted flight: failed editions of regional Soviet encyclopedias of 1920–1930s]. *Quaestio Rossica*, 2, 151–166.

El'kovich, Ya., Grishanin, V. (1930). Ural'skaya sovetskaya entsiklopediya [Ural Soviet Encyclopedia]. *Ural'skii rabochii*, 17 iyulya, 5.

El'kovich, Ya. R. (1931). K vykhodu “Ural'skoi sovetskoj entsiklopedii” [Toward the release of the “Ural Soviet Encyclopedia”]. *Ural'skii communist*, 16, 64.

Entsiklopediya Dal'nevostochnogo kraja: Prospekt. Slovník (1930) [Encyclopedia of the Far Eastern Territory: Prospect. Slovník]. Khabarovsk: Dal'nevost. krayevoye izd-vo “Knizhnoye delo”, 5.

Koptelov, A. Okladnikov, A., Soskin, V. (1972). Eshche raz o Sibirskoi sovetskoj entsiklopedii [Once again about the Siberian Soviet Encyclopedia]. *Sibirskie ogni*, 5, 181–185.

Litvin, A. L. (1994). *Bez prava na mysl' (Istoriki v epokhu Bol'shogo terrora. Ocherki sudeb)* [Without the Right to Think (Historians in the Era of the Great Terror. Sketches of Fates)]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 191 p.

Livshits, S. G. (1969). Pervaya Sovetskaya kraevaya entsiklopediya [The First Soviet Regional Encyclopedia]. *Iz istorii knigi, bibliotchnogo dela i bibliografii v Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 36–50.

Ot redaktsii (1931–1933) [From the Editorial Board]. *Ural'skaya sovetskaya entsiklopediya* / Red. sovet: V. N. Andronikov, I. G. Birn, V. F. Golovin i dr.; Otv. red. Ya. R. El'kovich. Sverdlovsk; Moskva: B. i., 3.

Pavlova, I. V. (1983). Iz istorii sozdaniya SSE [From the history of the creation of the SSE]. *Knizhnoye delo v Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody stroitel'stva sotsializma*. Novosibirsk: GPSTB, 41–53.

Skipina, I. V. (2021). Pod imenem “S. V.”: ischeznoenie familii v avtorskikh stat'yakh S.V. Bakhrushina v “Sibirskoi sovetskoj entsiklopedii” [Under the name “S.V.”: the disappearance of the surname in the author's articles by S. V. Bakhrushin in “Siberian Soviet Encyclopedia”]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 6(86), 61–66.

Сведения об авторе

Чернышев Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия

Information about the author

A. Alexander Chernyshev — Candidate Sci. (Historical Sciences), Associate Professor of the Department of History, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Статья поступила в редакцию 15.10.2024;
одобрена после рецензирования 30.10.2024;
принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 15.10.2024;
approved after reviewing 30.10.2024;
accepted for publication 15.11.2024

Научная статья
УДК 94(470) + 323.22 + 908:94 + 321.01
doi 10.15826/tetm.2024.2.070

Концепт великодержавия на службе возрожденного казачества

Александр Андреевич Каменцев

*Ассоциированный научный сотрудник Центра изучения культурной памяти
и символической политики при Европейском университете в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия*
akamentsev@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6310-6488>

Аннотация. Для большей части современных казаков идея великодержавности является центральной для их самоидентификации, выстраиваясь в схему: возрождение казачества способствует возрождению России как великой державы, потерявшей этот статус в результате распада СССР. Значительная часть неоказаков с начала 1990-х определяли свою суть через идею служения Отечеству, которое по умолчанию должно быть великим, подразумевая военно-политическую мощь. В то же время часть казачьих националистов отрицательно относились к обязательному привлечению их к госслужбе, выступая только за этнокультурное возрождение с возможным получением автономии и критикуя имперские великодержавные устремления другой части казачества. Однако именно модель государственного патриотизма оказалась наиболее устойчивой, поддержанной властью и доминирующей в публичном дискурсе.

Ключевые слова: возрождение казачества, великодержавие, коллективная память, геноцид казаков, политика памяти, виктимный нарратив, героический нарратив

Для цитирования: Каменцев А. А. Концепт великодержавия на службе возрожденного казачества // *Tempus et Memoria*. 2024. Т. 5, № 2. С. 60–69. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.2.070>

Благодарности: статья подготовлена в рамках темы НИР «Ценности суверенитета, великой державы и империи как составляющие российской идентичности и ресурс социально-политического развития», реализуемой в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Original article

The Concept of Great Power at the Service of the Revived Cossacks

Aleksandr A. Kamentsev

Associate Researcher at the Center for the Study of Cultural Memory
and Symbolic Politics at the European University in St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia
akamentsev@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6310-6488>

Abstract. The idea of great power is central for the self-identification of the contemporary Cossacks' majority, building up a scheme: the revival of the Cossacks contributes to the revival of Russia as a great power, which lost this status as a result of the collapse of the USSR. A significant part of neo-Cossacks since the early 1990s have defined their essence through the idea of serving the Fatherland, which by default should be great, implying military and political power. At the same time, a part of Cossack nationalists had a negative attitude to the mandatory involvement of the Cossacks in state service, promoting only ethno-cultural revival with possible local autonomy and criticizing the imperial great-power aspirations of the other part of the Cossacks. However, it was the model of state patriotism that proved to be the most stable, supported by the authorities and dominating the public discourse.

Keywords: Cossack revival, great power, collective memory, Cossack genocide, memory politics, victim narrative, heroic narrative

For citation: Kamentsev, A. A. (2024). Koncept velikoderzhavija na sluzhbe vozrozhdenogo kazachestva [The Concept of Great Power at the Service of the Revived Cossacks]. *Tempus et Memoria*, 5, 2, 60–69. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.2.070>

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the research topic “Values of sovereignty, great power and empire as components of Russian identity and a resource for socio-political development”, realized at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences according to the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

Инструментализация виктимного и героического нарратива

В перестроечный период конца 1980-х гг. на юге РСФСР возникло движение за возрождение казачества, которое окончательно после Второй мировой войны было упразднено советской властью как социальная общность. Вскоре так называемое возрождение распространилось на всю территорию страны. Казачьи активисты, которые были частью формировавшегося гражданского общества, заявили о том, что они возрождают казачество как этнокультурную общность, то есть фактически народ. Обращение к этничности было ответом на общий кризис идентичности, который сопровождал трансформацию советской системы. Один из главных идеологов возрождения, кубанский атаман и историк Владимир Громов,

объяснял важность утверждения этого статуса: «Сословие — категория преходящая. Было — отменили. Этническое — категория вечная, и упразднение означает геноцид и осуждение общественности и закона» [Интервью автора с В. П. Громовым. 08.10.2022 г.]. К 1990 г. при своеобразном участии ростовских обкомовских властей, проводивших кампанию за реабилитацию красного казачества как просоветского социального слоя и инициировавших первую публикацию циркулярного письма Оргбюро большевиков от 24.01.1919 г., известного как директива о расказачивании, был сформулирован виктимный нарратив о геноциде казаков советской властью, который активно использовался в политических целях.

26 апреля 1991 г. был принят Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», куда, благодаря апелляции к трагическому

прошлому, было включено и казачество. Оно определялось как исторически сложившаяся культурно-этническая общность людей, которая признается репрессированным народом [Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 120]. Власть избегала однозначной формулировки, что казаки — это народ, идя на тактические уступки активистам. В 1992 г. был издан Указ Президента РФ «О мерах по реализации Закона РФ “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества» [<http://kremlin.ru/acts/bank/1520>], а также Постановление Верховного Совета РФ «О реабилитации казачества» [ГАКК. Л. 179–181], одним из основных авторов которого был Ю. Н. Загудаев — юрист и заместитель атамана Громова в Кубанской казачьей Раде [ГАКК. Л. 146]. В тексте постановления, на который впоследствии постоянно ссылались активисты, также была закреплена формулировка «культурно-этническая общность» и декларировались права казачества на возрождение их традиционного социально-хозяйственного уклада жизни с возвращением земельной войсковой собственности, атаманского самоуправления и военной службы. Однако в реальности эти практики начала XX в. не выполнялись, потому что обязательно должны были соответствовать настоящему законодательству РФ. Таким образом, инструментализация виктимного нарратива о расказачивании и геноциде, целью которой было признание казаков народом и получение соответствующих преференций от государства, не была успешно реализована.

Параллельно казачьи активисты для утверждения в социально-политической реальности переходного периода добивались возрождения государственной и прежде всего военной службы казаков. Для убеждения власти в целесообразности этого активисты использовали героический нарратив казачьей истории, апеллируя к традиционной роли защитников Отечества как в имперский период, так и во время Великой Отечественной войны, память о которой была наиболее свежа и значительное количество ветеранов еще были живы и участвовали в движении. Подчеркивалась героическая роль в защите Отечества кубанских и донских кавалерийских дивизий, особенно в юбилейные годы проводились масштабные

коммеморативные акции, впоследствии в 1995 и 2005 гг. кубанцы участвовали в парадах на Красной площади. Нарратив о казаке-защитнике Отечества, всегда бывшем в авангарде русского войска, становился центральным. Однако служба для лидеров движения, которые в большинстве являлись городскими интеллигентами, была не самоцелью, а ресурсом, который активисты могли предложить власти в обмен на получение государственной поддержки и льгот, с помощью которых произойдет этнокультурное возрождение.

В то же время в казачьем движении присутствовало и значительное количество бывших профессиональных военных. Например, товарищ (заместитель) атамана Союза казаков России Владимир Наумов в 1992 г. говорил так: «Казаки веками создавали Россию, защищали ее. Сегодня Россия не поднимется без казачества, а казачество — без России. Главной функцией казачества всегда была защита Отечества. Мы вплотную подошли к тому, чтобы стать государственной структурой. Для этого мы должны знать, что возрождаем. А возрождаем мы тяжелую государственную службу» [Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНОВО). Ф. 13322. Оп. 1. Д. 7. Л. 30–31]. Вопрос о том, чтобы казаки снова служили Российскому государству, являлся одним из основных направлений совместной работы активистов и власти. Во многом его стали поднимать новые члены движения, которые зачастую являлись не потомками казаков, а имели любое происхождение, но разделяли ценностные установки казачества.

Помимо местной интеллигенции в казачьи общества стали вступать работники силовых структур, пенсионеры, рабочие, руководители предприятий, иными словами — мужчины разного возраста (от юношей до пенсионеров), профессий и социального статуса. Один из первых исследователей возрождения Барбара Скиннер утверждает, что военная служба Российскому государству является важнейшей частью казачьей идентичности. Казаки сравнивали свою нынешнюю службу Российскому государству со службой царю. Более того, как подчеркнула Скиннер, историческим идеалом современных казаков является роль «защитника, а не гонителя русского народа» [Skinner], имея в виду образ казака-нагаечника. В начале

1990-х гг. казаки-добровольцы из России приняли активное участие в вооруженных конфликтах в Приднестровье и Абхазии на стороне пророссийских сепаратистов¹. В 1994–1996 гг. казаки принимали активное участие в боевых действиях на территории Чечни². С началом конфликта на Донбассе в 2014 г. пророссийскими сепаратистами в непризнанных республиках были сформированы казачьи подразделения, но в некоторых случаях они действовали самостоятельно. С 2022 г. казаки активно участвуют в составе Российской армии в Специальной военной операции на территории Украины.

С начала 1990-х в письмах-заявлениях для вступления в казачью организацию люди часто объясняли свою мотивацию так: «Прошу вас принять меня в число казаков в связи с тем, что я, русский человек, православный христианин, желаю служить родной Кубани...» [Бурмагин, 187]. В данном случае Кубань рассматривалась как составная часть общего Отечества — России. Часть казачества, будучи в те годы не государственным проектом, а гражданским активизмом, выступало за сохранение или, точнее, за восстановление идеи великодержавности. Т. В. Таболина считает, что изначальное стремление казаков объединиться во всероссийский союз объясняется именно желанием сохранить единую страну [Таболина, 149]. Однако само желание сохранить единое государство и возродить великодержавность противниками этой идеи из числа активистов интерпретировалось как принадлежность к «красным», поскольку у власти находились наследники коммунистов. Себя же они маркировали как белых, агитировали за создание на Дону (Ростовская и Волгоградская области) и Кубани (Краснодарский край) казачьих автономий по образцу либо дореволюционных казачьих войск с их местным самоуправлением, либо независимых казачьих республик 1918–1920 гг.

Если на Кубани после острой политической борьбы так называемые красные казаки атамана Громова к 1992–1993 гг. стали доминировать, то на Дону велась непрерывная

конкуренция между атаманами³. На Большом круге Союза казаков области войска Донского, прошедшем 17–18 ноября 1990 г. в Ростове-на-Дону, было принято обращение «Казачество, просыпайся!». Оно заканчивалось концептуальным призывом: «Мы стояли и стоять будем на том, что казаки служили и еще послужат Отечеству. Нам не дано иного пути. Ибо единственная наша привилегия — служить Родине и, если надо, первыми умереть за нее. Этого у нас никто не отнимет. Да процветет казачество! Да устоит в испытаниях и воссияет Россия!» [Озеров, Киблицкий, 1240]. Атаманом был избран сын писателя М. М. Шолохов, попадавший под определение «красный». Однако через год новым атаманом был избран Сергей Мещеряков, определявший себя «белым автономистом» и копировавший внешний вид создателя в 1918 г. Донской республики П. Н. Краснова. В ноябре 1991 г. он вступил в конфликт, пытаясь занять его место, с атаманом Союза казаков России А. Г. Мартыновым, которого называл «красным имперцем». Однако большинство казаков поддержало именно Мартынова, а Мещеряков оставался атаманом СКОВД до 1992 г., конфликтуя с ростовскими властями и требуя признания казачьей автономии. Однако успеха добиться у «белых» донских казаков не получилось, и в середине 1990-х местная власть перехватила инициативу.

Создание системы государственной службы казачества и ее оппоненты

К середине 1990-х в первую очередь Кубанское войско атамана Громова во взаимодействии с московским Союзом казаков во главе с А. Г. Мартыновым убеждали центральную власть в целесообразности создания системы казачьей государственной службы. 22 февраля 1995 г. в Министерстве по делам национальностей состоялась пресс-конференция по теме «Российское казачество и государственная служба». На взгляд Миннаца, которым тогда руководил бывший губернатор Краснодарского края, потомственный кубанский казак Н. Д. Егоров, потребность государства в казаках диктовалась необходимостью привлечения «этой активной части русского народа к охране пограничных рубежей государства, более активного их включения в решение

¹ Подробнее см.: [Якимов].

² В феврале 1996 г. под началом атамана Терского казачьего войска генерал-майора В. К. Шевцова на базе казаков-контрактников был сформирован 694-й отдельный мотострелковый батальон имени генерала Ермолова.

³ Подробнее см.: [Каменцев].

экономических проблем регионов России, решение важной государственной задачи — сохранение единства России» [Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 10144. Оп. 1. Д. 60. Л. 1]. Важно учитывать, что в Краснодаре Егоров активно сотрудничал с атаманом Громым, имея с ним хорошие отношения. В интервью автору Громов рассказывал, что Кубанское войско было одним из главных инициаторов и бенефициаров введения государственного реестра. Эту идею лидеры казачьего движения транслировали центральной власти. Таким образом, профильное министерство, руководимое человеком, разделявшим казачьи идеи, видело в казаках перспективу использования в интересах государства и помогало в реализации идеи о службе, за которую предполагалось получение ресурсов.

Схожую позицию Егоров высказывал и будучи председателем Совета по делам казачества при Президенте РФ. В его интерпретации казачество служило Российскому государству «испокон веков верой и правдой», что выражалось в «первой казацкой заповеди, которой напутствовали старики молодых казаков: «Люби Россию, ибо она твоя мать, и ничто в мире не заменит тебе ее»» [ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 60. Л. 41]. В своем докладе, обращенном к представителям казачьих объединений, он выстраивал государственно-исторический нарратив об исключительной роли казаков в укреплении безопасности России. Стратегия казачьих лидеров, которые взаимодействовали с региональными политическими элитами и убеждали их в целесообразности создания системы госслужбы, сработала, когда чиновники из их регионов попали на работу в правительство и Государственную думу.

В 1995 г. президент Ельцин издал указ о создании государственного реестра казачьих обществ, что ознаменовало переход к следующему этапу развития казачьего движения с тенденцией к его огосударствлению. Казачество оказалось расколото на общественные и реестровые организации. Первые в абсолютном большинстве теряли вес в своих регионах, а лидеры реестровых заняли места в администрациях своих областей и краев и были зависимы от политической воли губернаторов. В 1997 г. было создано реестровое Всевеликое войско Донское, руководить

которым были поставлены люди из областной администрации. Политолог С. М. Маркедонов отмечал, что к середине 1990-х гг. ростовская политическая элита апроприировала казачий дискурс, так как стремилась избежать конкуренции в лице лидеров казачьего движения, а вместе с тем развеять страх Центра перед угрозой «самостийничества» [Маркедонов]. Видный ростовский политик и одновременно в 1996 г. председатель комитета ГД РФ по делам Федерации и региональной политике, который был одним из авторов законопроекта «О казачестве», Л. А. Иванченко на парламентских слушаниях заявлял, что «казачество представляло и представляет не замкнутую воинскую касту или сословие, а общность людей, обладающую всеми признаками народа, сознающую себя таковым, но не требующим выделения в особое государство и стремящуюся к укреплению единой и неделимой державы, государства по имени Россия» [ГАРФ. Ф. 10144. Оп. 1. Д. 75. Л. 3]. Связка казачьей государственной службы и идеи державности превратилась в доминирующий дискурс на официальном уровне взаимодействия казаков и власти.

В 2005 г. в Новочеркасске проходил Второй Всемирный конгресс казаков⁴, в ходе которого на центральной площади Ермака около Войскового Вознесенского кафедрального собора был установлен памятник Примирения и Согласия, отсылающий к травматическому для казачества опыту Гражданской войны и разделения на красных и белых. Главным инициатором его создания был атаман реестрового Всевеликого войска Донского Виктор Водолацкий, во время открытия призвавший казаков молиться за процветание своей земли и укрепление государства. На заседании конгресса он описывал, что символизирует памятник: «Казачество искусственно разделили на красных и белых, на общественных и государственных. Я думаю, что у лидеров казачьего движения достаточно ума-разума чтобы понять: только вместе мы сможем содействовать решению задач, стоящих перед нашей Россией. Братья казаки! Мы присутствуем на историческом Круге.

⁴ О. В. Рвачева справедливо заметила, что конгрессы, которые стали проводить каждые два–три года, были инструментом влияния России на зарубежные казачьи диаспоры, а также призваны были демонстрировать единство казаков [Рвачева 2022, 394].

Общественные и «реестровые» казачьи организации объединились. Нанесен сокрушительный удар по деструктивным силам, которым была выгодна разобщенность казачьих организаций. Помните, вместе — мы сила, порознь — добыча врагов Отечества» [Бондаренко]. Водолацкий продвигал нарратив о едином казачестве, которое на службе государству укрепляет величие России.

На открытии выступил и мэр Новочеркасска (2000–2010), по совместительству с июля 2003 г. являвшийся местным атаманом, Анатолий Волков: «Два миллиона казаков погибли во время смуты и революции. Много их полегло во время коллективизации и репрессий. Памятник ставит точку во всех распрях среди русского православного народа, среди казаков. Думаю, что мы в едином порыве должны стремиться к тому, чтобы сделать наше государство самым сильным, самым могущественным. И у нас для этого все есть» [Новочеркасск.net]. Волков начал с виктимного нарратива о расказачивании, чтобы подчеркнуть, какие страдания преодолело казачество⁵. Затем он обратился к примирительному нарративу, чтобы перейти к теме государственной службы, которая в интерпретации реестровых казаков стала смыслом их существования. Концепт великодержавия и идея государственной службы, а не этническое возрождение теперь становились доминантами, вокруг которых происходила консолидация казачества. Вместе с тем продолжали существовать независимые казачьи националисты и общественные казачьи организации, чьи лидеры выступали оппозицией реестру, но не были многочисленны.

Самый заметный «общественный» атаман Николай Козицын, избранный Большим кругом Союза казаков области войска Донского в 1993 г. до введения реестра и впоследствии возглавивший международную общественную организацию «Всевеликое войско Донское» (МОО ВВД), возражал Водолацкому по поводу преодоления разногласий и объединения

казачества. Козицын, не принимавший участия в работе конгресса, уверял, что атаман Водолацкий выдает желаемое за действительное, чтобы заработать политические очки. Свою позицию Козицын объяснял следующим образом: «Я служу своему казачьему народу. Мы [общественные казаки] не зависим от властей — ни политически, ни экономически. У нас атаман не сидит между двумя стульями, рискуя оказаться чужим как для госслужбы, так и для рядовых казаков. Мы не стоим с протянутой рукой в ожидании денег из бюджета» [Бондаренко]. Атаман Козицын действительно отказывался встраиваться в существующую властную вертикаль, позиционируя себя как самостоятельного казачьего политика и генерала с собственной армией.

В 1994 г. он заключил от лица войска Донского с главой Чеченской Республики Д. Дудаевым Договор о дружбе и сотрудничестве, воспринятый многими казаками как предательство [Рвачева 2021, 196]. Союз казаков официально осудил этот договор, интерпретируя его как сепаратистские устремления Козицына, антигосударственную и антиказачью деятельность [ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 187. Л. 15]. Однако из полевых материалов автора и интервью с донскими, терскими и кубанскими казаками известно, что благодаря этому договору Козицын вызволял из плена многих солдат-срочников, являвшихся казаками. Через 20 лет в 2014 г. вместе со своим войском Козицын, будучи уроженцем Донбасса, зашел отстаивать казачьи интересы на территорию Луганской области (исторически входившей в область войска Донского), где в тот момент начался кризис власти и вооруженный конфликт сепаратистских формирований с украинской армией и между собой за контроль над территориями и ресурсами. Казаки, не только козицынские, но и других местных атаманов стали одним из заметных акторов конфликта на Донбассе, зачастую действуя самостоятельно, без согласия российских властей. Своими действиями атаман Козицын подкреплял высказанный в 2005 г. тезис о том, что единство казачества, основанное на государственной службе, на практике является воображаемым.

Однако атаман Водолацкий, будучи одновременно и заместителем губернатора Ростовской области, пытался убедить власть, что

⁵ Количество жертв среди казаков в этом нарративе со временем возрастало: в 1991 г. атаман Громов говорил о 1 млн 250 тыс.; Волков упомянул 2 млн; в музее Владимира Мелихова «Донские казаки в борьбе с большевиками» приводится цифра в 4 млн погибших казаков. Исследователи же оценивают потери казаков в 250–500 тыс. [Венков].

он контролирует казачье движение и что оно полностью лояльно Москве. Будучи среди политической элиты области в компании советника Президента РФ по вопросам казачества генерала Г. Н. Трошева и иерархов РПЦ при открытии памятника и торжественном параде реестровых войск на главной казачьей площади, Водолацкий успешно справился с задачей демонстрации региональной и федеральной власти того, что казаки готовы верно служить державным интересам России. Сам Виктор Водолацкий сделал успешную политическую карьеру⁶, а реестровое войско Донское получает значительные государственные дотации, измеряемые миллиардами рублей⁷, как и Кубанское⁸.

Период 1995–2005 гг. характеризуется созданием системы государственной службы казачества и итоговым утверждением через постоянные дискуссии, вплоть до самого верхнего уровня власти, статуса казака как члена казачьего общества. Произошел окончательный отказ государственных чиновников от продвигаемой активистами идеи, что казаки — это народ. Власть не желала создавать прецедент признания нового народа из числа русских, что могло бы спровоцировать другие подобные «возрождения» и привести к угрозе сепаратизма. В то же время среди активистов образовалось оппозиционное реестру течение казачьих националистов, развернувшее идеологическую борьбу за построение собственной нации, обращаясь к виктимному историческому нарративу.

В 2010–2020-е гг. малочисленные казачьи националисты, которые отрицают концепт

великодержавия и государственной службы казаков, в основном ведут деятельность в Интернете через группы в социальных сетях. Наиболее влиятельная — «Казакция» [<https://vk.com/public123928401>] с девизом «Вера — только лишь в Дикое Поле, Кровь — одной лишь Стране Казаков» (16 тыс. участников), где активно продвигается идея казачьего Прибега как исконной национальной территории на нынешнем юге России (прежде всего Ростовская область и Краснодарский край, частично Волгоградская область и Ставропольский край), которая должна автономно управляться казаками без политической воли Москвы. За свои идеи лидеры этого сообщества, не имеющие доступа к ресурсам и реального влияния на массы, подвергались преследованию со стороны властей. Неоднократно преследовался с 2007 г. и менее радикальный казачий националист, предприниматель Владимир Мелихов, обвинявшийся в оправдании нацизма за установку памятника атаману-коллаборационисту Петру Краснову и наличие темы казачьего коллаборационизма в его частных музеях «Донские казаки в борьбе с большевиками» в Ростовской области и Подольске. Мелихов полностью отрицает симпатии к нацистским идеям: «Пошли гонения на нас, что мы прославляем нацизм, хотя у нас в голове не было, чтобы прославлять нацизм. Это абсолютная глупость. Мы этим крестом [в память о выдаче казаков-коллаборационистов в Лиенце в июне 1945 г.] и экспозицией музея, открытого в 2010 г., решили заострить проблему “Почему?”» [Интервью автора с В. П. Мелиховым. 03.04.2023 г.]: почему такое большое количество советских граждан оказалось в немецком плену и согласилось сотрудничать против своей Родины?

Для Мелихова важно иметь возможность задавать власти вопросы, высказывая собственное мнение и предложения, иными словами оспаривать доминирующий дискурс. В его интерпретации основная ценность казаков — их политическая культура, заключающаяся в способности организовывать свою жизнь, используя принцип «лучший среди равных во власти». Таким образом Мелихов и его соратники предлагают использовать систему традиционной казачьей демократии на уровне самоуправления в казачьих регионах страны, не заявляя о сепаратистских устремлениях. Для

⁶ В 2007 г. он стал членом ВПП «Единая Россия» и ее координатором по работе с казачеством; стал депутатом Госдумы V–VIII созывов, первым заместителем председателя Комитета Госдумы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками; членом Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, членом Совета при Президенте РФ по делам казачества. В ноябре 2012 г. сложил с себя полномочия атамана ВКО ВВД.

⁷ Например, в 2024 г. из бюджета Ростовской области выделено 2,6 млрд рублей на поддержку казачьих обществ (URL: <https://www.donland.ru/news/26913/> (дата обращения: 19.08.2024)).

⁸ Из бюджета Краснодарского края на казачество в 2023–2025 гг. выделено 3,66 млрд рублей (URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/63972c2e9a7947934029c565> (дата обращения: 19.08.2024)).

предпринимателя Мелихова задача возрождения казачества всегда виделась в «организации добротной жизни на своей земле через систему власти, устроенную на этой земле из лучших людей» [Интервью автора с В. П. Мелиховым. 03.04.2023 г.]. Он и его немногочисленные единомышленники видят казаков частью гражданского общества прежде всего в экономически сильном государстве, выступая с антимилитаристских позиций в понимании России как великой державы.

Активисты-националисты пытались и пытаются использовать виктимный нарратив в своих целях, однако мобилизационный потенциал казачьего населения оказался недостаточным для формирования массового национального движения. В терминах Р. Брубейкера высокие уровни групповости в итоге не кристаллизовались, несмотря на усилия по созданию групп, которые осуществляли этнополитические предприниматели [Brubaker, 112].

Полагаю, что 2005 г. стал поворотным ввиду принятия закона о государственной службе казачества и определил все дальнейшее развитие казачьего движения в русле бюрократизации. Заявлявшийся как основа возрождения казачества этнокультурный компонент оказался вытесненным из практик служилым патриотизмом, определенным властью как доминирующий дискурс. Согласно закону 2005 г. казаком считается член реестрового казачьего общества, которым может стать любой гражданин. Для поддержания этого вектора в 2000-х гг. в Краснодарском крае, Ростовской и в меньшей степени Волгоградской областях, а в начале 2010-х и в Ставропольском крае была сформирована система казачьего образования с казачьими кадетскими корпусами, казачьими школами и казачьими классами в общеобразовательных школах. В программу общеобразовательных учреждений через уроки региональной истории включалась история казачества, призванная интегрировать казаков в общероссийский контекст. Как отмечает А. И. Миллер, соотношение казачьего и русского населения в учебниках не проговаривается, подразумевая, что казаки являются частью русских [Миллер, 1309]. Учебники утверждались надзорными органами для внедрения их в повсеместно создаваемые казачьи классы.

Основой деятельности этих образовательных учреждений является сотрудничество городских органов управления образования и районных казачьих обществ. В 2012 г. была принята концепция государственной политики РФ в отношении казачества, в список приоритетных направлений реализации которой прежде всего входило привлечение членов казачьих обществ к государственной службе, а также «развитие сети казачьих корпусов, образовательных организаций, использующих в образовательном процессе казачий компонент» [Концепция реализации государственной политики...]. Фактически система казачьего образования была призвана идеологически подготовить юных казаков к дальнейшей государственной службе.

В результате формирования системы государственной службы реестрового казачества в конце 2000-х — начале 2010-х гг. лидеры движения, которые в абсолютном большинстве были заменены на лояльных власти технократов, перестали политически использовать виктимный нарратив о геноциде. Тема жертв казаков во время Гражданской войны оставалась, но акцент смещался на преодоление страданий и героическое возрождение во благо России. Бюрократизация процесса возрождения казачества в 2010-х гг. привела к вытеснению виктимного нарратива из официального дискурса и к доминации героического нарратива, основанного на идее службы Отечеству ради его величия. Особенно это интенсифицировалось в 2022–2023 гг., когда казаки, до того занимавшиеся в основном патрулированием в городах и патриотическим воспитанием школьников, стали массово отправляться на фронт в зону СВО. 21 августа 2024 г. губернатор Запорожской области Евгений Балицкий объявил о «воссоздании Запорожского казачьего войска, которое традиционно являлось одним из оплотов российской государственности, хранителем традиционных общественных ценностей и образцом самоотверженного служения Родине» [Официальный телеграм-канал...]. В официальном дискурсе реестровое казачество и идея служилого государственного патриотизма стали доминирующими, вытеснив культурно-этническое возрождение.

Заключение

Движение возрождения казачества значительно трансформировалось за последние 35 лет. Начинаясь в конце 1980-х на юге России как гражданская инициатива потомков казаков из городской интеллигенции, оно превратилось в выстроенную систему казачьих обществ на государственной службе с отдельно существующими общественными казачьими организациями и независимыми националистами. Для утверждения себя в новой социально-политической системе казачьи активисты с самого начала 1990-х использовали две параллельные стратегии: добиться на государственном уровне признания казаков народом через обращение к виктимному нарративу о геноциде и добиться воссоздания государственной службы казачества через обращение к героическому нарративу о защитниках Отечества. Героический нарратив включал в себя концепт великодержавия как конечной цели возрождения казачества через его службу государству. Доминирующим в казачьей среде было видение России как мощного государства, прежде

всего военно-политического. Именно вторая стратегия оказалась реализована к середине 2000-х, но власть, приняв казачество на государственную службу, отказалась признавать его народом, заменив старых самостоятельных лидеров и вытеснив попытки этнокультурного возрождения в неформальную среду казачьих националистов. Последние отказываются от идеи служения государству ради достижения великодержавия, понимаемого ими как русский империализм. Умеренные казачьи националисты агитируют прежде всего за автономное самоуправление и экономическое развитие традиционно казачьих регионов. Радикальные выступают за создание казачьих республик, но они не обладают серьезным мобилизационным потенциалом, в отличие от казаков-государственников, которые последние два года активно отстаивают идею великой державы на полях сражений. Тема служения великой державе оказалась приемлемой для большинства казаков, она конституирует существование реестрового казачества и замещает виктимность, которая в начале процесса возрождения позиционировалась в качестве основы.

Список источников

- Бурмагин А. Г. От Кубанского казачьего клуба к Кубанской казачьей раде. Краткая история начала возрождения кубанского казачества, 1989–1992 годы. Краснодар : Пульс-Софт, 2009.
- Венков А. В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» // Новое прошлое. 2018. № 1. Интервью автора с В. П. Громовым. 08.10.2022 г.
- Интервью автора с В. П. Мелиховым. 03.04.2023 г.
- Каменцев А. А. Возрождение казачества и красно-белая память // Россия-XXI. 2024. № 3. Принята к публикации. Концепция реализации государственной политики в отношении казачества на территории Ростовской области от 06.12.2012. URL: <https://www.donland.ru/documents/5046/> (дата обращения: 15.12.2023).
- Маркедонов С. М. Казачество: проблема становления // Полития. 1999. № 1 (11). С. 140–149.
- Миллер А. И. Политика памяти в южных регионах России (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края) // Политика памяти в России — региональное измерение : коллектив. моногр. / под ред. А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, Д. В. Ефременко. М. : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, 2023.
- Бондаренко М. Каждый атаман остался при своей правде // Независимая газета. 03.10.2005. URL: https://www.ng.ru/regions/2005-10-03/13_ataman.html (дата обращения: 19.09.2023).
- Новочеркасск.net. 13.09.2005. URL: <https://novocherkassk.net/press/lavochka/2005/09/30964-pamyatnik> (дата обращения: 19.09.2023).
- Озеров А. А., Киблицкий А. Г. История современного донского казачества. Исследования и документы. Ростов н/Д : Ростиздат, 2000.
- Официальный телеграм-канал губернатора Запорожской области Евгения Балицкого. URL: <https://t.me/BalitskyEV/3765> (дата обращения: 28.08.2024).
- Рвачева О. В. Возрождение казачества юга России в конце XX — начале XXI века. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2021.
- Рвачева О. В. Возрождение казачества на юге России в советский период (середина 1920-х — начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990–2000-е гг.): историко-сравнительный анализ : дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2022.
- Таболкина Т. В. Казаки. Драма возрождения, 1980–1990-е годы. М. : Изд-во ИЭА РАН, 1999.
- Якимов В. А. Российское казачество в общественно-политических процессах на постсоветском пространстве : дис. ... канд. ист. наук, СПб, 2017.

Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. Cambridge : Mass., 2004.

Skinner B. *Identity Formation in the Russian Cossack Revival // Europe-Asia Studies*. 1994. № 6. P. 1017–1037.

References

- Bondarenko, M. (2005). *Kazhdyi ataman ostalsya pri svoei pravde [Each Ataman Stayed to His Own Truth]*. *Nezavisimaya gazeta*. 03.10.2005. URL: https://www.ng.ru/regions/2005-10-03/13_ataman.html (accessed: 19.09.2023).
- Brubaker, R. (2004). *Ethnicity without Groups*. Cambridge: Mass.
- Burmagin, A. G. (2009). *Ot Kubanskogo kazach'ego kluba k Kubanskoi kazach'ei Rade. Kratkaya istoriya nachala vrozozhdeniya kubanskogo kazachestva 1989–1992 gody [From the Kuban Cossack Club to the Kuban Cossack Rada. A Brief History of the Beginning of the Revival of the Kuban Cossacks 1989–1992]*. Krasnodar: Puls-Soft.
- Interv'yu avtora s V. P. Gromovym [Author's Interview with V. P. Gromov]*. 08.10.2022.
- Interv'yu avtora s V. P. Melikhovym [Author's Interview with V. P. Melikhov]*. 03.04.2023.
- Kamentsev, A. A. (2024). *Vozrozhdenie kazachestva i krasno-belaya pamyat' [The Cossack Revival and Red-White Memory]*. *Rossiia-XXI*. 3. V pechati.
- Kontseptsiya realizatsii gosudarstvennoi politiki v otnoshenii kazachestva na territorii Rostovskoi oblasti ot 6.12.2012 [The Concept of the Implementation of the State Policy in Relation to the Cossacks on the Territory of the Rostov Region]*.
- Markedonov, S. M. (1999). *Kazachestvo: problema stanovleniya [Cossacks: the Problem of Shaping]*. *Politiya*, 1 (11), 140–149.
- Miller, A. I. (2023). *Politika pamyati v yuzhnykh regionakh Rossii (Rostovskaya oblast', Krasnodarskii i Stavropol'skii kraia) v Politika pamyati v Rossii — regional'noe izmerenie. Kollektivnaya monografiya [The Politics of Memory in the Southern Regions of Russia (Rostov Oblast, Krasnodar and Stavropol Territories) in The Politics of Memory in Russia — Regional Dimension. Collective monograph] / ed. A. I. Millera, O. Yu. Malinovoi, D. V. Efremenko*. Moscow: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN.
- Novocherkassk.net* 13.09.2005. URL: <https://novocherkassk.net/press/lavochka/2005/09/30964-pamyatnik/> (accessed: 19.09.2023).
- Ofitsial'nyi telegram-kanal gubernatora Zaporozhskoi oblasti Evgeniya Balitskogo [Official Telegram Channel of the Governor of Zaporizhzhya region Yevgeniy Balitskiy]*. URL: <https://t.me/BalitskyEV/3765> (accessed: 28.08.2024).
- Ozerov, A. A., Kiblitkii, A. G. (2000). *Istoriya sovremennogo donsogo kazachestva. Issledovaniya i dokumenty [History of the Modern Don Cossacks. Studies and Documents]*. Rostov-na-Donu, Rostizdat.
- Rvacheva, O. V. (2021). *Vozrozhdenie kazachestva yuga Rossii v kontse XX — nachale XXI veka [Revival of the Cossacks of the South of Russia in the late XX — early XXI century]*. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Rvacheva, O. V. (2022). *Vozrozhdenie kazachestva na yuge Rossii v sovetskii period (seredina 1920-kh — nachalo 1940-kh gg.) i v postsovetskii period (1990-e — 2000-e gg.): istoriko-sravnitel'nyi analiz [Revival of the Cossacks of the South of Russia in the Soviet (the middle of 1920s — beginning of 1940s) and Post-Soviet Age (1990s — 2000s)]*: Diss. d-ra ist. nauk. Volgograd.
- Skinner, B. (1994). *Identity Formation in the Russian Cossack Revival. Europe-Asia Studies*, 6, 1017–1037.
- Tabolina, T. V. (1999). *Kazaki: Drama vrozozhdeniya: 1980–1990-e gody [Cossacks: Drama of Revival: 1980–1990s]*. Moscow: Izdatel'stvo IEA RAN.
- Venkov, A. V. (2018). *Genotsid, golodomor i drugie uzhasy v istorii “kazatskogo naroda” [Genocide, Holodomor and Other Horrors in the History of the “Cossack People]*. *Novoe proshloe*, 1, 275–290.
- Yakimov, V. A. (2017). *Rossiiskoe kazachestvo v obshchestvenno-politicheskikh protsessakh na postsovetskom prostranstve [Russian Cossacks in Socio-Political Processes in the Post-Soviet Space]*. Diss. na soiskanie k.i.n., Saint Petersburg.

Сведения об авторах

Александр Андреевич Каменцев — ассоциированный научный сотрудник Центра изучения культурной памяти и символической политики при Европейском университете в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Information about the authors

Aleksandr A. Kamentsev — Associate Researcher at the Center for the Study of Cultural Memory and Symbolic Politics at the European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Статья поступила в редакцию 12.09.2024;
одобрена после рецензирования 30.09.2024;
принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 12.09.2024;
approved after reviewing 30.09.2024;
accepted for publication 01.10.2024

Научное издание

TEMPUS ET MEMORIA

2024. Т. 5. № 2

Редактор и корректор
Компьютерная верстка

*Т. А. Федорова
Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-79281 от 02 октября 2020 г.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 28.12.2024. Формат 64 × 84 1/8. Гарнитура Charter.
Уч.-изд. л. 7,5. Объем данных 1,8 Мб.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

Данное электронное сетевое издание размещено в электронном архиве УрФУ:
<http://elar.urfu.ru>